

ISSN 2949-5121 (PRINT)
ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

2024 № 4

- Характер труда в постиндустриальном мире:
свободный vs вынужденный
- Философия любви Вл. Соловьёва:
от платоновского Эроса к вселенской сизигии
- Речевое высказывание в структуре критического мышления:
поиск смысла доказательного суждения

ISSN 2949-5121 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала «Современные философские исследования»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет им. М. Тореза;

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. — 2024. — № 4. — 142 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philosmgou.ru

**Founder of the journal "Contemporary Philosophical Research":
Federal State University of Education**

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2024. – No. 4. – 142 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Михайлова Е. Е., Удалова Л. В. Речевое высказывание в структуре критического мышления: поиск смысла доказательного суждения 6

Соколова О. И. Об эпистемологическом статусе вероятностно-статистических методологий в аспекте единства научного и философского знания 15

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Кравченко В. В. Философия любви Вл. Соловьёва: от платоновского Эроса к всеенской сизигии 23

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бондарева Я. В., Синенко В. Я., Костадинович Д. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part V ... 35

Зубов В. В. Влияние философских начал ислама на формы и инструменты банковской деятельности в мусульманском мире. 42

Прядко И. П. Применение математической логики в технике и строительстве: отечественный опыт XX века 51

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Афанасьева М. А. Новые религиозные движения: компаративистский анализ 60

Баталин Р. А. Архетипические образы матери, отца и семьи как фундамент феномена патриотизма 73

Вердиев Э. З. Социальная природа авторитета 79

Ерёмченко Е. Н. Парадокс Гоголя: кибернетика дорог и хронотоп России 92

Климов С. Н., Минаев Д. Н. Проблема сознания в контексте социально-философского осмысления современности 103

Кузьменко А. А. На пути формирования социально-философского подхода к осмыслению эргодизайна 111

Рочняк Е. В. Трансгуманистические идеи в свете экофилософской парадигмы 123

Чернавин Ю. А., Федотов В. В. Характер труда в постиндустриальном мире: свободный vs вынужденный. 131

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

E. Mikhaylova, L. Udalova. Speech Statement in the Structure of Critical Thinking:
Searching for the Meaning of Evidential Judgment 6

O. Sokolova. On the Epistemological Status of Probability-Statistical Methodologies
in the Aspect of the Unity of Scientific and Philosophical Knowledge..... 15

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

V. Kravchenko. The Philosophy of Love by V. Solovyov: From Platonic Eros
to Universal Syzygy 23

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Ya. Bondareva, V. Sinenko, D. Kostadinovic. Generally Recognized Scientific Categories
as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part V 35

V. Zubov. The Influence of the Philosophical Principles of Islam on the Forms
and Instruments of Banking in the Muslim World. 42

I. Pryadko. Using Mathematical Logic in Engineering and Construction:
Domestic Experience of the 20th Century 51

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

A. Afanasyeva. New Religious Movements: A Comparative Analysis 60

R. Batalin. Archetypal Images of Mother, Father and Family as the Foundation
of the Phenomenon of Patriotism 73

E. Verdiyev. The Social Nature of Authority 79

E. Eremchenko. Gogol's Paradox: Cybernetics of Roads and Chronotope of Russia 92

S. Klimov, D. Minaev. The Problem of Consciousness in the Context of Social
and Philosophical Understanding of Modernity. 111

A. Kuzmenko. Formation of a Social-Philosophical Approach to Understanding Ergodesign 123

E. Rochnyak. Transhumanist Ideas in the Light of the Eco-philosophical Paradigm. 123

Yu. Chernavin, V. Fedotov. The Nature of Labor in the Post-Industrial World:
Free vs Forced 131

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-6-14

РЕЧЕВОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В СТРУКТУРЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ПОИСК СМЫСЛА ДОКАЗАТЕЛЬНОГО СУЖДЕНИЯ

Михайлова Е. Е., Удалова Л. В.

Тверской государственный технический университет

170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть речевое высказывание в структуре критического мышления как способ поиска смысла доказательного суждения в контексте взаимосвязи языка и познания.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет осмысление континуума критического мышления в его дискурсивном проявлении. Использованы философские методы познания: системный подход, позволивший актуализировать вопрос об организации мышления человека, а также функционально-структурный метод для анализа модели критического мышления и герменевтическая процедура как способ поиска смысла доказательного суждения.

Результат. Актуализирована значимость речевого высказывания в структуре критического мышления. Критическое мышление в любой области предполагает наличие способности реагировать на проблему через постановку поисковых вопросов и интерпретацию новых знаний. Критическое мышление создает ощущение того, что знание спорно и надо подвергать сомнению сторонние утверждения, постоянно предоставлять доказательства в поддержку аргументов. Структура критического мышления состоит из информационно-логических, коммуникативно-этических, рефлексивно-герменевтических элементов. Речевое высказывание (письменное или устное) в структуре критического мышления способствует выработке умения использовать правильные языковые средства, гибко подходить к формулировкам вопросов и ответов, помогает выбраться из информационного «пузыря» и перенастраивать нерелевантные взгляды.

Теоретическая и/или практическая значимость. Рефлексивная технология обучения критическому мышлению осмыслена в контексте речевого высказывания как способ поиска смысла доказательного суждения. В процессе освоения новых знаний необходимо каждый раз преодолевать три интеллектуальных стадии роста – вызов, ответ, рефлексия. Теоретические положения, представленные в статье, проиллюстрированы примерами из образовательных практик.

Ключевые слова: доказательное суждение, знание, интерпретация, информационный поток, критическое мышление, познание, рефлексия, речевое высказывание, смысл, человек

SPEECH STATEMENT IN THE STRUCTURE OF CRITICAL THINKING: SEARCHING FOR THE MEANING OF EVIDENTIAL JUDGMENT

E. Mikhaylova, L. Udalova

Tver State Technical University

nab. Afanasiya Nikitina 22, Tver 170026, Tver Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider an utterance in the structure of critical thinking as a way of searching for the meaning of an evidential judgment in the context of the relationship between language and cognition.

Methodology. The main content of the study is to comprehend the continuum of critical thinking in its discursive manifestation. Philosophical methods of cognition were used: a systematic approach, which made it possible to update the question of the organization of human thinking, as well as a functional-structural method for analyzing the model of critical thinking and a hermeneutic procedure as a way of searching for the meaning of an evidential judgment.

Results. The importance of speech utterance in the structure of critical thinking has been updated. Critical thinking in any field requires the ability to respond to a problem by asking exploratory questions and interpreting new knowledge. Critical thinking creates the feeling that knowledge is controversial and one must question third-party claims and constantly provide evidence to support arguments. The structure of critical thinking consists of information-logical, communicative-ethical, reflexive-hermeneutic elements. Speech expression (written or oral) in the structure of critical thinking contributes to the development of the ability to use the correct language means, be flexible in the formulation of questions and answers, helps to get out of the information “bubble” and reconfigure irrelevant views.

Research implications. The reflective technology of teaching critical thinking is conceptualized in the context of a speech utterance, as a way of searching for the meaning of an evidence-based judgment. In the process of mastering new knowledge, it is necessary to overcome three intellectual stages of growth each time - challenge, response, reflection. The theoretical principles presented in the article are illustrated with examples from educational practices.

Keywords: evidential judgment, knowledge, interpretation, information flow, critical thinking, cognition, reflection, speech utterance, meaning, person

Введение

В глобальном обществе, где все отрасли стремятся усовершенствовать свою деятельность и создавать новые продукты, основанные на ожиданиях всё более разборчивых потребителей, становятся актуальными теории когнитивной обработки информации. Информационный поток, который льётся на человека каждый день, иной раз превосходит все ожидания, и чем он больше, тем сложнее найти в нём обоснованную информацию. Для адекватного ориентирования человека в нарастающем информационном потоке теоретиками уже придумано немало алгоритмов. Изложенные по-разному, все они сводятся к нескольким пошаговым действиям. Первый шаг – анализ полученной информации: найти первоисточник, выделить ключевые блоки высказывания и установить причинно-следственную связь; второй – проверка фактов: обратиться к эксперту или противоположному источнику, найти нарушенное звено в логике рассуждений; третий – поиск мотива: выявить

круг заинтересованных лиц, определить, к чему побуждает высказывание (открытое или завуалированное) и где его можно применить.

Цель данного исследования – рассмотреть речевое высказывание в структуре критического мышления, как форму проявления мыслительной активности, как способ поиска смысла доказательного суждения в контексте взаимосвязи языка, познания и знания, где:

- язык – инструмент общения, понимания, обмена мыслями;
- познание – процесс продуктивный, включающий все виды мысли и охватывающий все сферы суждения, результат которого – знание;
- знание – объективное и субъективное признание истинности, верности суждения.

Главные переменные, которые важно учитывать в процессе формирования критического мышления, – это память, логика и действия. Теоретики выделяют два вида памяти: первая – кратковременная память,

необходимая для передачи информации собеседнику или для трансфера знаний в долговременное хранилище, вторая – долговременная, или закодированная память. Формальная оперативная мысль происходит из когнитивной готовности человека к задачам, которые включают в себя абстрактные и дедуктивные рассуждения. Целесообразные действия – это работа с полученной информацией через припоминание, анализ, синтез, оценку и интерпретацию.

В образовательной практике рефлексивная технология обучения критическому мышлению как способу поиска смысла доказательного суждения осмыслена в контексте речевого высказывания. В процессе освоения новых знаний необходимо каждый раз преодолевать три интеллектуальных стадии роста: вызов, ответ, рефлексия. Стадия вызова – пробуждение интереса к предмету изучения, актуализация имеющихся знаний; стадия реализации смысла – интерпретация нового материала, контакт с новой информацией, её систематизация и формулировка вопросов по мере сопоставления прежних и новых сведений; рефлексия – присвоение и обобщение нового материала, и на его основе формирование собственной аргументированной позиции.

Понятие и структура критического мышления

Понятие критического мышления имеет множество интерпретаций. Исследователи соглашались, что суть заключается в подаче и расстановке акцентов: информационно-логических, коммуникативно-этических, психологических, рефлексивных, герменевтических и т. д. В самых общих чертах критическое мышление предполагает активный поиск понимания действительности, тщательную оценку имманентно поступающей информации и адекватную на неё реакцию. «Следует понимать критическое мышление как комплекс приёмов, а не как способность, которой вы обладаете или не обладаете», – рассуждает Т. Чатфилд и предлагает пошаговое руко-

водство по реконструкции обоснованных аргументов в своей книге «Критическое мышление: Анализируй, сомневайся, формируй своё мнение» [11, с. 26]. В зафиксированном определении критического мышления слово «активный» означает такие действия, как перебирать, измерять, сопоставлять, сомневаться, удивляться, тревожиться и т. д. Некритическое мышление противопоставляется критическому и определяется как автоматическое принятие на веру прочитанной или услышанной информации, когда не делается пауза, чтобы задаться вопросом, является ли она точной, истинной или здоровой [11, с. 309].

Припоминание факта является предпосылкой для более сложных когнитивных функций, оценка факта приводит к появлению «когнитивной или умственной энергии», предназначенной для поиска путей решения сложных проблем. [12, с. 3]. От образовательной практики зависит многое – подача информации, её повторение, закрепление и контроль. В последнем случае большую роль играет техника опроса. Исследования показывают, что многие часто задают шаблоны или наборы вопросов, рассчитанные на простое воспроизводство фактической информации. Не спорим, что припоминание фактов является предпосылкой для более сложных когнитивных функций. Однако на нём нельзя останавливаться. Критическое и аналитическое мышление не разовьётся от исключительно механического припоминания. Такие задания, как анализ, синтез, интерпретация и оценка, – вот целесообразные способы работы с полученной информацией.

Структура критического мышления включает в себя несколько элементов, упорядоченность которых следует соблюдать для правильной аргументации. Триггером, как правило, служит спорный вопрос, который усиливает циркуляцию информации и порождает сведения, требующие новой интерпретации. Субъект познания должен понимать саму концепцию аргумента: отличать утверждения от не-утверждений, объяснять различные виды доказательных связей и, наконец, де-

монстрировать свою способность речевого высказывания.

Американские учёные Джинни Стил, Курт Мередит и Чарльз Темпл в конце 1990-х гг. разработали рефлексивную технологию обучения критическому мышлению. Главный посыл авторов сводился к тому, что любого человека можно научить думать критически. Для этого в процессе освоения новых знаний необходимо каждый раз преодолевать три интеллектуальных стадии: вызов, ответ, рефлексия. Стадия вызова – пробуждение интереса к предмету изучения, актуализация имеющихся знаний; стадия реализации смысла – интерпретация нового материала – контакт с новой информацией, её систематизация и формулировка вопросов по мере соотнесения прежних и новых сведений; рефлексия – «присвоение» нового материала, обобщение и на его основе формирование собственной аргументированной позиции [13].

Тема «вызова – ответа» в исследовательской литературе имеет давнее хождение в самых разных сферах социогуманитарного знания. В исторической науке феномен вызова связывается с ответным действием и укладывается чаще всего, на примере концепции А. Тойнби, в триаду «вызов – ответ – действие» [10]. По наблюдениям культурологов, подобная связка работает в границах жизни одного поколения, и она же способна преодолевать межпоколенческие пласты традиций [3]. Социологи рассматривают рефлексивную связку «ответ на вызов» в контексте социокультурной адаптации [1]. В образовательных практиках формируется подход, согласно которому критическое мышление рассматривается как когнитивный процесс, структура которого встроена во все уровни и направления образования, чтобы позволить субъекту познания использовать сочетание навыков мышления низшего (механического) и высшего (смыслового) порядка для познавательных и оценочных задач [2]. Схожую позицию отстаивают психологи в контексте субъектно-информационного подхода [5], концепции «гибкого мышления» [8], а

также в оптике новой картины конкурентоспособности субъекта на рынке труда [9].

Рефлексия в широком смысле слова – это осознание того, что осуществилось и какие изменения могут и должны произойти в будущем. Спектр рефлексии имеет большое значение: в процессе получения информации (зачем мне это надо?); в самоанализе (кто я? где область моей деятельности и ответственности?); во взаимном общении (как я проявляю своё речевое присутствие?) [9, с. 137]. На этом фоне видится особо важным коммуникативный аспект. В современной исследовательской литературе сложилось понятие «эмпатическое слушание». Оно основывается на формуле *слушать и слышать – это разные вещи. Слушать собеседника означает проявлять контакт: смотреть в глаза, кивать, не отвлекаться на гаджеты. Слышать – уметь считывать эмоции собеседника, обращать особое внимание на интонацию голоса и на вербальные жесты, вникать в глубину проблемы высказывания. В этом смысле уникальны слова Аристотеля: «Два года человек учится говорить, а потом всю оставшуюся жизнь – молчать». Известны примеры и из хранилищ народной мудрости, например пословица о том, что человеку даны два уха и всего один рот, чтобы слушать вдвое больше, чем говорить [9, с. 118]. И философский, и народный посыл можно закольцевать двумя вопросами, отражающими глубину эмпатического слушания: первый – чьи интересы важнее, ваши или вашего собеседника? второй – как часто вы даёте советы, особенно если вас не просят об этом?*

Речевое высказывание как способ поиска смысла доказательного суждения

Понятие речевого высказывания как специфической формы нарративной организации исторического познания и повествования уходит корнями в логику, семантику и лингвистику [6]. Для логиков важен поиск истинности или ложности

суждения. Для представителей семантики существенное значение приобретает непосредственный контекст речения. В лингвистике высказывание рассматривают как речевую деятельность и одновременно как единицу социокультурного дискурса [4]. В психологии высказанная мысль рассматривается как «потребностно-эмоционально-содержательная субстанция» [7, с. 165]. Во всех случаях речевое высказывание прямо или косвенно лежит в основе философии «лингвистического поворота» в познании и истолковывается как задача осмысления взаимосвязи мышления и действия.

Преддверием речевого высказывания считается так называемое «активное чтение», которое предполагает погружение в текст с двойной целью: понять смысл и извлечь пользу для себя [11, с. 304]. За процесс активного чтения и следующего за ним речевого высказывания отвечает «интегральное мышление», согласно которому мозг постигает целиком смысл фразы и её контекста [8, с. 117].

Анализ технологии обучения активному чтению и речевому высказыванию (устному или письменному) можно поддержать описанием образовательных практик, которые использовались авторами данной статьи для повышения познавательной мотивации субъектов познания.

Приведём примеры активации речевого высказывания коммуниканта в структуре критического мышления на занятиях по учебной дисциплине «Критическое мышление и академическая культура». В качестве акторов в процессе обучения представлены, соответственно, преподаватель и магистранты.

Первый пример иллюстрирует то, как мышление магистранта настраивается на поставленные задачи и производит новые идеи и решения. Процесс саморефлексии субъекта протекает в контексте познавательной триады «вызов – ответ – действие».

Стадия вызова. Преподаватель предлагает магистрантам IT-специальности прочитать книгу современного специалиста по

организации производства программного обеспечения. В частности, предлагается обратить внимание на профессиональную типологию, включающую 15 характеристик разработчиков кода, и выполнить три дискурсивных задания: первое – мысленно «примерить» на себя характеристики специалистов IT-сферы; второе – определить, какой стиль написания кода более всего соответствует вашим профессиональным ожиданиям; третье – написать эссе на тему «Какой тип программиста близок мне "здесь-и-теперь"».

Стадия ответа или реализации смысла. Магистранты знакомятся с типологией программистов и делятся первыми впечатлениями. Сообщая они приходят к двум выводам: одобряют критерии классификации программистов – функциональность и самодисциплину – и для более ёмкой типологии предлагают дополнительно учитывать корпоративную обстановку, в которой производится программный продукт (локация специалиста / руководителя, коммуникация офлайн / онлайн, языковые различия и культурные особенности участников).

Стадия действия или рефлексии. Магистранты пишут эссе на тему «Мои профессиональные ожидания». Размышления молодых людей, уже работающих в подавляющем большинстве по специальности, оказываются наполненными интересными суждениями. Если их суммировать, то программист типа «архитектор» силён своими замыслами, «конструктор» – крепкими кодами, «художник» – собственным стилем, «учёный» – приверженностью фундаментальным принципам компьютерных наук, «аналогист» – креативной вариативностью, «минималист» – простыми, но функциональными кодами. Магистранты солидаризируются во мнении о том, что идеального типа программиста не существует. Только в иллюзорном мире программист-архитектор способен одновременно порождать идеи и писать крепкие коды, программист-конструктор в равной мере озаряться интуицией и при этом обладать стратегическим мышлением, а ху-

дожник – добиваться красоты программного продукта на пересечении тонкостей художественного и научного языка высказывания. Итогом такой перекрёстной «примерки» на себя образа программиста становится следующее умозаключение: мастерство разработчика кода характеризуется такими навыками, как знание всех деталей программирования, готовность к постоянному обучению и умение чувствовать эстетику кода.

Второй пример активности речевого высказывания демонстрирует то, как происходит процесс формирования новых взаимосвязей между мыслью и информацией. В структуре мышления обычно выделяются три компонента – содержание, потребность и переживания. С учётом такой позиции было сформулировано задание для магистрантов, выраженное в триаде «увидел – понял – заинтересовался». В основу триады легла мысль о том, как субъект воспринимает информацию, перерабатывает её и, преодолевая трудности новизны и перемен, интерпретирует.

Стадия «увидел». На этой стадии обозначаются тема и цель речевого высказывания. Магистрантам предлагается прочитать научную статью, анализирующую возможности применения нейронных сетей в разных сферах жизни человека, или посмотреть видео о том, как работает ChatGPT. Принципиальное значение здесь имеют два обстоятельства: факт выбора и актуальность тематики статьи / видеоролика. Выбор, разумеется, отражает интерес магистранта, что актуализирует его познавательную мотивацию. А актуальность тематики статей и видеороликов обоснована тем, что за последние несколько лет нейросети и другие продукты на базе искусственного интеллекта успели стать частью нашей повседневной реальности. Но, несмотря на это, они продолжают вызывать неоднозначные чувства даже у технически подкованных людей. Таким образом, ещё до начала дискурсивных шагов (чтения и осмысления текста) активируются все компоненты критического мышления –

информационно-логический, коммуникативный и рефлексивный.

Стадия «понял». Теоретики когнитивной и информационной обработки полагают, что информация передаётся через параллельный ряд конструкций: сенсорный регистр, кратковременную память или временную рабочую память, а также долговременную память или так называемый «постоянный магазин». Бытует установка, что увеличение вероятности передачи информации (времени, в течение которого материал хранился в кратковременной памяти) может привести к улучшению обучения. Теоретики считают это слабым предикатом. Более сильным предикатом для обучения видится глубина того, как материал был закодирован. Здесь делается упор не на механическом заучивании, повторении или припоминании, а на создании способов извлечения информации из кратковременной памяти в постоянное хранилище и нового контекста знаний.

Стадия «заинтересовался». Совершая этот дискурсивный шаг, магистрант показывает разные точки зрения на данную тему и обозначает свою позицию: на чьей стороне – тех, кто видит достоинства применения нейросетей (их масштабируемость и способность обрабатывать большие объёмы данных и т. д.) или недостатки (риск создания и распространения ложной информации, подмена авторства и т. д.).

Речевые высказывания магистрантов говорят сами за себя и хорошо отражают атмосферу повышения уровня критической мысли как способа поиска смысла доказательного суждения.

Продуктивность работы с информацией в триаде «вызов – ответ – рефлексия» / «увидел – понял – заинтересовался» видна под двумя углами зрения: изнутри и извне. Взгляд изнутри предполагает, что субъекту познания необходимо разобраться в собственных противоречиях, очертить грани характера через фиксацию профессиональных достоинств и недостатков, найти новые импульсы для усиления познавательной мотивации. Взгляд извне высвечивает роль образовательной практики в

реализации этой речевой триады: на этапе ознакомления с текстом – актуализация интереса субъекта познания к получению новых сведений; на этапе осмысления – помощь в налаживании когнитивных связей между старым и новым знанием, т. е. сопоставление нового с уже имеющимися сведениями, структурирование вновь приращённых знаний; на этапе рефлексии – участие в обсуждении вопроса, как можно использовать освоенные знания в профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Заключение

Критическое мышление в любой области предполагает наличие способности реагировать на проблему через постановку поисковых вопросов и интерпретацию новых знаний. Критическое мышление создаёт ощущение того, что знание спорно и надо подвергать сомнению сторонние утверждения, постоянно предоставлять доказательства в поддержку своих аргументов. Критическое мышление работает

в соответствии с методологическим принципом, именуемым «бритва Оккама», согласно которому в сложной информационной ситуации не следует усложнять ответ сверх необходимости. Человек с гибким мышлением, как правило, интеллектуально любознателен, хорошо информирован, открыт к новому, старается быть беспристрастным в оценках и благоразумным в принятии решений. Умение использовать правильные языковые средства, гибко подходить к формулировкам вопросов и ответов – важная задача критически мыслящего человека. Речевое высказывание в структуре критического мышления как способа поиска смысла доказательного суждения занимает ключевую роль. Оно помогает выбраться из информационного «пузыря», ломать свои стереотипы (упрощённые или идеализированные представления о предмете или явлении) и избегать инерции мышления (следовать знакомым идеям и понятиям).

Статья поступила в редакцию 14.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верпатова О. Ю. Миграция в глобализирующемся пространстве и социальное прогнозирование // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 2 (48). С. 77–86.
2. Иванов А. М., Ягафарова Г. А. Основные фазы организации процесса критического мышления: вызов, осмысление, рефлексия // Проблемы научной мысли. 2024. Т. 2. № 1. С. 94–97.
3. Ковалева Е. О., Михайлова Е. Е. Проблема восприятия традиций и конфликта поколений в западноевропейской философии и ее рецепция в русской философии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 167–178.
4. Красина Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91–102.
5. Леньков С. Л., Рубцова Н. Е. Предмет психологии с позиций субъектно-информационного подхода // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 1 (136). С. 138–151.
6. Лингвистический поворот и историческое познание в западной философии XX–XXI веков: коллективная монография / отв. ред. Б. Л. Губман, К. В. Ануфриева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 304 с.
7. Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Ноэма: мысль в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 160–169.
8. Молодинов Л. Эластичность. Гибкое мышление в эпоху перемен / пер. Ш. Мартыновой. М.: Livebook, 2019. 435 р.
9. Морковкина Л. Ф. Книга-тренажер для развития Soft Skills. М.: ЛитРес; Самиздат, 2021. 199 с.
10. Хасанова Т. Г. Дихотомия «вызов-ответ» как первооснова трансформационных процессов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2021. № 4. С. 287–293.
11. Чатфилд Т. Критическое мышление: анализируй, сомневайся, формируй своё мнение / пер. Н. Колпаковой. М.: Альпина Паблишер, 2023. 328 с.
12. Thompson K. Critical Thinking across the Curriculum: Process over Output [Электронный ресурс] //

International Journal of Humanities and Social Science. 2011. Vol. 1. № 9. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Critical-Thinking-across-the-Curriculum%3A-Process-Thompson/4bcf393cac45f7e0591271734b805b4be266fea0> (дата обращения: 06.04.2024).

13. Steele J. L., Meredith K. S., Temple C. A. Framework for critical thinking across the curriculum. Northern Iowa: International Reading Association, 1998. 40 p.

REFERENCES

1. Verpatova O. Yu. [Migration in a globalizing space and social forecasting]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2019, no. 2 (48), pp. 77–86.
2. Ivanov A. M., Yagafarova G. A. [The main phases of the organization of the critical thinking process: challenge, comprehension, reflection]. In: *Problemy nauchnoj mysli* [Problems of scientific thought], 2024, vol. 2, no. 1, pp. 94–97.
3. Kovaleva E. O., Mikhailova E. E. [The problem of perception of traditions and conflict of generations in Western European philosophy and its reception in Russian philosophy]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 1, pp. 167–178.
4. Krasina E. A. [Discourse, utterance and speech act]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics], 2016, vol. 20, no. 4, pp. 91–102.
5. Lenkov S. L., Rubtsova N. E. [The subject of psychology from the subject-information approach standpoint]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2024, no. 1 (136), pp. 138–151.
6. Gubman B. L., Anufrieva K. V., eds. *Lingvisticheskiy povорот i istoricheskoe poznanie v zapadnoj filosofii XX–XXI vekov* [The linguistic turn and historical knowledge in Western philosophy of the 20th–21st centuries]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2021. 304 p.
7. Mazilov V. A., Slepko Yu. N. [Noema: thought in psychology]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin], 2015, no. 6, pp. 160–169.
8. Molodinov L. Elasticity. Flexible thinking in the era of change (Rus. ed.: Martynova Sh., transl. *Elastichnost'. Gibkoe myshlenie v epohu peremen*. Moscow, Livebook Publ., 2019. 435 p.).
9. Morkovkina L. F. *Kniga-trenazher dlya razvitiya Soft Skills* [Simulator book for developing Soft Skills]. Moscow, LitRes Publ., Samizdat Publ., 2021. 199 p.
10. Hasanova T. G. [The challenge-response dichotomy as the fundamental principle of transformation processes]. In: *Vestnik Tadzhijskogo nacional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* [Bulletin of the Tajik National University. Series of philological sciences], 2021, no. 4, pp. 287–293.
11. Chatfield T. Critical Thinking: Analyze, Doubt, Form Your Opinion (Rus. ed.: Kolpakova N., transl. *Kriticheskoe myshlenie: analiziruj, somnevajsa, formiruj svoje mnenie*. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2023. 328 p.).
12. Thompson K. Critical Thinking across the Curriculum: Process over Output. In: *International Journal of Humanities and Social Science*, 2011, vol. 1, no. 9. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Critical-Thinking-across-the-Curriculum%3A-Process-Thompson/4bcf393cac45f7e0591271734b805b4be266fea0> (accessed: 06.04.2024).
13. Steele J. L., Meredith K. S., Temple C. A. Framework for critical thinking across the curriculum. Northern Iowa, International Reading Association Publ., 1998. 40 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайлова Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Удалова Лариса Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: lv.udalova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena E. Mikhailova – Cand. Sci. (Philosophical Sciences), Prof., the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Larisa V. Udalova – Cand. Sci. (Philosophical Sciences), Assoc. Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: lv.udalova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Михайлова Е. Е., Удалова Л. В. Речевое высказывание в структуре критического мышления: поиск смысла доказательного суждения // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-6-14

FOR CITATION

Mikhaylova E. E., Udalova L. V. Speech Statement in the Structure of Critical Thinking: Searching for the Meaning of Evidential Judgment. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 6–14.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-6-14

УДК 001.6

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-15-22

ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОЛОГИЙ В АСПЕКТЕ ЕДИНСТВА НАУЧНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Соколова О. И.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать эпистемологический статус вероятностно-статистических методологий в современной науке, включая вопрос о поиске оснований способа мысли, в основе которого лежат суждения о вероятности наступления ожидаемых событий.

Процедуры и методы. Полученные в ходе данного исследования результаты базируются на методах критического и сравнительно-исторического анализа. Междисциплинарный подход к исследованию заявленной темы определяется необходимостью рассматривать аспекты вероятности как в естественных, так и в гуманитарных науках.

Результаты. По результатам проведённого исследования был сделан вывод, что обращение к изучению вероятностно-статистических методологий даёт возможность выявить корреляции между эволюцией философских и научных взглядов. А это позволяет установить дополнительные перспективы междисциплинарности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Принципиальная ценность проведённого исследования состоит в демонстрации эвристического потенциала философских представлений о вероятности для научного изучения объектов, характеризующихся нестабильностью и сложностью.

Ключевые слова: вероятностно-статистические методологии, вероятность, натурфилософия, наука, неопределённость, случайность, философия

ON THE EPISTEMOLOGICAL STATUS OF PROBABILITY-STATISTICAL METHODOLOGIES IN THE ASPECT OF THE UNITY OF SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

O. Sokolova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the epistemological status of probabilistic and statistical methodologies in modern science, including the question of finding the foundations of a way of thinking based on judgments about the probability of expected events.

Methodology. The results obtained in the course of this study are based on the methods of critical and comparative historical analysis. The interdisciplinary approach to the study of the stated topic is determined by the need to consider aspects of probability in the natural sciences and in the humanities.

Results. According to the results of the study, it was concluded that the appeal to the study of probabilistic and statistical methodologies makes it possible to identify correlations between the evolution of philosophical and scientific views. And this allows us to establish additional prospects for interdisciplinarity.

Research implications. The fundamental value of the conducted research consists in demonstrating the heuristic potential of philosophical concepts of probability for the scientific study of objects characterized by instability and complexity.

Keywords: probabilistic and statistical methodologies, probability, natural philosophy, science, uncertainty, randomness, philosophy

Введение

В последние несколько десятилетий одной из важнейших особенностей развития науки и техники признаётся учёт неопределённости и риска практически на всех этапах жизненного цикла сложных систем, включающих исследования, разработки и их применение на практике. Риск-ориентированный подход упрочняет свои позиции в сфере науки, достижения которой зачастую носят прикладной характер и несут видимые последствия для общества. Управление риском предполагает владение его количественной оценкой, позволяющей определить вероятность достижения целевых показателей, а также рисков, требующих срочного реагирования с целью минимизации негативных последствий. Актуальным является формирование такого стиля мышления, который будет позволять выработку адекватных решений в условиях ограниченности информации. Понимание условий функционирования системы (вероятностных обстоятельств) позволяет осуществляться процедурам планирования и прогнозирования. Это возвращает нас к вопросу о применении таких методов познания, которые носят вероятностный характер, поиске оснований способа мысли, в основе которого лежат суждения о вероятности наступления ожидаемых событий.

Вероятностный характер знания не ограничивается сферой математических исчислений и не сводится исключительно к вопросу о применимости вероятного прогнозирования с использованием математического аппарата. Вероятностно-статистические методы закладывают фундамент научного познания, определяя характер теории и формируемую ей картину мира. Вместе с тем обращение к ряду философских проблем, в частности, в

аспекте перехода необходимости и случайности, возможности и действительности, помогает уяснить специфику и содержание вероятностных методов. Подобный ракурс исследования обладает новизной, поскольку вероятностно-статистические методологии опосредуют взаимопереход философского и частнонаучного знания.

Понятие вероятности в научной картине мира

Что касается самого понятия вероятности, оно лежит в основе дисциплины теории вероятностей, но сама по себе эта математическая дисциплина не может дать его развёрнутой интерпретации. Требование теории к логической завершённости и отсутствию противоречий оставляет вне фокуса внимания содержательные вопросы. Вместе с тем дисциплинарное содержание теории, её математический аппарат и философские принципы представляют собой единое системное образование, являя единство взаимосвязанных элементов внутри целого и дополняя друг друга.

Например, многие понятия современной химии основываются на теоретико-вероятностных представлениях. Физическая химия исходит не из феноменологических свойств материи как сплошной среды, а из её строения на уровне молекул и атомов. Представление о равновесном состоянии, а также о природе химических реакций тоже исходит из понятия вероятности. Применительно к биологии можно заключить, что в изучаемых явлениях приходится иметь дело с разбросом свойств (рост, вес, длительность жизни, уровень приспособляемости), которыми обладают особи. Изменение этих свойств на примере изучения отдельного индивида предсказать невозможно, тогда как исследование совокупности позволяет вскрыть закономерности

сти, которые носят статистический характер. Вероятностные методы представляют собой теоретический каркас современной генетики. Вероятностно-статистические методы играют далеко не вспомогательную роль в астрономии, геологии, психологии, лингвистике и ряде других естественных, технических и гуманитарных наук.

Развитие вероятностных представлений в целом и теории вероятности в частности изначально сопровождается дискуссиями о ценности этой теории, её применимости, содержательных возможностях и границах, т. е. взаимосвязано с проблемными полями философии науки. Эти дискуссии приводят к разработке содержания основных понятий и принципов вероятностных представлений.

В XX в. в связи с развитием квантово-механических представлений в физике разрабатывается принцип неопределённости. В дальнейшем понятие неопределённости получает распространение в ряде естественных и гуманитарных наук и в большинстве случаев сводится к вероятностной неопределённости [6]. Неопределённость и вероятность используются в качестве синонимичных.

Отсюда – ряд понятий, которые разрабатываются исследователями для поиска как причин неопределённости, так и её последствий. Одним из таких понятий выступает понятие риска [2; 5; 17]. В данном случае предполагается, что неопределённость (как степень вероятности наступления определённого сценария будущего) необходимо измерить, вычислить, дать ей количественную характеристику с целью минимизации негативных последствий.

Современное общество характеризуется повышенной рискогенностью. С позиции экономиста Ф. Х. Найта риск – это результат некоторого действия, которое может привести к нескольким взаимоисключающим исходам с известным распределением их вероятностей. Если же такое распределение неизвестно, то соответствующая ситуация рассматривается как неопределённость [15, с. 30].

Обращение к статистическим методам в науке требует углублённого подхода к понятию случайности. Статистические закономерности могут рассматриваться как неполные, т. е. исходящие из неполноты наших знаний об исследуемых объектах и процессах. Признание фундаментального характера вероятностно-статистических методов исходит из конструктивного толкования случайности. Статистической системой в данном случае будет являться система, поведение элементов которой не зависит друг от друга, другими словами, характеризующаяся словом «хаос». Исследование реальности в аспекте вопросов динамического хаоса находится в фокусе внимания как естественных, так и гуманитарных наук.

С учётом изложенного актуализируется потребность анализа понятия «вероятность» в аспекте её сравнения с иными категориями, используемыми в науке и философии, в содержании которых она встречается, либо с которой такие категории тесно связаны и пересекаются в смысловом контексте. Представляется, что таковыми являются категории «риск», «неопределённость», «хаос», «неустойчивость», «случайность». Историко-философский подход к анализу вероятности позволяет провести корреляции между плодотворностью натурфилософских идей и подходами к вероятности в естественно-научном и гуманитарном знании. В данном контексте натурфилософия понимается предельно широко как область философских исследований, стремящихся к рациональному осмыслению целостности природы, задающих принципиальную схему объяснения частных случаев, раскрытия уровней природы в аспекте целого.

Идеи натурфилософии как принципы вероятностно-статистических методологий

Несмотря на то, что сегодня в философии науки тема, связанная с натурфилософскими идеями, кажется архаичной, а с точки зрения истории философии до-

статочной изученной, представляется, что в свете современных вопросов эпистемологического статуса вероятностно-статистических методологий она может быть дополнена новым содержанием. Это актуализирует обращение к историческому аспекту исследования понятия вероятности.

Необходимость и плодотворность взаимодействия философии и конкретно-научного знания, базирующегося на принципах вероятностно-статистических методологий, были осознаны достаточно давно. Ещё в 1843 г. французский учёный О. Курно отмечал, что одних математических рассуждений явно недостаточно для того, чтобы выяснить, ведёт ли теория вероятностей и её основные понятия к «господствующим в реальном мире» законам [11, с. 83]. Ключевой методологической установкой коллективной статьи М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева, В. С. Швырева «Классика и современность – две эпохи в развитии буржуазной философии» (1972) является утверждение наличия взаимосвязи между классической и современной философией, а также с научным знанием, которое может быть сформулировано как «взаимораскрытие» или «взаимопрояснение» [14]. К вопросу взаимосвязи вероятностных методов и ряда философских проблем обращаются и современные отечественные авторы. Отмечается, что вероятность отражает собой общие черты, присущие процессам природы, общественной жизни и сознанию человека [16]. Фиксируется невозможность на современном уровне знаний смоделировать поведение глобальных экосистем [3]. Поднимается ряд гносеологических вопросов (достижение абсолютного знания, истинности), связанных с вероятностно-статистическим подходом к анализу данных [7].

Обращение к ряду философских проблем (соотношение необходимости и случайности, возможности и действительности, объективного и субъективного) с позиции исторической эволюции этих понятий позволяет провести корреляции

между натурфилософскими идеями и подходами к вероятности в естественнонаучном и гуманитарном знании. Так, в сочинениях Аристотеля случайность является собой обратную сторону необходимости как потенциальное бытие. Здесь мы можем отметить онтологический характер этого понятия. Обращение к учению Демокрита проясняет значение случайности с позиции субъективного духа с точки зрения гносеологии. Рассмотрение случайности на материале эпохи классического естествознания демонстрирует ситуации трактовки случайности в аспекте незнания, что иллюстрирует учение Б. Спинозы о случайном как недостатке знания относительно существования вещи.

Понятие вероятности отражает предпосылки онтологического и эпистемологического характера, как являя собой часть структуры мира, начало пластичности, изменчивости, порождения нового в процессе эволюции, так и играя важную роль в процессе выработки знания о мире. В квантовой механике физические процессы на уровне атомных структур являются принципиально вероятностными. Имеет место случайностный характер поведения квантовых объектов. Онтологический ракурс случайности обнаруживается в контексте её включенности в эволюционные процессы, где случайность характеризует процессы индивидуальной изменчивости организмов на фоне проявлений наследственности и естественного отбора. Представление о мутациях в ходе разработки генной теории понимается как признание случайности в природе. Для современного понимания эволюционного учения принципиальное значение имеет развитие синергетических идей и принципов. При анализе эволюционных процессов учитываются факторы неустойчивости, бифуркации и нелинейности. Случайность трактуется как точка бифуркации, тем самым порождая новые возможности в эволюционных процессах. Это актуализирует необходимость возвращения к натурфилософской трактовке случайности Аристотелем как возможности объекта к становлению

в определённых условиях с учётом определённых отношений.

Обращение к историко-философскому ракурсу понятия хаоса позволяет обнаружить связи между плодотворностью натурфилософских идей и изучением вероятности в аспекте междисциплинарного подхода. В текстах Аристотеля хаос трактуется как место или пространство для развёртывания позитивных сил. У позднейших греческих философов, например Плотина, хаос отождествляется с бесконечным пространством. Стоики описывают хаос как неупорядоченное первовещество, из которого мир возникает посредством случайности (Зенон-стоик). В этом аспекте хаос представляет собой творческую потенцию, подпитывающую космос. Проведение генетических параллелей между учениями античных мыслителей и представлениями средневековых авторов о двух материях – как пустом пространстве (*materia*) и хаотическом состоянии, или вторичном состоянии (*silva*), массе первоэлементов вещества (Фома Аквинский) – демонстрирует эвристический потенциал анализа натурфилософских представлений о материи для современного понимания хаоса, для изучения объектов, характеризующихся нестабильностью и сложностью.

Принципиальное онтологическое допущение синергетики заключается в признании структуры мира как совокупности развивающихся самоорганизующихся систем. Свойствами этих систем выступают открытость и нестабильность, возможность изменения структурных и функциональных параметров. Изменение параметров системы под действием внешних факторов, а также наличие в системе случайных процессов, связанных внешними воздействиями и флуктуациями внутренних характеристик системы, могут приводить к сложным нерегулярным изменениям системы, характеризующимся понятием хаоса.

В последние десятилетия предпринимались различные попытки эксплицировать методологические императивы синергетики и представить её эвристи-

ческие функции как системную совокупность взаимосвязанных между собой принципов познания и деятельности [9; 13]. Принципы бытия характеризуют фазу «порядка», или стабильного существования систем. Принципы становления – фаза трансформации системы и её переход в состояние динамического хаоса с возможной перспективой порождения нового порядка и устойчивого функционирования.

Явление неустойчивости и его роль в науке были оценены лишь в конце XX в. в связи с развитием теории динамического хаоса [4] и теории информации. Теория динамического хаоса имеет дело с нелинейными процессами, которые невозможно толком предсказать и контролировать. Благодаря исследованиям хаоса наша способность понять, описать и даже предсказать поведение сложных систем значительно расширилась. Сейчас ясно, что в процессах возникновения, рецепции информации и эволюции её ценности неустойчивость играет ключевую роль. Более того, любая развивающаяся система неизбежно проходит этап хаотизации, в котором и рождается новая информация.

Сегодня за понятием неустойчивости признаётся фундаментальное значение [18]. Аргументировано доказывается, что это явление заставляет пересмотреть ряд положений точных наук, таких как «причина» (следствие), «бесконечно большое» (малое) и другие, связанные с ними.

Исследование вероятностно-статистических методологий в аспекте сопоставления категорий риска, неопределённости, порядка и хаоса, неустойчивости и случая на примере современных научных теорий в силу их междисциплинарного характера позволяет представить социальное пространство в виде сложной саморегулируемой системы из множества подсистем и элементов. Модель изменения взаимоотношений каждого элемента и подсистемы представлена в виде вероятностей, взаимодействие системы зависит от определённых факторов внешней среды [10; 12].

Приведённые научные примеры, а также рассмотренные историко-философские аспекты проблемы вероятности (в особенности идеи натурфилософии) демонстрируют наличие сложной связи между историческими ракурсами научной и философской мысли и современными научными концепциями. Обнаруживается органическое единство философии и конкретно-научного знания, что в духе Н. Бора можно характеризовать как «единство знания», согласно которому «требования объективного описания выполняются (или должны выполняться) в силу той характерной дополнителности, которая существует между практически применяемыми в биологии соображениями физико-химического характера и понятиями, прямо связанными с целостностью организма и выходящими за рамки физики и химии. Главное здесь в том, что, только отказавшись от объяснения жизни (объяснения в обычном смысле), мы приобретаем возможность учитывать её особенности» [1, с. 106–107].

Представляется, что подход Е. В. Ковешникова и В. Н. Савченко может быть использован как методологическая стратегия междисциплинарного взаимодействия в ситуациях, когда исследования и открытия в физике и химии могут помочь в разрешении «некоторых неразгаданных вопросов биологии, а наблюдения за живыми системами смогут натолкнуть учёных на путь открытия в физико-химической области» [8, с. 113]. Исходя из этого, исследование понятия вероятности в контексте современных научных дисциплин необходимо начинать, обращаясь к поиску неявных предпосылок натурфилософских идей.

Заключение

Достижения в области науки и техники, различные формы творческого самовыражения в современных социально-исторических условиях представляют собой сложную систему взаимосвязи, открытую для изучения и трансляции, демонстрирующую взаимовлияние одних элементов на другие. На развитие научной сферы, повышение достоверности её результатов влияет прошлый и наличный социальный контекст, отражающий опыт как естественнонаучного, так и гуманитарного познания. Сегодня становится очевидным, что наука не обладает безоговорочным эпистемологическим авторитетом по отношению к другим формам знания, поскольку в науке имеют место ситуации, когда результаты появляются благодаря выходу за пределы научной сферы, основанному на принципе дополнителности научного и ненаучного знания. С середины XX в. в философии науки обнаруживается усиление исследовательского интереса к методам вненаучного знания, отличным от научных моделям и вариантам освоения реальности.

Обращение к изучению вероятностно-статистических методологий даёт возможность выявить корреляции между эволюцией натурфилософских и научных взглядов. А это, в свою очередь, позволяет установить дополнительные перспективы междисциплинарности в решении проблемы достижения и трансляции достоверного знания, где достоверность выступает в качестве предельного случая вероятностно-статистического знания.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бор Н. Единство знаний // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / пер. В. А. Фока, А. В. Лермонтовой. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. С. 95–114.
2. Васильев Е. В. Трёхфакторные модели оценки рисков в сценарном формате управления // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2023. Т. 2. № 3 (52). С. 5–14.
3. Герасимова И. А. От модернизации к экологизации. Геоэкология и геосоциальность // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 8–21.

4. Деменок С. Л. Динамический хаос. СПб.: СТРАТА, 2019. 218 с.
5. Диев В. С. Неопределённость, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 4. С. 41–52.
6. Дорожкин А. М., Соколова О. И. Понятие «неопределённость» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 5–12.
7. Зиновьев В. Г., Мышко В. В., Огородников В. П. Принцип детерминизма как основание вероятностно-статистического подхода к анализу данных // Труды Военно-космической Академии им. А. Ф. Можайского. 2021. № 676. С. 284–293.
8. Ковешников Е. В., Савченко В. Н. Неполнота и неопределённость основных понятий в естественных науках // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2010. № 3. С. 100–113.
9. Коткова Е. А., Антюхов В. И. Системный подход к расчёту параметров сложных систем [Электронный ресурс] // Credo New. 2019. № 3 (99). URL: <https://credo-new.ru/archives/1773> (дата обращения: 11.04.2024).
10. Кузьминов А. Н., Ансари М., Медведская Т. К. Основания ценологической технологии управления сложными социотехническими системами // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4 (119). С. 30–35.
11. Курно О. Основы теории шансов и вероятностей / пер. Н. С. Четверикова. М.: Наука, 1970. 384 с.
12. Максимова С. И. Особенности социальных трансформаций в сложных системах // Colloquium-Journal. 2019. № 1–2 (25). С. 47–49.
13. Малинецкий Г. Г. Парадигма. Синергетика. Гениальность // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. 2023. № 1 (6). С. 34–64.
14. Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность – две эпохи в развитии буржуазной философии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (дата обращения: 23.05.2024).
15. Найт Ф. Х. Риск, неопределённость и прибыль / пер. М. Я. Каждана. М.: Дело, 2003. 360 с.
16. Осипов В. Е. Вероятностные представления в научном познании: сущность, эволюция, методологическое значение // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2009. № 4. С. 241–256.
17. Теория вероятностей: применимость в управлении рисками и неопределённостью / Э. В. Третьякова, А. Д. Трофимова, А. А. Саломатина, А. А. Шевченко // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 16 (34). С. 45–47.
18. Чернавский Д. С., Намиот В. А. О логико-методологических аспектах явления неустойчивости // Философия науки. 2002. Т. 8. № 1. С. 73–88.

REFERENCES

1. Bohr N. Unity of Knowledge (Rus. ed.: Fok V. A., Lermontova A. V., transl. *Edinstvo znaniy*. In: Bohr N. *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie* [Atomic Physics and Human Cognition]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1961, pp. 95–114).
2. Vasiliev E. V. [Three-Factor Risk Assessment Models in Scenario Management Format]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev], 2023, vol. 2, no. 3 (52), pp. 5–14.
3. Gerasimova I. A. [From Modernization to Greening. Geoecology and Geosociality]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2021, vol. 58, no. 1, pp. 8–21.
4. Demenok S. L. *Dinamicheskij kaos* [Dynamic Chaos]. St. Petersburg, STRATA Publ., 2019. 218 p.
5. Diev V. S. [Uncertainty, Risk, and Decision-Making in an Interdisciplinary Context]. In: *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 41–52.
6. Dorozhkin A. M., Sokolova O. I. [The Concept of “Uncertainty” in Modern Science and Philosophy]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], 2015, no. 12, pp. 5–12.
7. Zinoviev V. G., Myshko V. V., Ogorodnikov V. P. [The Principle of Determinism as the Basis for a Probabilistic-Statistical Approach to Data Analysis]. In: *Trudy Voenno-kosmicheskoy Akademii im. A. F. Mozhajskogo* [Proceedings of the A. F. Mozhaisky Military Space Academy], 2021, no. 676, pp. 284–293.
8. Koveshnikov E. V., Savchenko V. N. [Incompleteness and uncertainty of basic concepts in the natural sciences]. In: *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Pacific State University of Economics], 2010, no. 3, pp. 100–113.
9. Kotkova E. A., Antyukhov V. I. [Systems approach to calculating the parameters of complex systems].

- In: *Credo New*, 2019, no. 3 (99). Available at: <https://credo-new.ru/archives/1773> (accessed: 11.04.2024).
10. Kuzminov A. N., Ansari M., Medvedskaya T. K. [Foundations of cenological technology for managing complex socio-technical systems]. In: *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management], 2020, no. 4 (119), pp. 30–35.
 11. Cournot O. Fundamentals of the Theory of Chances and Probabilities (Rus. ed.: Chetverikov N. S., transl. *Osnovy teorii shansov i veroyatnostej*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 384 p.).
 12. Maksimova S. I. [Features of Social Transformations in Complex Systems]. In: *Colloquium-Journal*, 2019, no. 1–2 (25), pp. 47–49.
 13. Malinetskii G. G. [Paradigm. Synergetics. Genius]. In: *Proektirovanie budushchego. Problemy cifrovoy real'nosti* [Designing the Future. Problems of Digital Reality], 2023, no. 1 (6), pp. 34–64.
 14. Mamardashvili M. K., Solov'ev E. Yu., Shvyrev V. S. *Klassika i sovremennost' – dve epohi v razvitiі burzhuaзnoj filosofii* [Classics and Modernity – Two Eras in the Development of Bourgeois Philosophy]. Available at: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (accessed: 23.05.2024).
 15. Knight F. H. Risk, uncertainty and profit (Rus. ed.: Kazhdan M. Ya., transl. *Risk, neopredelyonnost' i pribyl'*. Moscow, Delo Publ., 2003. 360 p.).
 16. Osipov V. E. [Probability representations in scientific knowledge: essence, evolution, methodological significance]. In: *Sovremennye tekhnologii. Sistemnyy analiz. Modelirovanie* [Modern technologies. Systems analysis. Modeling], 2009, no. 4, pp. 241–256.
 17. Tretyakov E. V., Trofimova A. D., Salomatina A. A., Shevchenko A. A. [Probability theory: applicability in risk and uncertainty management]. In: *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian* [Scientific electronic journal Meridian], 2019, no. 16 (34), pp. 45–47.
 18. Chernavsky D. S., Namiot V. A. [On the logical and methodological aspects of the phenomenon of instability]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2002, vol. 8, no. 1, pp. 73–88.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Олеся Игоревна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
e-mail: lesyabelikova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olesya I. Sokolova – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
e-mail: lesyabelikova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколова О. И. Об эпистемологическом статусе вероятностно-статистических методологий в аспекте единства научного и философского знания // *Современные философские исследования*. 2024. № 4. С. 15–22.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-15-22

FOR CITATION

Sokolova O. N. On the Epistemological Status of Probability-Statistical Methodologies in the Aspect of the Unity of Scientific and Philosophical Knowledge. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 15–22.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-15-22

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 114

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-23-34

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ ВЛ. СОЛОВЬЁВА: ОТ ПЛАТОНОВСКОГО ЭРОСА К ВСЕЛЕНСКОЙ СИЗИГИИ

Кравченко В. В.

*Московский государственный лингвистический университет
119304, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38/1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Доказать, что в статье «Жизненная драма Платона» и в публичной лекции в 1898 г. Соловьёв подытожил свои размышления о философии любви у Платона и сформулировал основы собственного учения.

Процедура и методы. В статье используется ряд философских подходов – онтологический, антропологический, гносеологический; принципы источниковедческого анализа, философской компаративистики и историко-генетического методов. А также историко-философский, сравнительный, контекстный, аналитический методы.

Результаты. В. С. Соловьёв в философско-онтологическом плане показал, что Эрот у Платона является промежуточной силой соединения двух миров, сопряжения тех пластов бытия, которые сами по себе соединиться не могут. Русский философ сопоставил мифический образ платоновского Эрота и мистический образ Софии, выявив в них общие и различные черты. В результате теоретических исследований, а также на основе личного опыта взаимодействия с небесной Девой Софией Соловьёв констатирует онтолого-эстетический и онтолого-этический смысл любви как осуществление изначальной мировой цели. Именно в ней, по убеждению русского мыслителя, в полной мере отражается истинное предназначение человека, который в своём творческом взаимодействии с природной средой способен воплотить идею всемирной сизигии.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в концептуализации малоисследованного направления в соловьёвском учении о любви, которое представляется чрезвычайно актуальным в свете современных космо-философских и мистико-философских исследований учения великого русского философа. Результаты работы могут дать возможность расширить границы современного философско-эстетического, этического и космо-мистического дискурса о возможностях и духовных перспективах подлинной человеческой любви.

Ключевые слова: Вл. С. Соловьёв, мистическая любовь, Платон, сизигия, София, Эрот

THE PHILOSOPHY OF LOVE BY V. SOLOVYOV: FROM PLATONIC EROS TO UNIVERSAL SYZYGY

V. Kravchenko

*Moscow State Linguistic University
ul. Ostozhenka 38, Moscow 119304 Russian Federation*

Abstract

Aim. To prove that in the article “Plato’s Life Drama” and in a public lecture in 1898, Solovyov summarized his reflections on Plato’s philosophy of love and formulated the foundations of his own doctrine of love.

Methodology. The article uses a number of philosophical approaches: ontological, anthropological, epistemological; principles of source analysis, philosophical comparative studies and historical and genetic methods. Historical and philosophical, comparative, contextual, and analytical methods were also used.

Results. V. S. Solovyov, in philosophical and ontological terms, showed that Plato’s Eros is an intermediate force for connecting two worlds, combining those layers of being that cannot connect by themselves. The Russian philosopher compared the mythical image of Plato’s Eros and the mystical image of Sophia, revealing common and different features in them. As a result of theoretical research, as well as on the basis of personal experience of interaction with the heavenly Virgin Sophia, Solovyov states the ontological-aesthetic and ontological-ethical meaning of love as the realization of the original world goal. According to the Russian thinker, it fully reflects the true purpose of a person, who, in his creative interaction with the natural environment, is able to embody the idea of world syzygy.

Research implications. The theoretical and/or practical significance of the research lies in the conceptualization of a little-explored trend in Solovyov’s doctrine of love, which seems extremely relevant in the light of modern cosmo-philosophical and mystical-philosophical studies of the teachings of the great Russian philosopher. The findings of the article may provide an opportunity to expand the boundaries of modern philosophical, aesthetic, ethical and cosmo-mystical discourse about the possibilities and spiritual prospects of genuine human love.

Keywords: V.S.Solovyov, mystical love, Plato, syzygy, Sophia, Eros

Введение

Философия Платона, как и его судьба, в течение долгих лет для Соловьёва были предметом исследования, источником плодотворных идей и важным философским и человеческим уроком. Свою философию любви Вл. Соловьёв начинал, вероятно всего, с освоения, анализа и критики идей Платона. Как известно, первые юношеские лекции Соловьёва на Московских высших женских курсах (проведённые с января по март 1875 г.) были посвящены Платону. По свидетельству директора-распорядителя курсов В. Герье, «Соловьёв объяснял диалоги Платона, причём читал в переводе и отрывки из диалогов. ... Он был настоящий провозвестник Платона...»¹. Затем в продолжение многих лет Соловьёв переводил диалоги древнегреческого классика и к концу жизни опубликовал их.

В марте 1898 г. Соловьёв прочитал публичную лекцию «Платон и философия любви» (в зале Кредитного общества в пользу Женского медицинского институ-

та и Высших женских курсов). В архиве В. С. Соловьёва в РГБ (СПб) сохранилась программа этой лекции², демонстрирующая нам, что основная сюжетная линия повторяла тезисы его программной статьи «Жизненная драма Платона» (она впервые была опубликована в журнале «Вестник Европы» в том же 1898 г.). И в статье, и в лекции выражены наиболее актуальные для внутренней жизни философа-мистика-поэта идеи о сущности любви, её истинной роли в жизни человека и онтологическом значении для мироздания. Сопряжённые с этими идеями о любви соображения следующего порядка (любовь и красота, проявление красоты в природе, межличностные и социальные функции любви и т. д.) были разработаны философом в соответствующих статьях: «Красота в природе», «Первый шаг к положительной эстетике», наконец, в программной работе «Смысл любви».

¹ Лукьянов С. М. О Владимире Соловьёве в его молодые годы: материалы к биографии. Т. II. М.: Книга, 1990. С. 140.

² ОР РГБ (СПб.). Ф. 171 (Морозова М. К.). Карт. 22. Ед. хр. 18.

На пути к формированию концепции «мистической любви»

Представляется, что последняя из названных статей в действительности не является полным изложением «теории любви» Соловьёва. В ней идёт речь о смысле обычной любви, который философ открывает для человека как биологического, культурного, коммуницирующего и социального существа (именно подобный смысл любви развивается в современных исследованиях: о качественном совершенствовании нашего мира [7], о естественном чувстве, приводящем человека к Высшему [1], о свободе в нравственном учении Вл. Соловьёва [8]). Даже в метафизическом и богословском рассмотрении любви у Соловьёва исследователи сохраняют гносеологический и этический подходы [6].

Тайна мистической любви Соловьёва им самим не раскрывается в популярных статьях. О ней он говорит или в шуточных, хотя при этом не менее важных для него стихах, или в профессиональных теоретических работах, к которым и относится, в частности, «Жизненная драма Платона». Рассматривая философские проблемы древнегреческого философа, Соловьёв раскрывает собственные, высокие Смыслы мистической любви как уникального явления, которое при всём желании невозможно общедоступно изложить, как нельзя духовно неподготовленному человеку объяснить категорическое отличие Афродиты Урании (Небесной, возвышенной) от Афродиты Пандемос (общенародной, вульгарной). С точки зрения Соловьёва, в философии любви ключевые моменты Платон раскрыл верно, но на каком-то важном моменте остановился, в связи с чем был обречён на неминуемую драму и крушение собственных же юношеских идеалов.

Предлагаем медленно прочитать небольшой фрагмент статьи «Жизненная драма Платона». Обращение к проблеме любви у древнегреческого философа Соловьёв рассматривает как «преобразование, прогресс» в изначальном платонов-

ском «отрешённом идеализме двух миров», который, по его мнению, вызван «требованиями нового жизненного опыта», пережитого Платоном после смерти его горячо любимого Учителя Сократа. [9, с. 608].

Соловьёв подчёркивает, что в своей философии любви Платон отверг «пёстро-престольную Афродиту», древнегреческую богиню любви, и в её высшем проявлении – как Афродиту Уранию, Небесную, и в её низшем проявлении – как Афродиту Пандемос, народную... Соловьёв пишет: «Из эротического ила ... Платон вырастил если и не плоды живые духовного перерождения, то по крайней мере блестящий и чистый цветок своей эротической теории» [9, с. 610].

Отринув привычные для своего времени языческие представления о различных формах любви, Платон создал новое, космологическое понимание любовной связи, но не между людьми, и не между богами и людьми, а между расколотыми половинами бытия.

«Не было связи между совершенною полнотою богов идей и безнадежною пустотою смертной жизни. Не было связи для разума. Но произошло нечто иррациональное. Явилась сила средняя между богами и смертными – не бог и не человек, а некое могучее демоническое и героическое существо. Имя ему – Эрот, а должность – строить мост между небом и землёй и между ними и преисподнею. Это не бог, но естественный и верховный священник божества, т. е. *посредник* – делатель моста» (курсив Соловьёва. – В. К.) [9, с. 611–612].

Эрот – это и «священник» («понтифик» у римлян), и создатель «моста» между бытием и небытием (над реками забвения – Стиксом и Ахероном, Флегетоном и Коцитом)... Соловьёв применяет «священное» чтение к имени Рима (греческое Ромэ – «сила» – он читает слева направо, «первоначальным, семитическим образом» как Амор – «любовь»).

Однако Эрот – это не сама любовь, это некая иррациональная сила, воздействующая на материальное бытие и порождающая мощное человеческое чувство.

«Когда Эрот входит в земное существо, он сразу преображает его; влюблённый ощущает в себе новую силу бесконечности, он получил новый великий дар. Но тут неизбежно появляется соперничество и противоборство двух сторон или стремлений души, – высшей и низшей: которая из них захватит себе, обратит в свою пользу могучую силу Эрота, чтобы стать бесконечно плодотворною, или рождающею в *своей* плоти и в *своём* направлении» (курсив Соловьёва. – В. К.) [9, с. 612].

Что значит: «Эрот входит в земное существо»? Вселяется, как нечистая сила? Нисходит, как божественная благодать? Подселяется, как дух в медиума на спиритическом сеансе? Вопрос остаётся открытым.

Поскольку Эрот Платона есть особое явление из платоновской мифологии, полностью отторгнутое от традиционной древнегреческой / римской мифологии, он не обладает таким характером, как известный шаловливо-капризный карпуз, сопровождающий богиню красоты Афродиту / Венеру. Напомним, у традиционного мифологического Эроса есть колчан со стрелами, которыми он поражает людские сердца и даже богов по своей прихоти. Более того, в мифологии зафиксирован тот факт, что стрелы у Эроса двух видов: золотые и свинцовые; первые порождают безумную любовь, а вторые – лютую ненависть.

Платон, скорее всего, рассматривает Эрота как внешнюю силу, превышающую знания и возможности человеческого существа, действующую по её собственной воле, но при этом способную неким образом, видимо, человеческим усилием, перенаправляться «вверх» или «вниз» в человеческом организме.

В терминах развиваемой нами этно-энергетической концепции [5], скорее всего, платоновский Эрот – это некая энергия, которая, попадая в человеческое тело, может в пределах организма использоваться в разных «режимах» – от возбуждения примитивно-механических инстинктов до формирования «высоковольтных напряжений», разрушая или совершенствуя

человека, в любом случае, трансформируя его как космическое существо.

При этом не стоит забывать, что платоновский Эрот является промежуточной силой соединения двух миров, сопряжения тех пластов бытия, которые сами по себе соединиться не могут. Эрот же не принадлежит ни тому, ни другому миру. Это явление непостижимое и бесформенное, в философском осмыслении, скорее всего, близкое к бессознательной шопенгауэровской воле или бергсоновскому «жизненному порыву», нежели к зооморфному или антропоморфному чудовищу-демону из языческой мифологии.

«Эрот» и «София»: два мифологических образа

Обращаясь к мифологии самого Соловьёва, которая была проанализирована в монографии автора статьи [3], мы видим поразительный образ Софии, которая наделяется такой же основной функцией – соединением двух пластов бытия. Этот образ постепенно проявлялся в древнейших истоках человеческой культуры, вырастал из языческого первобытия (как праматерь сущего, родительница богов, гностическая София, София Премудрость Божия и т. п.), иначе говоря, во множестве «личин» постепенно оформлялся в представлениях древнейших цивилизаций, наконец, обретая некий лик в динамически развивавшемся христианстве.

Можно ли обнаружить **нечто общее у Эрота с Софией?**

1. Предвечное, до-мирное существование.

Гесиод в «Теогонии» писал об Эресе, зародившемся среди прото-богов – Хаоса, Геи, Тартара, Никты, которые представляют собой, скорее, первобытные стихии; из них Гея-Земля со временем приобрела способность порождать первых богов, в первую очередь, Урана-Небо.

У Гесиода речь идёт об Эресе, который впоследствии вошёл в пантеон греческих богов, а у Платона рассматривается «Эрот» как некая «первосила», не ассоциирующаяся с греческими богами. Но в древнейшем тексте прокламируется то, что подчёркну-

то у Платона – до-мирное, предвечное состояние Эроса / Эрота, который способен уникальным образом воздействовать и на богов, и на людей: «И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает»¹.

Библия сообщает о Софии, предвечно предстоящей пред лицом Божиим: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; От века я помазана, от начала, прежде бытия земли, Я родилась, когда ещё не существовали бездны и т. д.» (Притчи: 8: 22–26).

2. *Существование между высшим и земными мирами.*

Эрот – «строитель моста», предназначенный соединять разнородные миры. У Платона он – «сила», «демон», по нашей трактовке, – энергия, но не сам «мост».

София же, по убеждению Соловьёва, – «златая цепь», соединяющая небо и землю; «Дева Радужных Ворот».

3. *Красота как изначальная сфера существования* или исходный предикат сущности этого сверхъестественного явления.

Для Эрота, как писал Соловьёв, «для его настоящего творчества остаётся то место сопредельности, или соприкосновения, двух миров, которое называется красотой» [9, с. 613]. Иначе говоря, это единственная сфера его подлинного существования и самоосуществления.

Для Софии красота – это квинтэссенция её сущности и предназначения, её слава для Бога и всего земного мира. Согласно Библии, София, Премудрость Божия, присутствовала при сотворении Богом небес и вод: «Тогда я была при Нём художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время» (Притчи: 8: 30).

4. *Способность передавать человеку творческую энергию в непосредственном контакте.*

Эрот у Платона энергетически «входит» в человека, не неся ответственности за то, каким образом его энергия используется. Говоря об энергетическом аспекте Эрота как космической силе, здесь можно вспомнить понятие из древнеиндийской религиозной философии «*тапас*» – жар, энергия². Он пронизывает весь универсум, способен концентрироваться в определённых точках пространства, обеспечивать жизнедеятельность различных организмов...

София в мифологии Соловьёва – это Личность, а не неопределённая энергия. Она целеустремлённо действует: эстетически возвышает, восхищает человека, открывает ему новые горизонты. Но в отличие от Эрота она как Муза может оставаться недосыгаемой, выше вдохновляя человека на творческие свершения и в определённой степени контролируя и стимулирую его духовное продвижение.

5. *Личная несвобода*, обречённость на выполнение своей основной онтологической «функции» и роковая привязка к человеческому роду. Эрот, обретая отдалённые черты Харона, Сизифа и Атланта (по Соловьёву – Тантала, Сизифа и Данаид под влиянием низшей души), но потеряв своенравный характер мифологического путти, в своей бесхарактерности и бесконечном строительном рвении напоминает нам, скорее, робота. В своём автоматизме он может быть подчинён человеческой душе, в первую очередь, по Соловьёву, оказаться под влиянием «...низшей физи-

¹ Гесиод. Теогония (О происхождении богов) // Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. С. 120.

² Идея «тапаса» разработана уже в самхитах (Ригведа X 136 и др.). Как показывает Е. А. Торчинов, «тапас» означает «...тепло птицы, высиживающей птенцов, и поэтому связанное с затратами энергии» [10, с. 189]. Данная аллюзия приведена нами совершенно неслучайно. Известна связь философии Платона и ведического знания [11]. Соловьёв серьёзно интересовался древнеиндийской философией, изучение которой предполагалось в ходе командировки юного Соловьёва в Лондон, в Британскую библиотеку. В Энциклопедическом словаре Соловьёв написал статью «Индийская философия» (СПб., 1894. Т. XIII (25). С. 97–98). И так же, как он внезапно уехал в Каир по зову Софии, он собирался отправиться в Индию и Южный Тибет, куда София его неоднократно призывала. О неудавшейся поездке Соловьёва в Индию см. подр.: [4].

ческой души, отнимающей у него и крылья и зрение» [9, с. 613].

София же – существо не только прекрасное, но и отличающееся крутым нравом и целым спектром разнообразных эмоций, проявлявшихся во взаимоотношениях с Соловьёвым. Она часто напоминает богиню, воспринявшую черты множества античных. Но у Соловьёва она также выступает силой, обречённой воссоединить человечество и весь земной мир с божественной сферой, силой, движущей историю земного мира по предначертанным этапам.

6. Двойственность. Обратим внимание на то, что и в мифологии, и в религиозной философии упоминаются две формы проявления и Софии, и Эрота, – низшая и высшая.

София – это высшая мудрость во многих древних учениях, но в гностицизме существует образ падшей Софии, отпавшей от Бога. Именно так гностики объясняли раскол бытия и формирование земного мира: падшая София создала его в своём существовании вне божественной «плеромы» и стала первой «тварью» земного бытия. По изложению Соловьёва, высшая София, выпав из-за своего неуёмного желания из божественной Плеромы, породила низшую Софию (Ахамот), «неопределённую, безвидную и страдательную сущность»¹ (для сравнения, М. Э. Поснов вслед за Иринеём Лионским так излагал историю Софии, ставшей «матерью» всего сущего: «Виновником дальнейшего космогонического процесса является последний эон – София, у которой рождается страсть объять, постигнуть величие Отца. Это становится причиной её выпадения за пределы Плеромы и происхождения мира»²).

Соловьёв не просто подчёркивает реально существующее у Валентина отделение от Софии (порождение ею) низшей Ахамот, но связывает с этой последней все

проблемы материального бытия. Иначе говоря, представляется, что разделение Софий для цельного бытия он считал основополагающим! При этом мы не считаем Соловьёва однозначным сторонником гностицизма в отличие от целого ряда современных исследователей (подробнее о трактовке гностической Софии см.: [3, с. 160–162]).

Соловьёв, исследуя гностическое учение о Софии, подчёркивает причину её отпадения – страсть, сильное желание и стремление. Именно это же состояние в человеке пробуждает платоновский Эрот. Могла ли гностическая София – божественный эон – подвергнуться воздействию того, что много позже Платон назовёт Эротом? Той могучей силе, которая лишает здравого рассуждения и чувства опасности, которая заставляет поступать неосмотрительно и рисковать жизнью?

Как мы видели выше, согласно Соловьёву, Эрот провоцирует борьбу двух частей человеческой души – высшей и низшей. Если учесть, что, по Платону, сознание человека связано с высшей, разумной частью души, то, по существу, «эротическая энергия» пробуждает вечное противостояние чувства и разума.

Мы также можем подчеркнуть существенные **отличия Софии от Эрота**.

1. София – это и богиня, и надмирная сила, и воплощённая «Женственность», сама выбирающая смертного, которому предназначено испытать необыкновенную возвышенную любовь и покоряющую силу воли богини.

Эрот же, крылатый демон, который способен определённым образом воздействовать на человека, «входя в него». Но он также может подчиниться низшей части человеческой души и лишиться исконной способности видеть и летать.

2. София – воплощённая мудрость. Она способна восхищать, вдохновлять, стимулировать избранника в его творческих достижениях. В случае Соловьёва София вела, временами полностью подчиняла его сознание, открывая ему вселенские тайны и подавая гениальные идеи.

¹ Соловьёв В. С. Гностицизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIII А (16). СПб., 1893. С. 950–953.

² Поснов М. Э. До-христианский гностицизм // Гностики. Киев: УЦИМ-ПРЕСС; ИСА, 1996. С. 165.

О платоновском Эроте подобных сообщений нет. Наоборот, Платон утверждает, что Эрот способен лишать человека разума, подчинять его эмоциям.

3. Двойственность. Низший Эрот пробуждает в человеке немотивированную агрессию, стремление к разрушению, разнужданную сексуальность, дикие инстинкты. Если вспомнить древнейшие шаманские, греческие дионисийские и римские вакхические традиции и обряды (дикие пляски, полуживотные оргии и пр.), можно ассоциировать низшего Эрота с возбуждением общеприродной силы самоутверждения, которая проявлялась в первую очередь, в физической силе, агрессии и безудержном стремлении к размножению.

Поскольку в человеческом существе присутствуют не только природные инстинкты, но и культурные основы его существования, эротическая энергия может быть направлена самим человеком на подавление звериных инстинктов в себе и развитие культурных эмоций, переживаний и чувств, вплоть до высших универсальных чувств [5, с. 145–168].

София также двойственна; как две Афродиты – Небесная и Народная, София проявляется и как Вечная Женственность, и она же воплощается в земных женщинах. В отличие от Эрота, София – многосложная личность, в которой Свет и Тьма, Добро и Зло, Истина и Ложь тесно переплетены, и часто одно подменяется другим.

4. Категорическое отличие взаимоотношений с человеком.

Для Платона, введшего в свою мифологическую картину мира образ Эрота, тот оставался безликой идеей, неким доступным способом объяснить в принципе необъяснимое. Эрот вводит человека в изменённое состояние сознания, но он не диктует ему определённые формы поведения, тем более творчества. По трактовке Соловьёва, как мы видели выше, Эрот – это внешняя сила, которая, войдя в человека, сама может подчиняться ему.

София же для Соловьёва – живая участница его реальной жизни, водительница на жизненном пути. В юности – настави-

тельница, в зрелом возрасте философа – закулисная вершительница его судьбы, постоянно ощущаемая им как непреодолимая и роковая сила (в поздних статьях эту силу он именует судьбой и «Провидением Божиим»¹).

Напомним, что у русского философа-мистика был необыкновенный любовный «роман» с «небесной Девой» Софией. Потому размышления Соловьёва о любви не были теоретическими рассуждениями, а являлись результатом многолетних, глубоких переживаний философа-мистика, проходившего путь серьёзных отношений с возлюбленной как последовательность испытаний и духовных трансформаций.

Можно сказать, что у Соловьёва была своя жизненная драма, любовная. Он всю жизнь стремился к очередной встрече с «небесной возлюбленной», но после ярких юношеских встреч и активного сотрудничества с Софией он был обречён на бесплодные поиски ответной любви, слабо утешаемый спонтанными «автоматическими записями».

Воздействуя на своего избранника, София требовала его полной самоотдачи, верности и веры в неё. В «автоматических записях» Соловьёва часто встречаются призывы: «любви меня, верь в меня...». Софии необходимо было сотрудничество, реализация её заданий. В Лондоне, Египте и Италии она прямо диктовала юному Соловьёву фактически готовые тексты, которые он воспринимал в изменённом состоянии сознания. Затем, возвращаясь в обычное состояние, эти тексты он пытался превратить в философские, научные, социально-политические сочинения.

¹ В статье «Судьба Пушкина» Соловьёв отмечал: «Судьба вообще не есть простая стихия, она разлагается на два элемента: высшее добро и высший разум, и присущая ей необходимость есть преодолевающая сила разумно-нравственного порядка, независимого от нас по существу, но воплощающегося в нашей жизни только чрез нашу собственную волю. А если так, то я думаю, что тёмное слово “судьба” лучше нам будет заменить ясным и определённым выражением – Провидение Божие» (См.: Соловьёв В. С. Судьба Пушкина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. С. 40).

О превратностях мистической любви

Вопрос: если со стороны Соловьёва была настоящая любовь к Софии, была ли она взаимной? По нашей версии, да. Более того, любовь Софии оказалась трудным и – часто – мучительным пожизненным даром для философа-мистика.

После бурного «романа» с юным философом София не только не оставила зрелого Соловьёва, она, наоборот, приблизилась к нему, но «под маской», в страшном обличье черта. Мы мало знаем о тех испытаниях, которым она подвергала своего подопечного, поскольку поздние рукописи Владимира Соловьёва, как известно, уничтожил его брат Михаил после смерти философа. Но нам представляется наиболее вероятным тот факт, что Соловьёв в своей личной жизненной «мистерии» так и не сумел сбросить маску рогатого чудовища со своей возлюбленной и продолжал воспевать в лирических откровениях «Вечную Женственность» и неземную красоту Софии, как будто не подозревая о её «темной стороне».

Жизненно-любовная драма Соловьёва показывает, что даже возвышенная любовь не бывает безмятежной, однозначно радостной и умиротворяющей. Возвышенная любовь – это особое состояние человека, рано или поздно обнаруживающего, что на высотах необыкновенной любви оказывается разреженный воздух и космический холод, в котором нет места горячим человеческим чувствам.

«Роман», продолжавшийся в течение всей жизни философа, мы рассматривали как особый путь его инициации (посвящения) в особый культ поклонения и служения богине. Всю жизнь философа-мистика можно трактовать как мистирию любви и существование в рамках его личного мифа [3].

При этом подчеркнём, что для Соловьёва отношения с Софией были изначально лишены собственно эротического содержания. Русский философ знал, например, о совершенно ином характере взаимоотношений мистика И. Г. Гихтеля

с Софией¹, но они не вызвали у него никакого интереса. И он, даже видя в Софии временами языческую богиню, не предполагал в ней «женской ревности», которая могла бы привести к «мщению» в её inferнальном образе. В Соловьёве все друзья и знакомые всегда подчёркивали необыкновенное духовное целомудрие; и наш философ категорически отличается от тех современных искателей «псевдомистической клубнички» [12], которые в любом взаимодействии существ (даже если одно из которых – дух!) ищут исключительно эротический подтекст, что свидетельствует об их глубоком непонимании самой сути подлинной мистики. Да, духовные существа могут быть различными, в распространённой терминологии «тёмными» и «светлыми», и различаются они только по тому признаку, что «светлые духи» (боги, неземные существа) совершенствуют человека, и именно это – цель мистического контакта; а «тёмные существа» стремятся максимально лишить человека его способностей совершенствоваться (в том числе, за пределами земного бытия), как говорят религиозные деятели, они ведут человека к гибели (об этом и «Фауст» Гёте, и «Манфред» Байрона, и множество эпизодов из житий и биографий святых, героев и мучеников всех времён и народов).

Для нас остаётся неразрешимой проблема, каким образом «иноприродное» существо воздействует на человека и что человек при этих необычных контактах испытывает. Но это же может быть неведомо и самому существу.

Соловьёв, исследуя платоновское учение об Эроде, признавал в нём некое рациональное зерно. Предположим, что он видел и в Софии наличие той космической энергетической мощи, которой обладал Эрот. И также признавал амбивалентность этой силы, которая, проявившись в человеке, требовала уже от него самого, от его воли и сознательных усилий трансформации, сублимации и направления в русло духовного развития и самосовершенствования.

¹ Гихтель И. Г. (1638–1710) был вдохновлён образом Софии по учению Я. Бёме.

вания. Выше мы упоминали о тапасе, и в древнеиндийской культуре известны последователи йоги «тапасики», которые посвящали свою жизнь освоению тапаса и направлению его энергии на саморазвитие как телесного, так и духовного.

При этом есть вероятность того, что, учитывая недостаточно высокий уровень развития «ведомого», София может пробудить и усилить в нём низшие энергии жизни, включая и сексуальную энергию, чтобы обеспечить в цельном организме человека устойчивую работу необходимой ей энергии сознания, открывающей доступ к более высоким вселенским энергиям. Но основная цель Софии при этом, конечно, не тварно-эротическая, а духовно-мистическая, а именно: реально соединить два разделённых пласта бытия и максимально приблизить земное существо к божественной реальности.

Необходимо подчеркнуть, что Соловьёв, с детства настроенный исключительно на духовное взаимодействие с Софией, всегда категорически разделял два образа – любви земной и Любви Небесной¹. Однако проблема инфернальных видений состояла в том, что Соловьёв как истинный христианин по воспитанию и глубокому убеждению воспринимал образ «врага человеческого» как явление зла воочию накануне конца света. Он в принципе не мог соединить образ возвышенной Софии и дьявола². По мнению Соловьёва, конец света и приход Антихриста были уже близки, об этом его знаменитые «Три раз-

говора» и другие произведения и письма в конце жизни. И инфернальные явления он связывал с этими всемирно-историческими событиями, а не со своей любовной драмой.

И хотя для Соловьёва, скорее всего, «матка» того черта, с которым он, как Иван Карамазов, вёл долгие беседы, возможно, осталась несброшенной, он вполне определённо высказывал идею о противоречивости Софии. Не следует забывать о многозначительном образе из пьесы-мистерии «Белая Лилия» о медведе, превращающемся в Белую Лилию. Напомним, этот образ, как и его авторская подача, чрезвычайно многозначны. Герой Мортемир в поисках любимой Белой Лилии в пещере Южного Тибета встречает медведя. Судя по всему, он страстно влюбляется в него и живёт с ним в пещере. Следующее действие начинается с того, что герой оплакивает медведя на могиле, собираясь заколоть себя кинжалом. Тут раздаётся голос из «четвёртого измерения»: «Медведь живёт, лишь нет медвежьей шкуры. / Но не скорби, мой друг! Здесь таинство натуры. / В медведе я была, теперь во мне медведь, / Как некогда его, меня люби ты впредь. / Невидима тогда была я, а теперь – / Невидим навсегда во мне сокрытый зверь»³.

Основная идея понятна: Белая Лилия всегда находилась в «четвёртом измерении», но ради любимого приняла вид медведя. Хотя, конечно, медведь и инфернальное рогатое чудовище из мистерии Соловьёва – всё-таки разные персонажи...

Соловьёв рассматривал различные виды любви. Слепая физиологическая эмоциональность (воплощённая в древнегреческом мифологическом образе богини Афродиты), по убеждению философа, в ходе мирового процесса и неуклонного культурного прогресса неизбежно трансформируется в уникальное чувство человеческой любви, имеющей нравственный, мистический и духовный смысл. И с развитием человеческой цивилизации эти выс-

¹ В предисловии к третьему изданию стихотворений (написанном Соловьёвым в апреле 1900 г., а затем повторённом и во всех последующих изданиях), София-Афродита упомянута как «Вечная Красота». Соловьёв писал: «... Вечная Красота будет плодотворна, и из неё выйдет спасение мира, когда её обманчивые подобию исчезнут, как та морская пена, что родила простонародную Афродиту. *Этой* мои стихи не служат ни единым словом, и вот единственное неотъемлемое достоинство, которое я могу и должен за ними признать» (См.: Соловьёв В. С. Стихотворения. 7-е изд. СПб., 1921. С. XIII).

² Тем более, что даже по его изложению учения гностика Валентина, именно низшая София-Ахамот породила Демиурга, Дьявола и человека, а высшая София была возвращена в плерому.

³ См.: Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. С. 250. Подробный разбор пьесы см. в: [2, с. 121–130].

шие смыслы любви открываются уже всё большему количеству людей, а не только таким мистикам, как он.

На пути к всемирной сизигии

В позднем творчестве Соловьёва исследуется преимущественно онтолого-эстетический и онтолого-этический смысл любви, изначально основанный на её мистико-философском фундаменте как осуществление изначальной мировой цели. Именно в ней, по убеждению русского мыслителя, в полной мере отражается истинное предназначение человека, который в своём небезразличном и целеустремлённом, творческом взаимодействии с природной средой способен воплотить идею всемирной сизигии.

Согласно гностическому учению, в плероме в результате сизигии Единородного и Духа Святого был духовно рождён Христос. Если и можно говорить о неких параллелях между гностицизмом и соловьёвским учением, то в области создания духовного человека Высшая София и Высший Эрос (как космическая энергия и творческая мощь) в процессе воздействия на развитую человеческую личность порождают Человека-Творца, создающего основы новой культурной реальности и закладывающего новые принципы культурного созидания. Личность Софии и безличная космическая сила Эрота через Человека-Творца реально осуществляют заложенный Абсолютом план всемирно-исторического процесса, ведущего, по мысли Соловьёва, к Богочеловечеству.

Конечно, в самих «Чтениях о Богочеловечестве» высшая София взаимодействует с Христом, поскольку там речь идёт собственно о мировом процессе и человечестве как целом. Но на уровне микропроцесса-формирования особой творческой личности, индивидуально преобразуемой в агрессивной социальной и природной среде, именно соединение высших и сублимированных низших энергий позволяет совершенствовать отдельного человека и его непосредственное окружение.

Ожидаемая и возвещаемая Соловьёвым сизигия – это ни в коем случае не какое-то внешнее событие для каждого представителя человеческого рода, это не очередное природное явление или объективный социальный процесс, в которых человек есть только страдательное существо, способное в той или иной мере абстрагироваться от происходящего вовне. Сизигия – это глубинное внутреннее преобразование каждого человека, предназначенного и готового к совершенному состоянию. Сизигия – это особая лента Мёбиуса, органично соединяющая внешнее существование и внутренние состояния личности, когда человек не различает личное и всеобщее, при этом не поглощаясь всецело процессом, а оставаясь самодействующей и самосознающей, самотворящей и самочувствующей личностью. Основой сизигии является Любовь в новом своём качестве – жизненно-объединяющей силы и бесконечно возвышающей мощи.

В архивных бумагах Соловьёва есть быстрая запись, скорее всего, полуавтоматическая, полуразборчивая, без знаков препинания, явно на случайном листке бумаги и не атрибутируемая по времени создания: «...каждое существо сознаёт себя как частное и ничтожное целое и начальное в мире изменений и оно чувствует себя всем средоточием вселенной. Это противоречие исчезнет только тогда когда каждое существо сохраняя свою частную индивидуальность будет вместе с тем *чувствовать в любви и сознавать в разуме* своё внутреннее действительное <нрзб. – отношение?> тогда как единство со всеми другими как единичными единого существа а для этого должен исчезнуть обман множественности...» (курсив наш. – В. К.).¹ Мы не можем утверждать, что это одна из «стенограмм» общения с Софией, но основная идея сизигии здесь выражена вполне определённо.

Сизигия – это одно из определений той мистической любви, которая осваивалась на протяжении тысячелетий в редчайших

¹ РГАЛИ Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 17. Статьи по вопросам религии, морали, философии. Разрозненные листы. Автогр. 1874, 1880-е – 1890-е. Л. 109.

взаимоотношениях уникальных мистиков с высшим духовным миром. Ей нельзя было научиться, её нельзя было передать и тем более распространить в массах. Соловьёв высказал предположение, что когда-нибудь, в состоянии Богочеловечества, всё человеческое сообщество, точнее, каждая человеческая творческая личность сможет обрести полноценную мистическую любовь и освоить сизигию как естественный и необходимый, вероятнее всего, единственно возможный образ человеческой жизнедеятельности и подлинно культурного существования.

Заключение

Сизигия – это особая форма самоотверженного соработничества человека с Высшим, в котором человеческие представления и цели должны быть отринуты во имя непостижимых путей уникального взаимодействия. Снисхождение божества до уровня человека – это не уравнивание высшего и низшего, а момент необходимого взаимодействия, смысл и последствия которого для человека навсегда останутся непостижимыми.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бужор Е. С. Смысл любви в философии всеединства Вл. Соловьёва // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9. С. 43–47.
2. Кравченко В. В. Вестники русского мистицизма. М.: Издатцентр, 1997. 300 с.
3. Кравченко В. В. Владимир Соловьёв и София. М.: Аграф, 2006. 384 с.
4. Кравченко В. В. К вопросу о несостоявшемся путешествии В. С. Соловьёва в Индию // Вестник Тверского госуниверситета. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 96–107.
5. Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. 384 с.
6. Максимов М. В. Владимир Соловьёв и Максим Исповедник: метафизика и богословие любви // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 1 (65). С. 31–46.
7. Подвойский Л. Я. Философия любви и совершенства В. С. Соловьёва // Вопросы элитологии. 2020. № 1. С. 46–76.
8. Пугачева Н. С. Любовь и свобода в нравственном учении Вл. С. Соловьёва. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2019. 216 с.
9. Соловьёв В. С. Жизненная драма Платона // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 582–634.
10. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного: психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 384 с.
11. Шейнман-Топштейн С. Я. Платон и ведийская философия. М.: Наука, 1978. 199 с.
12. Faivre A. Sensuous Relations with Sophia in Christian Theosophy // Hidden Intercourse: Eros and Sexuality in the History of Western Esotericism / ed. J. Hanegraaff, J. J. Kripal. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 281–308.

REFERENCES

1. Buzhor E. S. [Meaning of Love in the Philosophy of All-Unity of Vladimir Solovyov]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2017, no. 9, pp. 43–47.
2. Kravchenko V. V. *Vestniki russkogo mistitsizma* [Heralds of Russian Mysticism]. Moscow, Izdatcentr Publ., 1997. 300 p.
3. Kravchenko V. V. *Vladimir Solov'yov i Sofiya* [Vladimir Solovyov and Sofia]. Moscow, Agraf Publ., 2006. 384 p.
4. Kravchenko V. V. [To the Question of the Cancelled Travel of Vladimir Solovyov to India]. In: *Vestnik Tverskogo gosuniversiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 3, pp. 96–107.
5. Kravchenko V. V. *Simfoniya chelovecheskoj kul'tury* [Symphony of Human Culture]. Moscow, Agraf Publ., 2017. 384 p.
6. Maksimov M. V. [Vladimir Solovyov and Maxim the Confessor: Metaphysics and Theology of Love]. In: *Solov'evskie issledovaniya* [Solovyov Studies], 2020, iss. 1 (65), pp. 31–46.
7. Podvoisky L. Ya. [The Philosophy of Love and Perfection of V. S. Soloviev]. In: *Voprosy elitologii* [Questions of Elitology], 2020, no. 1, pp. 46–76.

8. Pugacheva N. S. *Lyubov' i svoboda v npravstvennom uchenii Vl. S. Solov'yova* [Love and Freedom in the Moral Teachings of Vl. S. Solovyov]. Penza, Penza State Agrarian University Publ., 2019. 216 p.
9. Solov'yov V. S. [The Life Drama of Plato]. In: Solov'yov V. S. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 582–634.
10. Torchinov E. A. *Religii mira. Opyt zapredel'nogo: psihotekhnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [Religions of the World. Experience of the Beyond: Psychotechnics and Transpersonal States]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1997. 384 p.
11. Sheinman-Topshtein S. Ya. *Platon i vedijskaya filosofiya* [Plato and Vedic Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 199 p.
12. Faivre A. Sensuous Relations with Sophia in Christian Theosophy. In: Hanegraaff J., Kripal J. J., eds. *Hidden Intercourse: Eros and Sexuality in the History of Western Esotericism*. Leiden, Boston, Brill, 2008, pp. 281–308.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Theology Department, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University;
e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кравченко В. В. Философия любви Вл. Соловьёва: от платоновского Эроса к всеенской сизигии // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 23–34.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-23-34

FOR CITATION

Kravchenko V. V. The Philosophy of Love by V. Solovyov: From Platonic Eros to Universal Syzygy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 23–34.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-23-34

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 101

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-35-41

GENERALLY RECOGNIZED SCIENTIFIC CATEGORIES AS A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR SCIENTIFIC RESEARCH. PART V

Ya. V. Bondareva¹, V. Ya. Sinenko², D. Kostadinovic³

¹*Federal State University of Education*

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

²*Novosibirsk Institute for Advanced Studies and Retraining of Educational Workers*

ul. Vavutina 17/1, Novosibirsk 630024, Russian Federation

³*University of Niš*

Univerzitetskigr 2, Niš 18106, The Republic of Serbia

Abstract

Aim. Based on philosophical methodology, to examine in detail the content of the general scientific (philosophical) categories of “space” and “time”, and give them a definition in a modern version.

Methodology. The work was carried out based on a systematic approach using methods of classification and comparative analysis.

Results. The essential features of the category of “space” are revealed: coexistence of phenomena; their interaction; extension of space; its structure. The category of “time” characterizes the existence of developing phenomena from the standpoint of duration, sequence and irreversibility. The philosophical category of “time” can be presented as a universal concept reflecting the duration of the existence of phenomena, the sequence of changes in their states, the need for their development.

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: space, time, science, methodology, function, system

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ НАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ЧАСТЬ V

Бондарева Я. В.¹, Синенко В. Я.², Костадинович Д.³

¹*Государственный университет просвещения*

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

²*Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования*

630024 г. Новосибирск, ул. Ватутина, д. 17/1, Российская Федерация

³*Университет в Нише*

18106, г. Ниш, Университетская площадь, д. 2, Республика Сербия

Аннотация

Цель. На основе философской методологии детально рассмотреть содержание общенаучных (философских) категорий «пространство» и «время», дать им определение в современной редакции.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

© СС ВУ Бондарева Я. В., Синенко В. Я., Костадинович Д., 2024.

Результаты. Выявлены существенные признаки категории «пространство»: сосуществование явлений; их взаимодействие; протяжённость пространства; его структурность. Категория «время» характеризует существование развивающихся феноменов с позиций длительности, последовательности и необратимости. Философская категория «время» может быть представлена как всеобщее понятие, отражающее длительность существования явлений, последовательность смены их состояний, необходимость их развития.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: пространство, время, наука, методология, функция, система

Introduction

Recently, it has become sad to note that scientific research is often based not on scientific, but on ordinary methodology. At best, on common sense methodology. Without categorically denying their existence and role in the life of society, one should see the limitations of their scientific research capabilities. This fact also determines the need for strict approaches to understanding the essence and functional capabilities of scientific methodology. The study of philosophical categories can bring some clarity to this process [1; 2].

Categories of “space” and “time”

It is common knowledge that changes, movement and development of phenomena occur in certain spatiotemporal conditions. This makes it necessary to express an attitude towards the essence of the philosophical categories of “space” and “time”. Questions about the essence of space and time have been and are being actively discussed for many centuries by scientists representing both philosophy and other sciences. In particular, the problems of the essence of space and time were studied by: Plato, Aristotle, Democritus, Epicurus, Descartes, Spinoza, Berkeley, Mach, Hume, Newton, Kant, Holbach, Leibniz, Lomonosov, Engels, Lenin, Einstein and other researchers [4; 5]. Many modern scientists are also concerned with these problems. Let us try to summarize their views on the essence of space and time in a number of positions. First of all, let us pay attention to their attitude towards the content of the category of “space”:

Position 1: Space is a specially organized set of objects and processes. Of course, the given position captures one of the features of space, but it can hardly be considered sufficient for understanding the essence of space¹ [3].

Position 2. It somewhat concretizes and specifies the previous one. Its supporters believe that space “is a form of coordination of existing objects consisting of matter”², coordination of objects relative to each other through distance and orientation. But even with this approach to the essence of space, many questions remain that do not allow us to consider the category “space” to be strictly defined. In particular, the question of how to understand the coordination of objects and phenomena remains open?

Position 3: “Space is a form of existence of matter, characterizing the extension and mutual arrangement of bodies”³. As can be seen, two essential features of space are distinguished here: extension and mutual arrangement of phenomena. This is true, but not enough to fully represent the essence of space.

Position 4: Space encompasses the extension and volume of existence of material objects⁴. We will leave it without comment, since the question of the relationship, correlation of

¹ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. 353 с.

² Философия / под ред. В. П. Кохановского. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. С. 253.

³ Философия / под общ. ред. Л. Н. Москвичева. М.: РАГС, 2003. С. 283.

⁴ Моисеева Н. А., Сорокикова В. А. Философия: краткий курс. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2010. С. 131.

such phenomena as extension and volume of a phenomenon remains open.

Position 5: Space is “a form of existence of matter, which characterizes the order of arrangement of bodies, their geometric shape, extension”¹. There remains a mystery about the identity and differences between the geometric forms of phenomena and their extension.

Position 6. It can be called both traditional and classical. Here is its version: “Space is one of the main objective forms of existence of matter. The concept of space characterizes the arrangement of material objects relative to each other, expresses the extension of bodies, their existence”². In our opinion, all of the above-mentioned features are essential characteristics of space.

Position 7. In essence, it is a development and clarification of the previous one. It is no coincidence that it is presented in the works of the authors who formulated the previously named position. In particular, we read: “So, space is a form of existence of matter, which characterizes its extension, structure, coexistence and interaction of elements in all material systems”³. It is easy to notice that in the given position, the feature of the structure of space is highlighted, which concretizes the attitude towards it, if we keep in mind that the structure is a way of ensuring the all-connectiveness of phenomena, which, in fact, form space. In a word, there is every reason to recognize the definition as correct: “... space is a form of existence of matter, characterizing its extension, structure, coexistence and interaction of elements in all material systems”⁴.

With this approach, we can present the essential features of space as follows:

- a) coexistence of phenomena,
- b) their interaction,
- c) extent of space,
- d) its structure.

These features are reflected in the philosophical category of “space”. Now it is time to analyze the points of view of modern authors

regarding the essence of the category of “time” [7; 8; 9]:

Thesis 1. “Time is one of the main objective forms of existence of matter. Time characterizes the duration of the existence of processes and phenomena, the sequence of changes in states in the development of all material systems. The concept of time reflects such properties of objects as their stability and variability, existence before, after and simultaneously in relation to other objects. Time characterizes irreversibility: it flows from the past through the present into the future”⁵. Many researchers agree with this interpretation of time. It reflects two important features of time – duration (length) and the sequence of changes in the states of phenomena [10; 11].

Thesis 2. The original is the presentation of time as a form of coordination of objects through sequence and duration⁶. True, in this case the fragment of coordination of two important features of time remains unclear. Coordination is explained in the following conclusion: “Time is a form of coordination of changing objects and their states. It consists in the fact that each state represents a sequential link in the process and is in certain quantitative relations with other states. The order of change of these objects and states forms the structure of time”⁷.

Thesis 3. Those researchers are right who associate time not only with moving matter but believe that time is “the form of the flow of all mechanical, organic, mental and social processes, the condition of the possibility of change, development. It is the form of emergence, formation, flow, destruction in the world, as well as the world itself, together with what relates to it”⁸.

Thesis 4. It is difficult to deny the truth to those researchers who consider space and time in their organic unity, believing that they are universal forms of existence, coordination

¹ Философия / под ред. З. Т. Фокиной. М.: Вузовская книга, 2012. С. 218.

² Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия. М.: Эксмо, 2005. С. 500.

³ Там же. С. 180.

⁴ Философия / под общ. ред. В. Л. Калашикова. 2-е изд. М.: ВЛАДОС, 2006. С. 99.

⁵ Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия. М.: Эксмо, 2005. С. 478.

⁶ Тарасов Ю. Н. Философия. М.: МПСИ: МОДЭК, 2006. С. 393–394.

⁷ Философия / под ред. В. П. Кохановского. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. С. 253.

⁸ Бучило А. Ф., Исаев И. А. История и философия науки. М.: Проспект, 2021. С. 328–329.

of objects, seeing in this the universality of the named forms¹.

Thus, time characterizes the existence of developing phenomena from the standpoint of duration, sequence and irreversibility.

The philosophical category of “time” can be presented as a universal concept reflecting the duration of the existence of phenomena, the sequence of changes in their states, the need for their development. Note that when considering the categories of “space” and “time”, we:

a) consider their content as one of the attempts to present a modern vision of the essence of their system;

b) do not idealize this system in any way and do not consider it complete. It will develop both quantitatively and qualitatively;

c) note once again that the emergence of this topic was dictated by the need for scientists to present the content and essence of the methodology of scientific research, formed primarily on the basis of general scientific categories. In short, the categories of philosophy are the basis of the methodology of scientific research.

Methodological functions of philosophy

In completing the research cycle of basic philosophical categories, we will once again clarify the methodological functions of philosophy in their relation to science:

– heuristic (formation of hypotheses and theories),

– coordinating (coordination of methods),

– integrating (between scientific disciplines),

– logical-gnoseological (“special sciences need logic, gnoseology, general methodology of cognition”²).

What is interesting about this approach to the functions of philosophy?

Firstly, by its peculiar definition of the essence of functions. It is unlikely that one can fully agree with it, since the definition of a

function is devoid of an ontological basis, but the hint at a function as a manifestation of the activity of a phenomenon in an environment deserves attention [6; 12].

Secondly, the desire to systematize the functions of philosophy into two groups is of interest: ideological and methodological.

Thirdly, the attempt to present their essence through subfunctions is interesting. In our opinion, the problem has not been fully solved, it is rather contradictory and unproven. But that is another question. Without entering into a discussion, we emphasize that this author also illustrates the functional unity of science and philosophy.

Taking into account the above, we will draw several conclusions:

Conclusion 1. There is no unity among scientists regarding the essence of the functions of philosophy.

Conclusion 2. The functions of philosophy are interpreted in a very wide range.

Conclusion 3. Most researchers see the functional basis of philosophy in the unity of its three main functions: epistemological, methodological and ideological.

Conclusion 4. It is recognized that the named functions do not exhaust the entire diversity of the functions of philosophy.

Conclusion 5. The functions of philosophy have not been fully studied. Work in this direction should continue.

Conclusion 6. The functions of philosophy are diverse, but their systematization is possible.

Conclusion 7. Only by moving towards the essence of the real social functions of philosophy can we come to its understanding.

Conclusion 8. The functions of philosophy are dialectically variable phenomena, not static.

Conclusion 9. The functions of science and philosophy (if we understand science as a specific social phenomenon) coincide not only in the main, but also in the details, which gives us the right to talk about their unity.

It would seem that having made the above conclusions, we could put an end to the eternal dispute about whether philosophy is a science. At the same time, the aforementioned series of articles is aimed at a complete (as far as possible today) disclosure of the system of

¹ Философия / под ред. В. П. Кохановского. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. С. 253.

² Вечканов В. Э., Лучков Н. А. Философия: учебное пособие. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2024. С. 11–12.

functions of philosophical knowledge in the interests of solving two problems:

- a) showing the unity of science and philosophy,
- b) confirming the practical possibilities of the latter.

Having confirmed the practical status of philosophy, we can talk about the special practical significance of the philosophical, general scientific algorithm of cognition. Based on the above positions of scientists and moving towards the object of philosophy, it becomes possible to solve two groups of problems: to determine the essence of the entire set of functions of philosophical knowledge and then group them. So, the task of our future research:

- to present the whole variety of social functions of philosophy,
- to try to logicalize them (coordinate, subordinate),
- to collect them into certain “essential” blocks,
- to show the logic of the “work” of these “blocks”,
- to prove that philosophy is functionally a science.

In our next article, we will begin by trying to present as fully as possible the functions that philosophy performs in our lives. Philosophy studies the laws of nature, society and consciousness in unity, therefore, it must function in nature, society and human consciousness. We will try to highlight its functions on an ontological basis, and not on the basis of the opinions of even very authoritative researchers, and for greater clarity, we will divide the functions under consideration into conditional blocks:

1. Functions of the ontological-gnoseological block (ontological, gnoseological, infor-

mational, integrative, explanatory, descriptive and terminological (conceptual) functions).

2. Functions of the “historical” block (historical, cumulative (accumulating), communicative and reconstructive functions).

3. Functions of the logical block (logical function, functions of proof, rationalization (rationalization) and teleological function).

4. Functions of the methodological-methodical block (methodological, methodical, algorithmic, nomonological, evaluative, critical and generative functions).

5. Functions of the ideological block (didactic, educational, propaganda, agitation, ethical, aesthetic, cultural, normative and ideological functions).

6. Functions of the practical block (praxeological, critical, mobilization, organizational, regulatory functions).

Conclusion

Thus, comparing the social functions of philosophy and science, it is easy to find much in common. In fact, they are completely identical. The exception is some details that do not create grounds for asserting the functional difference between science and philosophy. This conclusion is direct evidence that philosophy is a science working for practice, capable of offering its own original algorithm for cognition and transformation of the phenomena of reality. This is on the one hand. On the other hand, all scientific research without exception, if they truly deserve such a qualification, perform the above-mentioned functions to one degree or another. This was the main reason for their presentation in the following articles.

Статья поступила в редакцию 24.08.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буренков С. В., Орлова И. И. Система образования и цифровая реальность // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 24 ноября 2023 г. М.: Российский университет транспорта, 2023. С. 42–47.
2. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта, 2022. С. 106–116.

3. Загребин М. В., Буренков С. В. Наука как сложное социальное явление // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта, 2022. С. 133–145.
4. Колесниченко Ю. В. Методологический инструментальный научного исследования: способы и подходы // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта, 2022. С. 215–222.
5. Колесниченко Ю. В., Архангельская Н. О. Неоклассика как этап развития науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов VI Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2022 г. / под общ. ред. Г. В. Барановой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М.: Сам полиграфист, 2022. С. 166–175.
6. Концепция модернизации системы дополнительного профессионального педагогического образования Новосибирской области / В. Я. Синенко, И. Л. Беленок, А. Н. Величко, М. Г. Волчек // Сибирский учитель. 2011. № 4 (77). С. 22–28.
7. Молоков Ю. Г., Синенко В. Я. Новая Россия и новое образование (приглашение к разговору) // Сибирский учитель. 2010. № 4 (70). С. 27–28.
8. Сауров Ю. А., Синенко В. Я. Типичные методологические ошибки при обучении физике // Сибирский учитель. 2017. № 3 (112). С. 32–39.
9. Сауров Ю. А., Синенко В. Я. Учитель учителей – это великая миссия... // Сибирский учитель. 2010. № 5 (71). С. 9–14.
10. Синенко В. Я. О модернизации системы дополнительного профессионального педагогического образования // Методист. 2011. № 9. С. 5–9.
11. Синенко В. Я. Современная модель повышения квалификации работников образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2009. № 1 (1). С. 91–93.
12. Синенко В. Я. Haupttrichtungen der wachsenden persönlichkeitsbildung unter modernen sozioökonomischen bedingungen // Сибирский учитель. 2021. № 3 (136). С. 5–7.

REFERENCES

1. Burenkov S. V., Orlova I. I. [Education system and digital reality]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 24 noyabrya 2023 g.* [Philosophical and methodological problems of studying Russian society: collected papers of the VII International scientific and practical conference, Moscow, November 24, 2023]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2023, pp. 42–47.
2. Gorbunov A. S., Miroshkin M. S. [Methodological problems of scientific research: on the functions of science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and methodological problems of studying Russian society: collected papers of the V International scientific conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2022, pp. 106–116.
3. Zagrebin M. V., Burenkov S. V. [Science as a complex social phenomenon]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and methodological problems of studying Russian society: collected papers of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2022, pp. 133–145.
4. Kolesnichenko Yu. V. [Methodological tools of scientific research: methods and approaches]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and methodological problems of studying Russian society: collected papers of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2022, pp. 215–222.
5. Kolesnichenko Yu. V., Arhangel'skaya N. O. [Neoclassicism as a stage in the development of science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2022 g.* [Philosophical and methodological problems of studying Russian society: collected papers of the VI International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2022]. Moscow, Sam poligrafist Publ., 2022, pp. 166–175.

6. Sinenko V. Ya., Belenok I. L., Velichko A. N., Volchek M. G. [The concept of modernization of the system of additional professional pedagogical education in the Novosibirsk region]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian teacher], 2011, no. 4 (77), pp. 22–28.
7. Molokov Yu. G., Sinenko V. Ya. [New Russia and new education (invitation to conversation)]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian teacher], 2010, no. 4 (70), pp. 27–28.
8. Saurov Yu. A., Sinenko V. Ya. [Typical methodological mistakes in teaching physics]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian teacher], 2017, no. 3 (112), pp. 32–39.
9. Saurov Yu. A., Sinenko V. Ya. [A teacher of teachers is a great mission...]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian teacher], 2010, no. 5 (71), pp. 9–14.
10. Sinenko V. Ya. [On the modernization of the system of additional professional pedagogical education]. In: *Metodist* [Methodist], 2011, no. 9, pp. 5–9.
11. Sinenko V. Ya. [A modern model of advanced training for education workers]. In: *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional education in Russia and abroad], 2009, no. 1 (1), pp. 91–93.
12. Sinenko V. Ya. Hauptrichtungen der wachsenden persönlichkeitsbildung unter modernen sozioökonomischen bedingungen. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian teacher], 2021, no. 3 (136), pp. 5–7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Vasily Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Pedagogic), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Editor-in-Chief of the scientific journal “Siberian Teacher”, Novosibirsk Institute for Advanced Training and Retraining of Education Workers;
e-mail: sinenko.vasily@gmail.com

Danijela D. Kostadinovic – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš (The Republic of Serbia);
e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Синенко Василий Яковлевич – доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования, главный редактор научного журнала факультета «Сибирский учитель» на базе Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования;
e-mail: sinenko.vasily@gmail.com;

Костадинович Даниэла – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша (Республика Сербия);
e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

FOR CITATION

Bondareva Ya. V., Sinenko V. Ya., Kostadinovic D. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part V. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 35–41.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-35-41

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бондарева Я. В., Синенко В. Я., Костадинович Д. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part V // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 35–41.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-35-41

УДК 174.4

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-42-50

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ НАЧАЛ ИСЛАМА НА ФОРМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Зубов В. В.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установление особенностей влияния исламской религиозной философии на специфику банковской деятельности в мусульманском сообществе.

Процедура и методы. В работе используются методы анализа исследовательского дискурса, систематизации и кластеризации теоретического материала, а также кросс-темпоральная и кросс-культурная компаративистика.

Результаты. Автор раскрывает нравственные постулаты исламской философии экономики, определяет принципы исламского банкинга, характеризует финансовые инструменты исламских банковских практик.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость материала состоит в обобщении исходных философских и мировоззренческих начал банковской деятельности в мусульманском сообществе, а также в определении меры должного и дозволенного поведения в финансовых и деловых отношениях между мусульманами. Практическая значимость статьи состоит в углублении знаний об исламском банкинге в целях укрепления межкультурного и межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: банковская деятельность, гарар, закят, ислам, исламский банкинг, риба, халяль, харам

THE INFLUENCE OF THE PHILOSOPHICAL PRINCIPLES OF ISLAM ON THE FORMS AND INSTRUMENTS OF BANKING IN THE MUSLIM WORLD

V. Zubov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
prosp. Leningradsky 49/2, Moscow 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. To establish the features of the influence of Islamic religious philosophy on the specifics of banking activities in the Muslim community.

Methodology. The work uses the methods of analyzing research discourse, systematization and clustering of theoretical material, as well as cross-temporal and cross-cultural comparative studies.

Results. The author reveals the moral postulates of the Islamic philosophy of economics, defines the principles of Islamic banking, characterizes the financial instruments of Islamic banking practices.

Research implications. The theoretical significance of the material lies in generalizing the initial philosophical and ideological principles of banking in the Muslim community, as well as in determining the measure of proper and permitted behavior in financial and business relations between Muslims. The practical significance of the article lies in deepening knowledge about Islamic banking to strengthen intercultural and interreligious dialogue.

Keywords: banking, gharar, zakat, Islam, Islamic banking, riba, halal, haram

Введение

Актуальность выбранной темы публикации объясняется ролью мусульманского религиозного мировоззрения в функционировании мировых социальных процессов. Ислам, число последователей которого составляет на ноябрь 2024 г. более 2 млрд человек¹, отнюдь не ограничивается странами Магриба, Аравийским полуостровом, Ближним Востоком, Северным Кавказом, Центральной Азией, Индостаном и частью территорий Юго-Восточной Азии, а хозяйственные и банковские практики, основанные на мусульманских постулатах, имеют место практически во всех странах расселения уммы вне зависимости от титульной религии. Возникает потребность в исследовании глубинных мировоззренческих и философских оснований, которыми руководствуются мусульмане при проведении банковских и иных финансовых операций, с тем чтобы укрепить межкультурную коммуникацию различных этнических групп и национальных экономических системам.

Подтверждением значимости выбранной темы публикации служит неослабевающий интерес научного сообщества к проблеме философских и мировоззренческих оснований исламских банковских практик. Так, поднимаемый вопрос к настоящему времени получил освещение в трудах З. Абачараевой, Е. В. Андреевской, В. Д. Андрианова, А. Т. Апхужовой, А. Гасаналиева, М. И. Денисова, Е. А. Золотовой, Д. С. Калякина, Э. В. Ключковой, И. Н. Рыковой, И. В. Савельевой, Д. И. Сидиковой, А. С. Савиной, А. С. Токаевой, А. И. Хазуева и др.

Целью настоящей статьи является установление особенностей влияния исламской религиозной философии на специфику банковской деятельности в мусульманском сообществе.

К задачам публикации, направленным на реализацию поставленной цели, относятся раскрытие нравственных постулатов ислам-

ской философии экономики, определение исходных начал (принципов) исламского банкинга, характеристика финансовых инструментов исламских банковских практик.

Корпус методов, использованных при подготовке настоящего материала, составили анализ исследовательского дискурса. Применялись систематизация и кластеризация теоретического материала, кросс-темпоральная и кросс-культурная компаративистика.

Нравственные постулаты исламской философии экономики

Концептуальным, мировоззренческим и методологическим базисом социальных практик ислама является система фикх аль-му'амалат (также – исламская коммерческая юриспруденция), в русле которой протекают исследования и анализ экономических отношений на основе мусульманской религиозной философии и ведущих положений исламского вероучения.

Фундаментом исламской философии экономики выступают основополагающие принципы ислама, заложенные в Коране, Сунне и откровениях Пророка Мухаммада, являющихся следствием снисхождения мудрости Всевышнего (Аллаха) до всех приверженцев мусульманской вероучительной традиции.

Остов хозяйственной жизни мусульманина выстраивается на нетипичном для европейской парадигмы подходе к экономической деятельности, основанном на безусловном уважении к ценностям социальной справедливости и добропорядочного поведения. Но в то же время обладание богатствами, полученными сообразно с принятой этической регуляцией, не считается греховным.

Более того, исламская философия экономики зиждется на логическом отрицании концепции «рационального экономического человека», которая, по замечанию Тайяш Бандара Фахада, в «материальном смысле служения личным интересам не смогла найти точки опоры в исламской экономике» [11, с. 383].

¹ Global Muslim population [Электронный ресурс]. URL: <https://timesprayer.com/en/muslim-population> (Дата обращения: 10.11.2024).

Мусульманская философия экономики подчёркивает важность гармонии и социальной солидарности в экономической системе, значимость этики и морали в экономической деятельности. Она призывает к справедливости, честности и умеренности во всех аспектах экономической жизни. Предполагается, что бизнес и торговля должны быть основаны на уважении к правам и интересам других людей.

Причём особое внимание исламская парадигма в преломлении к экономической жизни уделяет распределению богатства и ресурсов для обеспечения справедливости и равенства между людьми. Так, принципы исламской экономики включают запрет на рост ренты и процентов, а также необходимым образом закладывают в хозяйственную жизнь обязательную поддержку благотворительности и общественного блага.

Частным случаем применения такого подхода служит запрет на извлечение банками процентного дохода, о чём пишут в своей публикации О. В. Асканова и С. К. Севастьянова [1, с. 58]. Авторы замечают, что вместо получения процента на ссуженный капитал, который, вероятно, рассматривается как безнравственный спекулятивный доход, банки приобретают правомочие на «часть создаваемого в реальном секторе экономики с их участием прибыли» [1, с. 58].

Для исламской экономики наиболее важными нравственно-экономическими столпами являются благотворительность (вакф), объективность и добропорядочность, неукоснительное соблюдение строгих запретов, честность.

Имплементация этических начал исламской философии экономики на примере кейса с коммерческим кредитованием интересным, на наш взгляд, образом описана в материале А. А. Вассермана [5, с. 31]. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что фактически кредитование (то есть ссужение кредитной организацией средств с регулярной выплатой тела кредита и оговоренного процентного бремени) в отношениях между исламским банком и заемщиком-мусульманином заменяется на инкорпорацию кредитора в бизнес обя-

занного лица. При этом плата по кредиту осуществляется за счёт получения доли прибыли, полагающейся банку вследствие включённости в деловой оборот заёмщика.

Вместе с тем распределение возможных убытков между банком и кредитуемым ввиду совместной хозяйственной деятельности происходит на субсидиарных началах. Это означает, что при невозможности исполнения обязательств заёмщиком-мусульманином, возникших в ходе ведения бизнеса, часть ответственности в пределах имеющейся доли ложится на плечи кредитора в лице исламского банка.

Ко всему прочему, как отмечает А. А. Вассерман [5], на практике исламские банки не ограничиваются формальным оформлением доли кредитуемого лица в бизнесе, а принимают активное участие в стимулировании предпринимательской инициативы своего клиента путём привлечения бизнес-консультантов и прочих полезных специалистов. Причём банки, оказывая подобные услуги, имеют возможность предоставления адресной профессиональной помощи на аутсорсинговых началах, что позволяет одному специалисту одновременно работать с несколькими людьми (организациями) из числа кредитуемых лиц.

Заметим, что некоторые из основных концепций мусульманской философии экономики включают понятия «халифата» и «закята». Халифат относится к идеалу справедливого и ответственного управления экономической системой на принципах ислама. Закят – это обязательное пожертвование, которое мусульмане должны делать на благотворительные цели и помощь нуждающимся.

Мусульманская философия экономики стремится создать справедливую, устойчивую и социально ответственную экономическую систему, которая учитывает потребности и интересы всех людей. Мусульманская философия экономики может быть полезной для разработки альтернативных моделей современного экономического развития, основанных на справедливости и социальной солидарности.

На базе мусульманской философии экономики, которая чётко отражает основные

религиозные установки ислама, собственно говоря, и базируется очень специфичная система банковской деятельности, которая развивалась с очень древних времён, а сейчас стала превращаться в исламские банки.

Исходные начала исламского банкинга

Основными принципами философии банковской деятельности, согласно учению ислама, являются:

- структурирование банковских практик и денежных отношений между мусульманами и исламскими бизнес-единицами на базе шариата и его запретов;
- установление меры дозволенного и табуированного на основе дихотомии халаль / харам;
- сакрализация идеи справедливости (адль);
- поощрение закята;
- обеспечение равновесного состояния между индивидуальными и коллективными интересами.

В то же время не можем обойти вниманием и другие имеющиеся в научном дискурсе подходы к кластеризации философских принципов функционирования исламской экономической системы. В частности, в работе Т. М. Борлаковой и Л. А.-З. Кубановой обозначаются такие принципы, как «запрет ставки процента, запрет спекулятивного поведения, разделение рисков и вознаграждений, запрет нарушения договорных обязательств, запрет на неопределённость в контрактах» [4, с. 37], а также построение систем финансирования в конкретной связке с реальными (материализованными) активами.

Не умаляя значимости и обоснованности предложенного Т. М. Борлаковой и Л. А.-З. Кубановой видения принципов исламской экономической (и в том числе банковской) деятельности, далее в тексте работы мы будем отталкиваться от раскрытия тех принципов исламского банкинга, которые выделены нами ранее.

Структурирование банковских практик и денежных отношений между мусульма-

нами и исламскими бизнес-единицами на базе шариата и его запретов предполагает априорное признание Аллаха как непрекаемого источника любого закона – рукотворного (юридического) и трансцендентного (нравственного) – и в то же время адресанта моральных императивов. Следование пути ислама манифестируется в соблюдении пяти столпов религии, к числу которых относятся исповедание, молитва, даяние милостыни, держание поста, совершение хаджа.

Корпус важнейших регулятивных механизмов социального поведения (норм и светских законов), формирующих и детерминирующих образ жизни мусульманина [8, с. 34], концептуализирован как Шариат. Презюмируется, что вся экономическая деятельность мусульманина должна соответствовать принципам шариата, которые включают строжайший запрет на проценты, запрет на игры на удачу и азартные игры, запрет на торговлю товарами, запрещёнными исламом (например, свининой или алкоголем), и стремление к справедливости и социальной солидарности.

В целом выделяются три основных табу в ходе деятельности финансовых институтов и проведения коммерческих операций мусульманами сообразно с шариатскими нормами, которые влияют на действительность или недействительность сделок и одновременно носят непреодолимый характер [3, с. 35]:

- воспрещение получения ростовщических процентов;
- проведение сделок с неопределёнными условиями или сопряжённых с заведомой недобросовестностью контрагентов;
- участие в сделках с высокой степенью алеаторности (рисковости) и/или связанных с азартными устремлениями и неоправданно высокой надеждой на благоприятный исход.

Воспрещение получения ростовщической прибавки также именуется запретом на риба (на излишки). Имеется в виду запрет на ссудный ростовщический процент, возникающий не вследствие личного участия кредитора в приращении капитала,

предполагающего собственные трудозатраты, а ввиду получения оговорённых процентов на ссуженную сумму соответственно со сроком займа и его величиной. Указанный запрет на пользование плодами рибха восходит к исламской трактовке важнейшей нравственной категории справедливости, что предполагает равномерное развитие реального сектора экономики, с одной стороны, и жёстко коррелирующих с таковым приращением финансовых ресурсов, с другой стороны [2, с. 256].

В свете вышесказанного в научной печати можно встретить важное замечание, по которому «основа деятельности исламских банков – то, что она основывается на договоре займа, предполагающем возврат данной в долг части капитала в том же виде и количестве» [9, с. 51].

Проведение сделок с неопределёнными условиями или сопряжённых с заведомой недобросовестностью контрагентов получило название *гарар*. По мнению М. Б.-К. Юлдашевой, «гарар подразумевает наличие излишней неопределённости и неясности условий контракта, возникающей вследствие недостатка информации и контроля» [16, с. 42], при этом «гараром можно считать продажу сомнительного товара, неизвестных товаров или по несоответствующей цене, товаров без точного описания или предварительной проверки; неэквивалентный бартерный обмен товаров» [16, с. 42].

Участие в сделках с высокой степенью алеаторности (рисковости) и / или связанных с азартными устремлениями и неоправданно высокой надеждой на благоприятный исход в терминах исламской философии экономики получило наименование *майсир*.

При этом, как замечено в печати, несмотря на одинаковый рестрикционный статус *гарар* и *майсир*, между ними следует проводить чёткую грань. Довольно точная сепарация между этими двумя категориями в соответствии с различием по интеллектуальному и волевому моментам проведена А. Н. Кузнецовой и И. Тенберга: «Если в случае игры (майсир. – В. З.) сто-

роны вовлекают себя в риск добровольно (игра как риск), то в случае гарар стороны вынужденно попадают в ситуацию неопределённости ввиду невозможности оценить вероятность наступления благоприятного исхода, поэтому риск в случае игры – это осознанная и желаемая деятельность, а неопределённость в случае гарар – это потенциально неверный выбор действий или бездействие в силу недостаточного знания» [10, с. 181].

Установление меры дозволенного и табуированного на основе дихотомии халяль / харам предполагает введение общих критериев разделения предметов материального мира и человеческих поступков соответственно с соответствием или несоответствием требованиям исламской религии.

Как правило, определение халяльного и харамного ассоциируется со стандартами должного пищевого поведения мусульман, однако в действительности данные понятия стоит трактовать расширительно в том виде, как мы их определили в начале абзаца. Отметим, что близкая, на первый взгляд, дихотомия имеет место в древнейшей авраамической религии – иудаизме, где жёстко закреплено «разделение пищи на кошерную – допустимую к употреблению – и трэфную – запрещённую для употребления иудеями» [6]. Однако в иудейской вере подобное разделение используется не в широком контексте социальных практик и контактов с окружающим миром, а именно в рамках регулируемого потребления продуктов питания.

Необходимость сакрализации идеи справедливости (адль) определяется требованием достижения равновесного состояния в социальной среде как одного из способов получения доверия со стороны Всевышнего, притом что сама справедливость, согласно исламской традиции, есть «понятие о должном порядке взаимодействия между членами общества, соответствующем определённым представлениям о сущности человека, его правах и обязанностях» [15, с. 140].

Предпосылкой для принятия предложенной дефиниции справедливости

являются презумпция принадлежности всех богатств мира Аллаху и признание за человеком статуса ординарного пользователя имеющейся доли материальных ресурсов в продолжение земной жизни. Отсюда закономерным образом вытекают деонтическая ориентация исламской философии экономики, культивирование идеи достижения общего блага в противовес индивидуалистическим устремлениям, поощрение рационального использования наличествующей ресурсной базы как драйвера устойчивого хозяйственного развития и всеобщего благосостояния.

Впрочем, нельзя не отметить, что близкое понимание справедливости характерно и для других религиозно-философских систем. Следовательно, говорить об эксклюзивности идеи общего блага в исламском мировоззрении не следует. Так, например, «осмысленная готовность прикладывать имеющиеся силы для достижения общего блага» [14, с. 23], постулируемая в конфуцианской этико-политической доктрине, признавалась важной ценностью социального порядка в Японии периода Токугава, политико-философским основанием коего выступал в том числе императив «добродетельного правления» [13, с. 39].

Поощрение закята является формой положительного санкционирования действий мусульман по обязательному ежегодному отчислению налога с доходов и имущества в пользу нуждающихся единоверцев. Следование данной религиозной практике признаётся в качестве способа легитимации полученных доходов и материальных благ как освобождённых от греховной составляющей. Вместе с закятом также в исламе предусмотрен такой вид пожертвований в пользу бедных, как садака, носящая добровольный характер.

Закят и садака отчётливо раскрывают общественно полезный функционал религии в целом и ислама в частности как способы сглаживания противоречий внутри гомогенных социальных групп посредством частичного перераспределения материальных благ от обладателей профицита к агентам дефицита. Однако за счёт данных

форм денежных отчислений возможно решать и другие задачи, на что обращают внимание Т. В. Игнатов и А. И. Добаев: речь идёт о стимулировании инвестиционной активности, формировании культуры потребления и постоянном напоминании об Аллахе как конечном собственнике всех материальных благ [7, с. 164].

Обеспечение равновесного состояния между индивидуальными и коллективными интересами предполагает достижение баланса между персональной свободой и общественными потребностями. Такой баланс выражается в признании институтов частной собственности и предпринимательства как неотъемлемых драйверов современной экономики при одновременном включении в рутину экономических акторов исламских представлений о справедливости, порядочности и добросовестности.

Таким образом, в завершение раздела можем заключить, что философские принципы исламской банковской деятельности явственно раскрывают относимость мусульманской философии экономики к одной из форм этически окрашенного хозяйствования. Экономическая деятельность, предпринимательство и банкинг подчиняются идеям справедливости и общего блага, которые, в свою очередь, образуют стержневой каркас ментальности правоверного мусульманина.

Финансовые инструменты исламских банковских практик

Экспликация базовых принципов и ограничений исламской философии экономики в материализованных социальных отношениях предполагает переход на уровень отдельных финансовых инструментов.

Основными финансовыми инструментами в исламской банковской жизни являются:

- кард аль-хасан – безвозмездный займ с возможностью свободного распоряжения предоставленными денежными средствами с дополнением обязательства по возврату суммы кредитору по его первому требованию;

– амана – соглашение о распоряжении денежными средствами клиента сообразно с его указаниями на основе уплаты комиссионного вознаграждения;

– мударба – предоставление денежных средств для их вложения доверительным управляющим в функционирование какой-либо организации или в определённый проект с последующим получением доли прибыли в бизнесе или в отдельном проекте;

– мушарака – соглашение о совместной деятельности между финансовым институтом и клиентом с оговоркой о способе распределения прибыли и убытков;

– мурабаха – приобретение финансовым посредником товара в интересах клиента за свой счёт с последующей передачей товара клиенту на условиях рассрочки с уплатой оговорённой надбавки;

– салам – механизм купли-продажи и поставки товара на условиях предоплаты;

– истисна – механизм выполнения работ на условиях предоплаты;

– иджара – аналог принятого в европейском деловом обороте лизинга;

– сукук – договор, способом обеспечения исполнения которого являются материальные активы;

– такафул – страхование имущества от возможных неблагоприятных последствий, в том числе от нанесения ущерба.

Анализ существа используемых в исламских экономических и банковских отношениях финансовых инструментов позволяет выделить сходство между мусульманской ветвью религиозного права в части экономики и банкинга и европейским гражданским оборотом. В то же время основное различие двух систем имеет ярко выраженный философский подтекст. Ислам, допуская в современных условиях финансовое посредничество и получение доходов сверх вложенных сумм, по-прежнему стоит на традиционалистской позиции категорического непринятия сверхприбыли, являющейся несправедливой по причине отсутствия чёткой связи между величиной извлекаемого дохода и подлинным личным участием экономического агента в создании соответствующих благ.

Заключение

В заключение статьи можем констатировать прямое и всеобъемлющее влияние философских постулатов ислама на организацию банковской деятельности в мусульманских странах и в отношениях между экономическими акторами, связанными с исламским верованием. Философскую основу исламского банкинга составляют фундаментальные этические положения и табу одноимённой религии: подлинная принадлежность всех материальных благ Аллаху, презрение жадности, стремление к общему благу в противовес порочным эгоистическим интенциям, материальная поддержка нуждающихся единоверцев.

В преломлении к финансово-хозяйственным отношениям эти принципы раскрываются как недопустимость извлечения процентной ставки из ссужения денежных средств, рассматриваемого как получение необоснованной, а значит, несправедливой (не имеющей личного трудового вклада кредитора) сверхприбыли, табу на спекулятивное поведение, воспрещение нарушения договорных обязательств, запрет на недобросовестное поведение в сделках путём неполного информирования о существенных условиях предмета договора (гарар), недопустимость подмены разумного и ответственного делового поведения рискованными играми (майсир).

Предлагаемый исламской верой ценностно-философский фундамент банковских практик покоится на общечеловеческих ценностях, но вместе с тем не лишён манипулятивной компоненты, предполагающей «оказание такого скрытого воздействия на объект влияния, в ходе которого последний совершает действия в интересах манипулятора, хотя полагает, что приносит благо самому себе» [12, с. 136]. В частности, речь идёт о тезисе, по которому отчисление закята является обоснованием религиозной чистоты своих доходов и имущества.

Стоит обратить внимание также на то обстоятельство, что исламское мировоз-

зрение, несмотря на глубокую укоренённость в традиции, не является косным и позволяет мусульманскому деловому сообществу интегрироваться в мировые экономико-банковские процессы, о чём свидетельствуют признание правомерно-

сти финансового посредничества и разрешение установления справедливой маржинальности в ряде сделок.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асканова О. В., Севастьянова С. К. Деньги в духовно-нравственном контексте // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 27. С. 52–59.
2. Ахтямов Н. С. Исламская экономическая модель: концептуальные и теоретические основы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 15 (116). С. 252–261.
3. Бизюков С. Н. Юридические уловки в исламском праве: путь от Средневековья до XXI века // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 31–54.
4. Борлакова Т. М., Кубанова Л. А.-З. Исламская экономическая модель: особенности, современное состояние и перспективы дальнейшего развития // Вестник Академии знаний. 2020. № 36 (1). С. 35–40.
5. Вассерман А. А. За свои – надежнее // Бизнес-журнал. 2014. № 6. С. 30–31.
6. Зубов В. В. Социальные аспекты изучения иудаизма как вернакулярной религии [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2022. № 1. URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/762.html> (дата обращения: 15.04.2024).
7. Игнатова Т. В., Добаев А. И. Исламская экономика и эволюция системы «Хавала» // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 4. С. 149–170.
8. Кириллов Г. М., Питайкин К. Ю. Роль нравственных ценностей в экономике исламских государств // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 2. С. 32–37.
9. Конев Д. М., Конева С. А. Исламский банкинг – особенности, место в мировой банковской системе и проблемы развития // Вестник науки. 2021. Т. 3. № 7 (40). С. 49–59.
10. Кузнецова А. Н., Тенберга И. Купля-продажа и запрет неопределенности (гарар) в исламской традиции // Правоведение. 2022. Т. 66. № 2. С. 162–192.
11. Фахад Т. Б. Принципы функционирования исламских финансовых институтов // Форум молодых ученых. 2023. № 6 (82). С. 382–388.
12. Филиппов А. Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.
13. Филиппов А. Р. Религиозная политика Японии XV–XVII вв. в контексте централизации власти и зарождения реалистического авторитаризма // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 2. С. 36–43.
14. Филиппов А. Р., Новиков О. Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 13–28.
15. Шарипова Э. М. Справедливость в исламе: её суть и важность // Символ науки. 2023. № 6–1. С. 139–142.
16. Юлдашева М. Б.-К. Особенности развития и принципы исламской финансовой системы // Экономика и финансы. 2020. № 1 (133). С. 37–45.

REFERENCES

1. Askanova O. V., Sevastianova S. K. [Money in the spiritual and moral context]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2014, no. 27, pp. 52–59.
2. Akhtyamov N. S. [Islamic economic model: conceptual and theoretical foundations]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Economy. Management. Law], 2013, no. 15 (116), pp. 252–261.
3. Bizyukov S. N. [Legal subterfuges in Islamic law: from the Middle Ages to the 21st century]. In: *Pravo*.

- Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2014, no. 3, pp. 31–54.
4. Borlakova T. M., Kubanova L. A.-Z. [Islamic Economic Model: Features, Current State, and Prospects for Further Development]. In: *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2020, no. 36 (1), pp. 35–40.
 5. Vasserman A. A. [It's More Reliable to Be on Your Own]. In: *Biznes-zhurnal* [Business Journal], 2014, no. 6, pp. 30–31.
 6. Zubov V. V. [Social Aspects of Studying Judaism as a Vernacular Religion]. In: *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2022, no. 1, Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/762.html> (accessed: 15.04.2024).
 7. Ignatova T. V., Dobaev A. I. [Islamic Economics and the Evolution of the Hawala System]. In: *Islam v sovremennom mire* [Islam in the Modern World], 2016, vol. 12, no. 4, pp. 149–170.
 8. Kirillov G. M., Pitaikin K. Yu. [The Role of Moral Values in the Economy of Islamic States]. In: *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science], 2023, no. 2, pp. 32–37.
 9. Konev D. M., Koneva S. A. [Islamic Banking: Features, Place in the World Banking System, and Development Problems]. In: *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 2021, vol. 3, no. 7 (40), pp. 49–59.
 10. Kuznetsova A. N., Tenberga I. [Purchase and Sale and the Prohibition of Uncertainty (Gharar) in the Islamic Tradition]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2022, vol. 66, no. 2, pp. 162–192.
 11. Fakhad T. B. [Principles of Functioning of Islamic Financial Institutions]. In: *Forum molodyh uchenyh* [Forum of Young Scientists], 2023, no. 6 (82), pp. 382–388.
 12. Filippov A. R. [Political Ideology as a Form of Manipulation]. In: *Vlast'* [The Authority], 2024, no. 3, pp. 133–139.
 13. Filippov A. R. [Religious policy of Japan in the XV–XVII centuries in the context of centralization of authority and the emergence of realistic authoritarianism]. In: *Social'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences], 2023, vol. 13, no. 2, pp. 36–43.
 14. Filippov A. R., Novikov O. G. [Theoretical Approaches to the Study of Social Consensus]. In: *Social'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences], 2023, vol. 13, no. 5, pp. 13–28.
 15. Sharipova E. M. [Justice in Islam: Its Essence and Importance]. In: *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2023, no. 6–1, pp. 139–142.
 16. Yuldasheva M. B.-K. [Development Features and Principles of the Islamic Financial System]. In: *Ekonomika i finansy* [Economy and Finance], 2020, no. 1 (133), pp. 37–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зубов Вадим Владиславович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: zubov305@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vadim V. Zubov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Assoc. Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: zubov305@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зубов В. В. Влияние философских начал ислама на формы и инструменты банковской деятельности в мусульманском мире // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 42–50.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-42-50

FOR CITATION

Zubov V. V. The Influence of the Philosophical Principles of Islam on the Forms and Instruments of Banking in the Muslim World. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 42–50.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-42-50

УДК 1(091); 168.521

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-51-59

ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ В ТЕХНИКЕ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ XX ВЕКА

Прядко И. П.*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть вклад отечественного инженера Н. М. Герсевича в практику доказательства и обоснования технических проектов. В статье утверждается, что подход Герсевича был новаторским для своего времени, поскольку в период, когда классическая логика испытывала определённый кризис, а математическая логика с её новыми подходами не завоевала доверия специалистов, русский инженер первым обратился к формулам алгебры логики, применяя их в строительных расчётах.

Процедура и методы. В статье использованы метод ретроспективного анализа источников, а также методы современной математической логики.

Результаты. Результатом работы следует считать представленный автором статьи анализ схем дедуктивных умозаключений, которые Герсевичем были переведены на формализованный язык математической логики Луи Кютюра и положены в основу доказательства устойчивости гидросооружений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья имеет прикладное и отчасти теоретическое значение. Её выводы могут быть использованы в целях изучения этапов развития отечественной науки и техники, логики и строительной механики.

Ключевые слова: алгебра логики, доказательство, информатизация, простой категорический силлогизм, ряжевые набережные, строительная механика

USING MATHEMATICAL LOGIC IN ENGINEERING AND CONSTRUCTION: DOMESTIC EXPERIENCE OF THE 20TH CENTURY

I. Pryadko*Moscow State University of Civil Engineering
Yaroslavskoye Shosse 26, Moscow 129337, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the contribution of N. M. Gersevanov, a Russian engineer, to the practice of proof and justification of engineering projects. The author argues that Gersevanov's approach was innovative for its time, because when classical logic was experiencing a certain crisis and mathematical logic and its novel approaches had not won the trust of specialists yet, the Russian engineer was the first to turn to formulas of logic algebra and apply them in structural analysis.

Methodology. The article uses the method of retrospective analysis of sources, as well as methods of modern mathematical logic.

Results. The result of the work is analysis of deductive inference schemes presented by the author. These schemes were translated by Gersevanov into the formalized language of mathematical logic of Louis Couture and used as the basis for the proof of stability of hydraulic structures.

Research implications. The article has applied and some theoretical significance. Its conclusions can be used to study the stages of development of domestic science and technology, logic and structural mechanics.

Keywords: logic algebra, proof, informational support, simple categorical syllogism, crib embankments, structural mechanics.

Введение

Цифровые технологии в строительстве и архитектуре в настоящее время получили широкое распространение. Концепция «умного дома» и «умного города» находит практическое воплощение на урбанизированных территориях как за рубежом, так и в нашей стране [10]. Во всех проектах современного жилья достаточно ощутима «цифровая» составляющая. Вместе с тем достижениям XXI в. в сфере цифрового проектирования предшествовали работы зарубежных и отечественных исследователей, в первую очередь математиков, логиков, инженеров-теоретиков, по применению математической логики в статических расчётах, которые лежат в основе тех или иных технических проектов. Логическая наука в XX в. сделала огромный шаг вперёд. Но только с появлением у логики математического аппарата после овладения инструментами математической формализации у представителей данной науки появилась перспектива применять её схемы в различных сферах человеческой практики.

Использование схем формальной логики позволило эффективно объединить сумму разнообразных общенаучных и специальнонаучных методов и применять их в строительстве и архитектуре. Математическая логика даёт возможность эффективно управлять ресурсами в рамках технического проекта, осуществлять многостороннюю экспертизу данного проекта. Много говорится и о внедрении цифровых технологий в сферу подготовки инженеров [7, с. 52–56; 16, с. 17–24]. Цифровые технологии вторгаются в наш повседневный быт [5, с. 120–129]. Цифровые вычислительные сети прочно вошли в жизнь различных категорий населения [11, с. 40–44]. Сегодня одним из перспективных направлений, связанных с цифровизацией, выступает

применение робототехники, искусственного интеллекта и нейросетей¹. Всё это стало следствием внедрения математической логики в технологические расчёты. Использование схем математической логики и связанное с этим применение систем искусственного интеллекта позволяет осуществить анализ обширных данных, а помимо этого уменьшить меру неопределённости в управлении технологическими процессами.

К числу пионерских для своего времени относится исследование основателя отечественной школы механики грунтов и сыпучих материалов Н. М. Герсеванова². Российский инженер, один из проектировщиков столичного метро, чьим именем назван научно-исследовательский институт в г. Москве, предложил использовать схемы математической логики, её тождественно-истинные формулы в целях обоснования устойчивости гидросооружений. Таким образом, аргументационная практика, которая и до этого была в ходу у архитекторов гидросооружений, с лёгкой руки Герсеванова приобрела ещё и формально-логический аппарат. Работа «Применение математической логики к расчёту сооружений» занимает особое место в научном наследии Герсеванова [3]. К логическим разработкам инженер-строитель прибёг в конце 1920-х гг., когда проектировал гидроусилители [9, с. 437–439]. Несколько позже Герсеванов применил алгебру логики в сфере обоснования устойчивости возводимых объектов. А в 1948 г. логическая статья вошла в I том юбилейного сборника

¹ См.: Крапивянский Н. Нейросети на страже безопасности производства: интервью // Горная промышленность. 2023. № 6. С. 26–27; [12; 15].

² Подробную биографию учёного см.: Герсеванов Н. М. Библиография [Электронный ресурс]. URL: <https://isaran.ru/?q=ru/person&guid=6E798F1B-806D-C8B0-789D-9C57ADBF8438> (дата обращения: 27.08.2024).

работ учёного [4]. Опираясь на отдельные формулы, помещённые в данной статье, мы дадим ответы на следующие вопросы:

1. Каким формализованным логическим языком пользовался Герсегонов в своих строительных расчётах?

2. Как применялись тождественно-истинные формулы математической логики в рассуждениях российского гидроинженера? (Для того, чтобы ответить на данный вопрос, будут предложены для рассмотрения несколько примеров).

3. Какие цели преследовал основатель отечественной школы механики грунтов при обращении к формализованному аппарату алгебры логики?

4. Какое место занимает методология Герсегонова в системе подходов, вырабатываемых современной наукой?

5. Какое значение имеет обращение Н. М. Герсегонова к математической логике?

Рассуждения об устойчивости гидросооружений Герсегоновым ведутся в базисе: « $\times$ » – точка либо знак логического умножения, соответствующий конъюнкции, заменяет союз «и»; « $+$ » – логическое сложение или дизъюнкция (соответствует союзу «или»); « $>$ », « $<$ » – знаки неравенства, соответствующие импликации, выражаемой в естественном языке союзом «если... то...»; эквивалентность, обозначаемая как знак равенства « $=$ »; а также отрицание в виде апострофа после переменной. Алфавит современной логики высказываний даётся в книге [6].

Разработки Н. М. Герсегонова, представленные в его логической статье, подтверждают сформулированный в XX в. методологами науки тезис, что самые разнообразные математические и логико-математические структуры стремительно внедряются в сферу прикладного и теоретического знания, а равно и в сферу практики, или как написано в одной из современных монографий, «в технику, экономику, управление» (см. [2, с. 11]).

Стоит отметить, что время, когда Герсегонов предпринял своё логико-алгебраическое исследование, характеризовалось кризисом классической логики.

Её несовершенство осознавали многие. Отечественные и зарубежные исследователи разрабатывали системы логической неклассичности, а параллельно с этим создавался аппарат математической логики. Становлению логики в XX в. в нашей стране препятствовали идеологические ограничения. Считалось, что выводы формальной логики противоречат диалектике, которая уже в 20–30-е гг. XX в. сделалась составной частью официально признанного единственно верным мировоззрения – марксизма, методологической основой которого был диалектический материализм. Исследователи-марксисты выражали откровенный скепсис в отношении будущего формальной логики и одновременно недоверие к математической логике, известной в то время под именем «логистика». Суждения подобного рода мы найдём у психолога-марксиста К. И. Сотонина, философов В. Ф. Асмуса и П. С. Попова, а равно у других авторов, стоявших в тот период на марксистских позициях. В условиях идеологических ограничений 1920–1930-х гг. логикам приходилось маскировать свои исследования под математические, и такая ситуация в целом совпала с положением, которое складывалось в интеллектуальном пространстве западной науки.

Обсуждение будущего классической логики в научном сообществе 1920–1930-х гг. явилось фоном для логико-алгебраических разработок Н. М. Герсегонова. А в 1948 г., когда рассматриваемая нами статья вышла в юбилейном сборнике строительного механика, логика как наука получила второе дыхание. Вопросы логики стали активно обсуждаться математиками и философами. Её стали изучать в средней школе, что продолжалось вплоть до так называемой хрущёвской «оттепели». В этот период стали бороться с «излишествами» в образовании. Из учебных курсов снова стала изыматься логика вместе с другой наукой о ментальных процессах – психологией.

Но и в 1960–70-е гг. математическая логика не была забыта. Из работ Герсегонова видно, что, включая математическую

логику в подготовку инженеров, отечественный теоретик по сути открывал путь проникновению логико-философских и логико-математических идей в ткань инженерных изысканий. Именно этим путём шли исследователи, которые в 1970-е гг. были привлечены к работе в Научном совете АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика». В работах таких авторов, как Б. В. Бирюков (о нём: [8, с. 50–56]), Е. С. Геллер, Ю. А. Петров, Ю. А. Гастев, подчёркивается роль математической логики в методологии науки, говорится о проникновении кибернетических методов в такие сферы культуры, как техника и искусство. Усилия Герсегованова и его последователей находились именно в этом русле. И данные усилия, как нам представляется, не пропали даром. Трудно здесь не согласиться с тезисом, что уже в наши дни «широкие слои инженеров успешно применяют аппарат, который раньше был известен лишь немногим знатокам» [2, с. 11]. С другой стороны, логические наработки Н. М. Герсегованова могут заинтересовать не только гражданских и промышленных инженеров, но и тех, чья область научных интересов связана с философией, математической логикой, кто изучает историю науки и техники, особенно переходный период становления отечественного прикладного знания, связанный с так называемой «эпохой войн и революций» – эпохой становления советской парадигмы рациональности и научного исследования.

Логика на службе архитектора-градостроителя. О цели обращения Н. М. Герсегованова к формальной логике

Первоочередным вопросом, решаемым Герсеговановым в его логическом исследовании, стал вопрос о корректности расчёта устойчивости проектируемых построек. Гидроинженер считал необходимым определить степень вероятности деформации данных построек. В основу расчётов Герсегованов положил формулы алгебры логики, как они представлены в книге французского математика Луи Кутюра [17].

Рассматривая причины деформации набережных на морском берегу, и в первую очередь тех, которые опираются на ряж (деревянный сруб, заполненный камнями), Герсегованов начинает с условных суждений. Он отталкивается от анализа причин разрушений объектов.

Силы, воздействующие на опору набережной, смещают располагающиеся на ней постройки. Именно данные силы стали причиной смещения набережной в Гельсингфорсе [3, с. 142]. Отметим, что на набережную, о которой речь идёт в разбираемой статье, проектировал отец Николая Михайловича – М. Н. Герсегованов, выдающийся дореволюционный инженер, тоже специализировавшийся на гидросооружениях. При возведении набережной в столице княжества Финляндского использовались не достигшие высокого уровня технологии гидростроительства позапрошлого XIX в., что, видимо, и послужило причиной смещения грунта и превращения прямоугольного ряжа в «параллелограмм».

Далее у Николая Михайловича идёт перечисление суждений о возможных причинах деформации набережных. Данные суждения в формальной логике обозначаются в виде переменных. В их роли выступают суждения о деформации на сдвиг, о деформации по плоскости основания, о деформации при выпирании нижележащего грунта, на опрокидывание вокруг внешнего ребра, на иные виды разрушений. Герсегованов ставит задачу найти такую ширину ряжа, которая обеспечила бы его устойчивость к разным видам деформации. Ниже обратимся к логическим схемам, применяемым Н. М. Герсеговановым в его расчётах.

Простой категорический силлогизм в рассуждениях Герсегованова об устойчивости гидросооружений

В рамках предлагаемых ниже изысканий нам не удастся коснуться всех аспектов применения математической логики в сфере строительства. Остановимся только

на основных принципах расчёта сооружений, раскрытых во втором параграфе статьи Н. М. Герсегованова [4].

По Герсегованову, аппарат строительных рассуждений не сводим к условным суждениям (т. е. суждениям вида «если... то...»). Условный расчёт мыслитель дополняет логическим произведением, заменяющим соединительный союз естественного языка. Сложное суждение об устойчивости набережных – это произведение переменных $A_1A_2A_3...$, каждая из которых означает устойчивость по отношению к какому-либо одному виду разрушений. Такое произведение рассматривается как основание (антецедент) для вывода B . А переменной B обозначено суждение «Данное сооружение устойчиво». Можно несколько усомниться в корректности рассуждений советского гидроинженера. Ведь материальная импликация в формальной логике (формула, части которой соединены знаком, обозначающим союз «если... то...»), будет истинна в том числе при ложном основании и истинном заключении. В нашем случае, когда произведение $A_1A_2A_3...$ ложно, а B – истинно.

Николай Михайлович не мог пройти мимо самого популярного в классической теории дедуктивного умозаключения – простого категорического силлогизма. Запишем первые два модуса I фигуры данного силлогизма так, как это предлагает сделать Н. М. Герсегованов, используя символику, применённую в книге «Алгебра логики» Луи Кутюра. Так, силлогизм первого модуса I фигуры с общеутвердительными посылками (раньше его было принято называть модусом *Barbara*) в статье Герсегованова (это 9-я формула в обсуждаемой работе) будет записан на языке Кутюра в виде представленной ниже формулы (здесь и далее мы придерживаемся нумерации формул, которую использует в своей статье Н. М. Герсегованов):

$$(A > B)(B > C) < (A > C) \quad (9)$$

Второй модус I-й фигуры, в котором большая посылка – общеотрицательное

суждение, а меньшая – общеутвердительное суждение (так называемый модус *Celarent*), мог бы выглядеть следующим образом:

$$(A > B')(B > C) < (A' > C)$$

Помимо силлогистических умозаключений Герсегованов в своих строительных рассуждениях применяет такие тождественно-истинные формулы, как правила Де Моргана, правило снятия конъюнкции и ряд других.

Особое внимание Герсегованов уделяет методам опровержения суждения «Данное сооружение неустойчиво». Герсегованов рассматривает два условия, соответствующие законам строительной механики, при которых проектируемое строение окажется неустойчивым, а потому задача состоит в опровержении этих двух суждений. Первое суждение обозначено переменной B . Эта переменная заменяет формулу строительной механики

$$t = f \cdot d \cdot r$$

– равенство, которое означает, что давление земли, воспринимаемое камнями, заполняющими ряж, прямо пропорционально удельному весу камня, ширине ряжа и коэффициенту трения камня о камень. В данной формуле t – давление, воспринимаемое камнями, f – коэффициент трения камня о камень, d – удельный вес камня, r – ширина ряжа. Требуется найти такую ширину ряжа, при которой давление на камень, заполняющий ряж, не приводило бы к деформации находящейся на ряже набережной. Второе условие разрушения ряжа обозначено переменной C . Переменная C в формулах алгебры логики заменяет следующее выражение строительной механики:

$$e = q - f \cdot d \cdot r$$

Это выражение означает, что давление, оказываемое грунтом на деревянный сруб, определяется вычитанием величины давления на камни из общего давления земли,

оказываемого на ряж. Поэтому здесь задача строителя – выбрать такую ширину ряжа, при которой суждение A о неустойчивости набережной окажется ложным. A ложным это суждение станет в случае, если будет опровергнута формула алгебры логики под номером (50) в герсегованской статье:

$$A < BC \quad (50)$$

Для того, чтобы обосновать ложность A , Герсегован далее прибегает к формулам алгебры логики и законам строительной механики. В логико-математические формулы Герсегована встроены расчёты, основу которых составляют законы механики грунтов. Мы же отметим, что формула (50) выступает в качестве выполнимой, а поэтому задача гидроинженера будет состоять в том, чтобы определить такие значения посылок B и C , при которых суждение A о неустойчивости ряжа будет опровергнуто. Подробно с доказательством Герсегована можно ознакомиться на страницах его логической статьи [4, с. 144–145]. Ключевые моменты подхода Н. М. Герсегована представлены также в работе [13, с. 60–64].

Результаты анализа логических выкладок Н. М. Герсегована

Перейдём к результатам предпринятого нами анализа статьи Герсегована и ответим на вопросы, заданные нами в первом параграфе настоящей работы:

1. Привлекая достижения современной ему математической логики, основатель отечественной школы механики грунтов воспользовался языком алгебры логики Луи Кутюра. С книгой известного французского математика Герсегован был знаком в оригинале, что свидетельствует о глубоких познаниях строительного инженера в математической логике и и о большой осведомлённости в достижениях западных исследователей.

2. В статье показаны примеры применения законов математической логики – её

тождественно-истинных формул в строительных расчётах. Для Герсегована было актуально привлечение логики в целях обоснования устойчивости набережных, опирающихся на ряж. При обосновании устойчивости построек советский гидроархитектор применял схемы условных умозаключений и схемы простого категорического силлогизма.

3. Логическая статья Н. М. Герсегована преследовала не только научно-исследовательские, но и педагогические просветительские задачи. Основатель отечественной школы механики грунтов стремился наглядно показать значимость математической и гуманитарно-философской подготовки для строителей и архитекторов. Так, обращение к логике, по убеждению инженера-теоретика, облегчает пути практико-ориентированных рассуждений, например, когда работы производятся в поле, и воспользоваться справочной литературой не представляется возможным. Судя по другим исследованиям Николая Михайловича, он придавал большое значение общетеоретической подготовке строительных инженеров, будучи убеждён, что, «вписывая» формулы механики в строгий логический каркас, строитель получает возможность найти оптимальный вариант среди предлагаемых проектов здания или сооружения.

Апелляция к логике делает умозаключения строительного инженера убедительными и по-научному строгими. Если число условий об устойчивости сооружения оказывается довольно велико, стоит перейти от доказательства невозможности его деформации к опровержению суждения о его неустойчивости. Применение математической логики в строительных расчётах следует рассматривать как одну из успешных попыток перехода от дисциплинарной замкнутости к взаимодействию и взаимообогащению различных областей знания. Через распространение логико-математического знания и через «прививку» этого знания различным отраслям науки и техники обнаруживается внутренняя связь

наук. Возникают переходные мосты между разобщёнными сферами знания и деятельности. Здесь справедливым будет вывод историков науки XX–XXI вв. З. А. Кузичевой и Б. В. Бирюкова, сделанный ими в ходе анализа работы Герсевича: «В основе метода, используемого Герсевичем, лежит синтез приёмов строительной механики, с одной стороны, и правил алгебры логики, с другой При этом [Герсевич] явно указывает, какие логические средства он использует, производя выводы на основании полученных вычислений» [1, с. 195].

4. Именно в силу изложенных нами обстоятельств логическую работу Герсевича можно рассматривать в контексте вырабатываемого современной наукой комплексного метода, в рамках которого общенаучные и специальнаучные приёмы анализа дополняют друг друга.

5. Теперь определим значение логической статьи Н. М. Герсевича. Его логическое исследование – это шаг от одноаспектного подхода к изучению объекта к комплексному его изучению. Дальнейшее продвижение в данном направлении предпринято электромехаником и логиком В. И. Шестаковым [9, с. 437–439], а затем инициатива по поиску прикладного использования алгебры логики в электротехнике перешла представителям школы М. А. Гаврилова [14, с. 561–569], которые показали, что во взаимодействие могут вступать науки не только одного профиля, но и разнонаправленные и разноуровневые по своему содержанию: логика и электротехника – булева алгебра и электромагнетизм.

Заключение

Обращение к научному наследию Н. М. Герсевича имеет большое значение сегодня, когда российское общество проявляет всё возрастающий интерес к достижениям отечественных учёных, а перед историками науки поставлена задача пропагандировать достижения исследователей, внёсших весомый вклад в обеспечение технологического суверенитета нашей страны. В последнее время популярность получили лекции и выставки, проводимые в рамках мультимедийных проектов «Россия – миру», «Имя в науке» и др. Такие мероприятия знакомят посетителей с открытиями, сделанными российскими и советскими учёными. Проводятся конференции, на которых затрагиваются различные аспекты изучения динамики отечественной науки и техники. Рассказ об отечественных учёных на тематических выставках и конференциях должен быть дополнен суммой сведений о научном вкладе как Н. М. Герсевича, так и других мыслителей и учёных, работавших над внедрением достижений математической логики в технику и строительство.

Логические разработки Н. М. Герсевича, несомненно, способствовали становлению технологической суверенности и независимости нашей страны. Без учёта вклада, сделанного отечественным гидроинженером, картина развития прикладных исследований в сфере математической логики будет неполной. Это и подтверждает содержание настоящей статьи. И именно поэтому исследования Н. М. Герсевича имеют непреходящее значение для российской науки.

Статья поступила в редакцию 29.08.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков Б. В., Кузичева З. А. Из истории приложений логики: о работе Герсевича «Применение математической логики к расчёту устойчивости сооружений» // Современная логика: материалы X научной конференции, г. Санкт-Петербург, 26–28 июня 2008 г. / под ред. В. И. Кобзаря. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. С. 194–196.
2. Блехман И. И., Мышкис А. Д., Гановко Я. Г. Механика и прикладная математика: Логика и особенности приложения математики. М.: Наука, 1990. 360 с.
3. Герсевич Н. М. Применение математической логики к расчёту сооружений // Герсевич Н. М. Собрание сочинений. Т. 1. Свайные основания и расчёт фундаментов сооружений. М.: Стройвоенмориздат, 1948. С. 123–204.

4. Герсеванов Н. М. Собрание сочинений. Т. 1. Свайные основания и расчёт фундаментов сооружений. М.: Стройвоенмориздат, 1948. 270 с.
5. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Homo digital – субъект цифровой революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 120–129.
6. Ивлев Ю. В. Логика. М.: Проспект, 2023. 304 с.
7. Лазарева Н. В., Зиновьев А. Ю., Опарина Л. А. Техническое оснащение информатизации строительно-технической экспертизы // Промышленное и гражданское строительство. 2023. № 6. С. 52–57.
8. Левин В. И. Б. В. Бирюков, философ и историк науки. К 100-летию со дня рождения // Ректор вуза. 2022. № 12. С. 50–56.
9. Левин В. И. История открытия логического моделирования дискретных систем // Современная логика. Проблемы теории, истории и применения в науке. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. С. 437–439.
10. Леонтьева В. А. Технология «умный дом», принципы работы и её преимущества // Перспективы современного строительства: статьи участников научно-технической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2023. С. 445–453.
11. Магина А. И. По итогам социологического опроса: социальные сети и социализация молодёжи // Экономика и предпринимательство. 2023. № 10 (159). С. 40–44. DOI: 10.34925/EIP.2023.159.10.004
12. Поповская А. П. Как нейросети оптимизируют подход проектирования интерфейсов // Интернаука. 2024. № 17 (334). С. 27–29.
13. Прядко И. П. Логические приёмы в строительных расчётах: опыт Н. М. Герсеванова // Промышленное и гражданское строительство. 2019. № 10. С. 60–64.
14. Софронов Ю. В., Иванова С. П., Петров В. Н. 60 лет в постоянном поиске нового // Проблемы и перспективы развития энергетики, электротехники и энергоэффективности: материалы VII Международной конференции, 23–25 ноября 2023 г. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2023. С. 561–569.
15. Стах А. А., Барнякова В. Ю. Использование нейросетей для совершенствования бизнеса // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: материалы международной научно-практической конференции, Омск, 27 апреля 2023 г. Омск, Финансовый университет при правительстве РФ, 2023. С. 370–374.
16. Тамерзян А. Г., Медведев А. Е. Технология искусственного интеллекта в проектировании и расчете зданий // Промышленное и гражданское строительство. 2024. № 7. С. 17–24.
17. Cuturat L. *L'Algbe de la logique*. 2nd ed. Paris: Rue de Medicis, 1906. 108 p.

REFERENCES

1. Biryukov B. V., Kuzicheva Z. A. [From the history of logic applications: on Gersevanov's work "Application of mathematical logic to the calculation of the stability of structures"]. In: *Sovremennaya logika: materialy X nauchnoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 26–28 iyunya 2008 g.* [Modern logic: materials of the 10th scientific conference, St. Petersburg, June 26–28, 2008]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2008, pp. 194–196.
2. Blekhman I. I., Myshkis A. D., Ganovko Ya. G. *Mekhanika i prikladnaya matematika: Logika i osobennosti prilozheniya matematiki* [Mechanics and applied mathematics: Logic and features of the application of mathematics]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 360 p.
3. Gersevanov N. M. [Application of mathematical logic to the calculation of structures]. In: Gersevanov N. M. *Sobranie sochinenij. T. 1. Svajnye osnovaniya i raschyot fundamentov sooruzhenij* [Collected Works. Vol. 1. Pile foundations and calculation of foundations of structures]. Moscow, Strojvoenmorizdat Publ., 1948, pp. 123–204.
4. Gersevanov N. M. *Sobranie sochinenij. T. 1. Svajnye osnovaniya i raschyot fundamentov sooruzhenij* [Collected Works. Vol. 1. Pile Foundations and Calculation of Foundations of Structures]. Moscow, Strojvoenmorizdat Publ., 1948. 270 p.
5. Guryanova A. V. Timofeev A. V. [Homo digital – subject of digital revolution]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2023, no. 2, pp. 120–129.
6. Ivlev Yu. V. *Logika* [Logics]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 304 p.

7. Lazareva N. V., Zinov'ev A. Yu., Oparina L. A. [Technical equipment for informatization of construction and technical expertise]. In: *Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo* [Industrial and civil engineering], 2023, no. 6, pp. 52–57.
8. Levin V. I. [Biryukov, philosopher and historian of science. On the 100th anniversary of his birth]. In: *Rektor vuza* [Rector of the University], 2022, no. 12, pp. 50–56.
9. Levin V. I. [History of the discovery of logical modeling of discrete systems]. In: *Sovremennaya logika. Problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke* [Modern logic. Problems of theory, history and application in science]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008, pp. 437–439.
10. Leontieva V. A. [Smart home technology, principles of operation and its advantages]. In: *Perspektivy sovremennogo stroitel'stva: stat'i uchastnikov nauchno-tehnicheskoy konferencii* [Prospects of modern construction: articles by participants in the scientific and technical conference]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2023, pp. 445–453.
11. Magina A. I. [Based on the results of a sociological survey: social networks and youth socialization]. In: *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2023, no. 10 (159), pp. 40–44. DOI 10.34925/EIP.2023.159.10.004
12. Popovskaya A. P. [How neural networks optimize the interface design approach]. In: *Internauka* [Internauka], 2024, no. 17 (334), pp. 27–29.
13. Pryadko I. P. [Logical techniques in construction calculations: N. M. Gersevanov's experience]. In: *Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo* [Industrial and civil engineering], 2019, no. 10, pp. 60–64.
14. Sofronov Yu. V., Ivanova S. P., Petrov V. N. [60 years in constant search of the new]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya energetiki, elektrotehniki i energoeffektivnosti: materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii, 23–25 noyabrya 2023 g.* [Problems and prospects for the development of energy, electrical engineering and energy efficiency: materials of the VII International Conference, November 23–25, 2023]. Cheboksary, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, 2023, pp. 561–569.
15. Stakh A. A., Barnyakova V. Yu. [Using neural networks to improve business]. In: *Potencial rossijskoj ekonomiki i innovacionnye puti ego realizacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Omsk, 27 aprelya 2023 g.* [Potential of the Russian economy and innovative ways to implement it: materials of the international scientific and practical conference, Omsk, April 27, 2023]. Omsk, Financial University under the Government of the Russian Federation Publ., 2023, pp. 370–374.
16. Tamerzyan A. G., Medvedev A. E. [Artificial intelligence technology in the design and calculation of buildings]. In: *Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo* [Industrial and civil engineering], 2024, no. 7, pp. 17–24.
17. Cuturat L. *L'Algre de la logique*. Paris, Rue de Medicis, 1906. 108 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович – кандидат культурологии, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и технологий Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;

e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor P. Pryadko – Cand. Sci. (Culturology), Prof., Department of Social Sciences, Humanities and Technologies, Moscow State University of Civil Engineering;

e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прядко И. П. Применение математической логики в технике и строительстве: отечественный опыт XX века // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 51–59.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-51-59

FOR CITATION

Pryadko I. P. Using Mathematical Logic in Engineering and Construction: Domestic Experience of the 20th Century. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 51–59.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-51-59

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 298

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-60-72

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Афанасьева М. А.

Ивановский государственный университет

153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучение новых религиозных движений (НРД) восточного, западного и российского происхождения и их сравнительный анализ.

Процедура и методы. Аналитический метод применяется для исследования особенностей НРД, их структуры и принципов учения. Компаративистский метод используется для сравнения НРД восточного, западного и российского происхождения, основным критерием деления которых является социально-географический признак. Данные методы позволяют проанализировать особенности таких учений, как бахаизм, нью эйдж, саентология и агни-йога. А также на основе компаративистского анализа показано, как данные НРД отражают специфику восточного, западного, российского мышления несмотря на тенденции всеобщей глобализации и унификации культуры, менталитета, мировоззрения.

Результаты. Автор выделяет три основных типа НРД – восточного, западного и российского происхождения. Все типы имеют общие черты, такие как синкретичность, эклектичность, нацеленность на индивидуальное самосовершенствование и духовный рост. Однако, восточный тип нацелен на единение традиционных религий, западный тип, наоборот, бросает вызов традиционному религиозному сознанию, российский же тип представляет собой срединный путь развития НРД.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в понимании связей НРД и их происхождения, их влияния на сознание человека и общество. Практическая значимость состоит в том, что на основе исследования предложены шаги по изменению отношения общества и государства к НРД с целью избежать, с одной стороны, экстремизма, с другой – излишнего контроля.

Ключевые слова: агни-йога, бахаизм, глобализация, новые религиозные движения (НРД), нью-эйдж, религия, саентология

NEW RELIGIOUS MOVEMENTS: A COMPARATIVE ANALYSIS

M. Afanasieva

Ivanovo State University

ul. Ermaka 39, Ivanovo 153025, Ivanovo Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To study new religious movements and their comparative analysis.

© CC BY Афанасьева М. А., 2024.

Methodology. The analytical method is used to study the characteristics of new religious movements (NRM), their structure and principles of teaching. The comparative method is used to compare NRM of Eastern, Western and Russian origin, the main criterion for their dividing is a social-geographical feature. These methods allow us to analyze the features of such teachings as Baha'i, New Age, Scientology and Agni Yoga. And also on the basis of comparative analysis, to show how NRM data reflect the specifics of Eastern, Western, and Russian thinking despite the trends of universal globalization and unification of culture, mentality, and worldview.

Results. The author identifies three main types of NRM – of Eastern, Western and Russian origin. All types have common features such as syncretism, eclecticism, focus on individual self-improvement and spiritual growth. However, the eastern type is aimed at uniting traditional religions, the Western type, on the contrary, challenges traditional religious consciousness, while the Russian type represents the middle path of development of NRM.

Research implications. The theoretical significance of the article is in forming understanding of the connections of NRM and their origin, their impact on human consciousness and society. The practical significance lies in the fact that, based on the study, practical steps are proposed in relation to society and the state towards NRM to avoid, on the one hand, extremism, on the other, excessive control.

Keywords: Agni Yoga, Bahaism, Globalization, New Religious Movements (NRM), New Age, Religion, Scientology

Введение

Формирование и возобновление новых религиозных движений являются особенно актуальным процессом настоящего времени в виду динамически развивающихся глобальных тенденций и множества социальных трансформаций. Необходимо отметить, что актуализация нетрадиционных верований, особенно с ярким уклоном в эзотеризм и магию, является следствием кризисных мировых ситуаций. Если ранее примером таких ситуаций могли послужить войны и революции, то сейчас данные обстоятельства могут выражаться в таких процессах и явлениях, как глобализация, цифровизация, мультикультурализм, мировоззренческий плюрализм и т.д. Особенно важным является факт необратимости вышеперечисленных процессов, в отличие от войн и революций, после которых традиционное религиозное сознание имело возможность восстановить свой статус. Нынешнее время может характеризоваться постмодернистским термином «эффект бабочки», когда любое незначительное явление необратимо влияет на будущее. Поэтому новые религиозные движения (далее НРД), активно развивающиеся во всём мире, оказывают существенное воздействие как на особенности

сознания современного человека, так и на внешние формы организации социальной жизни. Соответственно, цель данной работы определяется исследованием различных типов НРД и их сравнительным анализом.

М. Ю. Смирнов приводит следующее определение новым религиозным движениям. «Новые религиозные движения – совокупность разных по учениям и устройству религиозных объединений, которые образовались и действуют вне исторически сложившихся мировых и национальных религий преимущественно с середины XX в. по настоящее время»¹. Е. В. Фомин выделяет множество отличительных признаков НРД, среди которых – наличие харизматического лидера, социальный и/или культурный изоляционизм, наличие неканонических религиозных текстов, синкретизм вероучения, отрицание генетической связи с конфессией, недолгий срок существования и т. д. [17, с. 145–146]. Представляется, что данные критерии актуальны всё же не для всех существующих движений. Существует мнение, что НРД в

¹ Смирнов М. Ю. Новые религиозные движения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h4kX-hGuLZE&t=14s> (дата обращения: 07.04.2023).

большинстве своём формировались ввиду протеста против традиционных религий. Однако, как уточняет Е. С. Данилова, есть немало движений, не расходящихся с традиционными религиозными концептами: «С другой стороны, новые религиозные движения могут включать в себя различные конструкции религиозного и нерелигиозного, т. е. не всегда можно наблюдать очевидное различие между новым религиозным движением и традиционной религией» [8, с. 119]. Особой популярностью НРД пользовались в тех обществах, где традиционные религии находились в кризисном положении. Существует немалое количество делений НРД на специфические виды и типы. Например, С. З. Ахмадулина даёт следующую классификацию: нетрадиционные религии (трансформирующие доктрины мировых религий), неонациональные, неоязыческие, наукообразные, оккультные [4]. И. В. Колосова перечисляет типы НРД, среди которых: НРД на основе восточных культов, на основе христианского учения, нетрадиционные течения ислама, на основе теории палеоконтакта, новые религиозные организации универсальной эзотерической направленности на основе идеологии «Нью-эйдж», искусственные конструкции неоязычества [11]. Перечисленные классификации используют содержание как главный принцип деления НРД. Мы предлагаем пойти путём географически-цивилизационного деления, т. е. выделить НРД восточного, западного и российского происхождения, проанализировать их особенности, выделить общие черты и отличия, попытаться понять их причины.

Исходя из данных положений, к восточному типу отнесём бахаизм, к западному – движение Нью-эйдж, к российскому – агни-йогу. Данная классификация обусловлена тем, что бахаизм, как и многие НРД восточного происхождения, наиболее ярко отражает свойственные восточному сознанию религиозно-философский синкретизм и опору на традиции. Нью-эйдж является наиболее удачным примером западного типа НРД ввиду своей широкой популярности (которая постепенно сходит на нет,

но давно разворачивается в новых ответвлениях данного движения), оказавшей в своё время огромное влияние на западный менталитет и культуру в целом. Новизна исследования заключается в нестандартной классификации НРД, служащей отражением менталитета и социального характера обществ разного территориального расположения. Данная классификация и компаративистский анализ выделенных типов НРД позволят иначе взглянуть на мотивацию и цели данных движений, проследить их связи с восточным и западным сознанием, рассмотреть влияние данных НРД на развитие общества.

Бахаизм как восточный тип НРД

Глобальное религиозное сознание в настоящее время в его социальном выражении отражается в новых религиозных направлениях, одним из которых является бахаизм или религия Бахаи. Данное религиозное движение является новым религиозным направлением восточного типа. Это относительно новое учение, возникшее в XIX в., имеющее свои священные писания [1]. Бахаулла является основателем данной религии и считается одним из таких божественных аватаров, как Кришна, Будда, Заратустра, Иисус, Мухаммед и др. Ключевой принцип бахаизма – признание единого начала всех существующих религий и утверждение их синтеза. Данный аспект в своей книге «Роза Мира» затрагивал Д. Л. Андреев, говоря о единой мировой религии. Бахаизм как самостоятельное религиозное движение появился в XIX в. в Иране на основе ислама, но был на некоторое время подавлен властями, в скором распространившись по всему миру. По оценкам ООН, к концу XX в. во всём мире насчитывалось около пяти миллионов последователей религии Бахаи.

В XIX–XX вв. на Западе происходит распространение различных школ восточной философии (йоги, санкхьи, веданты), буддизма, даосизма. Данные философско-религиозные учения приобретают глобальные черты и претендуют на форму

религиозного синтеза. Однако данные учения не могут претендовать на возможность полноценного принятия, т. к. встречают противостояние со стороны ортодоксальных религий. Нужно сказать также, что среди разнообразных новых религиозных движений встречаются фундаменталистские и экстремистские секты (чаще всего на основе ответвлений традиционных религий), в связи с чем религиозный фактор становится существенным для национальной и глобальной безопасности [9]. В связи с этим бахаизм выглядит более умеренным и ортодоксальным учением и движением, способным объединить более широкие массы верующих. С другой стороны, бахаизм представляет и модель глобального экономического, социального и политического развития, хотя и сочетающего в себе элементы утопизма – такие, как свободное принятие всеми людьми идей бахаизма, что представляется не только спорным, но и почти невозможным. Бахаизм утверждает единство человечества как федерацию государств, однако для поддержания порядка предлагается и создание Мирового Правительства¹, что чревато установлением диктатуры в планетарном масштабе. Такая противоречивость отмечается как особенность утопических конструкций [5]. Но собственно религиозные аспекты бахаизма выявляются вполне рациональными и возможными для широкого распространения.

Принцип религиозной толерантности является одной из ключевых черт бахаизма: «Почему бы сторонникам одной религии не воздать должное почтение основателям или духовным учителям другой?» [1, с. 50]. Среди функций религиозных институтов, помимо интерпретации священных писаний и культивирования религиозных учений, – контроль и стабилизация многих социальных процессов. Религиозные институты, помимо мировоззренческой и духовной функций, также участвуют в со-

циальном конфессиональном служении. Поэтому бахаизм отстаивает такие положения, как: устранение крайних форм бедности и богатства, отказ от фанатизма, азартных игр, алкоголя и наркотиков, равноправие мужчин и женщин. Данные положения были провозглашены Абдул-Бахой в 1912 г. и сформированы в двенадцать этических принципов религии Бахаи. Необходимо отметить, что бахаизм в своём материальном проявлении представляет глобальный религиозный институт, что уже выражается в целостной функционирующей системе, которая формирует и поддерживает социальную целостность на локальном и глобальном уровнях.

С опорой на модель двойственной структуры глобального религиозного сознания [3], представляющую два перпендикулярных друг другу энергетически-информационных потока, необходимо отметить, что бахаизм также включает помимо горизонтального (материального) и вертикальный аспект религиозных процессов. Межрелигиозные отношения в вертикальной составляющей глобального религиозного сознания проявляют черты психодуховной динамики в развитии индивидуального сознания. Так, все религиозные учения с их духовными практиками ставят общей целью формирование целостного индивидуального сознания. Данный процесс показывает соединение трёх состояний сознания – бодрствующее, сновидческое и глубокий сон. Достижение подобного состояния присуще в явном или завуалированном виде всем религиям и является как проблемой (в основном в различии трактовок), разводящей религиозные учения в разные стороны, так и решением, объясняющим общую цель всех религиозных учений. В философии, теософии и различных эзотерических направлениях существует немало интерпретаций подобных духовных практик, показывающих их схожесть в достижении цели. В виду этого бахаизм можно назвать одной из первых религий, показывающей единство религиозных практик, ранее остающееся на уровне философии и теософии.

¹ Эссемонт Дж. Э. Бахаулла и Новая Эра [Электронный ресурс]. URL: http://www.bahaiarc.narod.ru/books/New_Era.htm#_Toc47210214 (дата обращения: 07.04.2023).

Он включает весь спектр духовных практик всех мировых религий, и формирует единое духовное учение, имеющее цель совершенствования индивидуального сознания. Поэтому очевидным становится утверждение о существовании единого духовного знания. Нужно подчеркнуть, что отделение духовности от религиозности несёт довольно существенный смысл: религиозность предполагает следование догмам, выполнение обычаев и обрядов, выведение религиозного знания на поверхность, редуцируя его и облачая в бессознательное соблюдение традиций, утрачивающих своё первоначальное значение. Духовность в религиозном сознании можно понимать как широкую веру в бога, которая также предполагает веру во все божественные производные – веру в себя, в свою родину, в граждан своего государства, во всех людей в планетарном масштабе, в природу и т. д. Такая глубинная вера является не просто безличным созерцанием, но и активным внутренним механизмом, побуждающим к благим действиям, источником которых является чувство планетарной общности, а также духовным стержнем, контролирующим собственные действия и мысли. О такой «религии без религиозности» и о новом религиозном духе упоминал в своих работах Э. Фромм, возводя религиозное сознание в основной инструмент построения нового общества. Данное утверждение отражает один из главных принципов бахаизма.

В настоящее время вместе с процессами глобализации и соприкосновения западных и восточных культурных и духовных ценностей наблюдается рост и укрепление новых религиозных течений, одним из которых на мировой религиозной сцене выступает бахаизм, который несмотря на выявленные ограничения в данном процессе фигурирует как репрезентация соединения ортодоксальных религий и новых религиозных идей, как форма религии, показывающая некоторые возможные пути синтеза религиозных учений.

НРД западного типа: нью эйдж и саентология

Другим ярким примером новых религиозных движений является популярное религиозное направление, известное как Нью эйдж, представляющее собой совокупность самых разных синкретических, мистических и оккультных движений, практик, учений, методов духовного развития. Данное направление отличается от многих других синкретических религиозных течений, т. к. не имеет в своей структуре синтеза различных учений традиционных религий (в отличие от того же бахаизма), а является, скорее, квинтэссенцией современного западного эзотеризма в самых разнообразных его формах. Помимо западного эзотеризма, нью эйдж включает принципы и ценности восточных религий, не пренебрегает научными методами познания человека и окружающей реальности, новейшими технологиями работ с психикой, человеческим сознанием. Отсюда многие исследователи видят связь нью эйдж и трансгуманизма: «Трансгуманисты же, по сути, одобряют (что уже активно и осуществляется) создание массовой оккультной церкви, не случайно их психоделические шоу, кинопродукция и музыкальные произведения так созвучны религиозным программам и тренингам лидеров Нового века (где представлены целители, экстрасенсы, маги, контактеры, сатанисты, теософы всех мастей)» [12, с. 62]. Интересную интерпретацию данного движения даёт Ю. А. Бирюкова: «Что же такое “нью эйдж”? Мы бы ответили на этот вопрос так – это новый тип организации индивидуальной религиозности, некий принцип, которому соответствует индивидуализация и плюралистичность» [6, с. 34]. Термин «нью эйдж» был предложен Алисой Бейли, являвшейся в своё время последовательницей Е. П. Блаватской, одной из центральных фигур теософского общества. Данный термин в её понимании означал «эпохальный скачок» в развитии всего человечества.

Культуру и мировоззрение нью эйдж можно объяснить многими социальными процессами и изменениями в сознании человека, произошедшими за последние десятилетия и продолжающими быть актуальными. Среди них можно выделить кризис западной рациональности, долгое время доминировавший в европейском сознании. Активное развитие науки и технологий на Западе длительное время формировало определённый тип мышления, в который плохо вписывались различные духовные концепции, связанные с мистикой, магией, эзотеризмом, восточными религиозными мотивами в понимании своей сущности и миссии в жизни. Появление вышеописанных концепций являлось неким глотком воздуха, способствующим обновлению старого мышления, расширению взгляда на мир и мотивации к жизни. Вера в высшие миры, духовных наставников, в собственные миссии на земле послужили толчком и к активному развитию искусства и расширению его жанров, созданию большого количества около психологической и около философской литературы и в целом оказали большое мотивационное влияние на развитие общества более духовного и осмысленного типа. Причём, несмотря на некоторый кризис рациональности, НРД западного типа часто присущ наукообразный стиль изложения духовных учений, что создаёт комфортный интерфейс для восприятия [18]. Но огромное изобилие эзотерических направлений вкупе с привычным обыденным мышлением рационального характера и старыми религиозными традициями (обычно христианскими) не всегда складывалось в успешно функционирующую систему мышления. Данный постмодернистский мировоззренческий плюрализм иногда провоцировал свои кризисы, в случае которых люди примыкали к деструктивным сектам, объясняющим устройство мира более однозначным и понятным образом, предлагая уже сформированный взгляд на жизнь, не предполагающий трудных духовных поисков и трансформаций. В этой же среде усиливались и традиционные религиозные ценности, развивались десе-

кулярные процессы как ответ на глобальные вызовы новых религиозных движений. Удачный архетип человека, в сознании которого рождается вышеописанный образ мышления (который на данный момент может являться в принципе образом мышления любого современного человека), исследуют В. Ю. Лебедев, А. В. Федотов: «На наших глазах формируется целый социо-религиозный тип, который можно описать как “даму с высшим образованием, мечущуюся между чистой чакр и христианским храмом, попутно определяющей с помощью рамки место с хорошей энергетикой”. Попытка создать нечто вроде апологетики такого метания приводит к углублению конфликта как с рациональностью научной, так и рациональностью богословской» [14, с. 36]. Действительно, синтез науки, религии и философии, предлагаемый культурой нью эйдж, не всегда и не у всех формировал целостную картину мира, во многих случаях это были обрывки из учений разной направленности, что усиливало и без того фрагментарное мышление. Некоторые учёные употребляют термин «лоскутная религиозность» применительно к подобным движениям: «Литература эпохи нью эйдж отражает тенденции формирования и развития лоскутной религиозности: состояния мнимой религиозности, веры, избираемой личностью в целях обслуживания индивидуальных жизненных мифов и структурирующих их желаний» [7, с. 106]. Но, тем не менее, подобный синтез, предлагающийся новыми религиозными движениями, означает большой мировоззренческий скачок человечества, усложнение его мышления, организованности мира с неоднозначностью в его понимании. Можно сказать, что нью эйдж как религиозное движение нового типа олицетворяет духовный аспект эпохи постмодернизма, его взгляд на отношение человека с богом и высшими мирами. Основные качества, которые объединяют нью эйдж и постмодернизм, выделяются в статье В. Ю. Лебедева и А. В. Федорова – эклектичность, полиинтерпретативность, релятивизм в оценке, размывание определений, смешение разных дискурсов [14, с. 36].

НРД западного типа также предполагается отнести к самым либеральным религиозным движениям [20], которым свойственна гетарархическая модель функционирования взамен иерархической, свойственной традиционным религиям.

Потребительское мышление и стремление достичь быстрого успеха в личностном росте также являются причинами выбора некоего нового мировоззрения, которое способно удовлетворить сразу всё – финансовое благополучие, психическое и физическое здоровье, личную жизнь, обретение собственного дела жизни, избавление от одиночества. Об этом снова у Ю. А. Бирюковой: «“ню эйдж” вполне конкурентоспособен в условиях рынка “религиозных услуг” – религия себя и для себя в обществе потребления, безусловно, будет пользоваться спросом» [6, с. 36]. Известно, что термин «рынок религий» возник ввиду тенденций формирования общества потребления, где уже не сами люди приходят в храм за помощью, а религиозные организации предлагают человеку своё объяснение мира и услуги в решении экзистенциальных вопросов. Данное явление касается не только новых религиозных движений, хорошо вписывающихся в современное общество, но и традиционных религий, которые вынуждены бороться за свои ценности и не терять своих единомышленников.

Идеология ню эйдж во многом является и новым словом в политике. По мнению данного движения, существует многообразный спектр общественных сфер, требующих своей трансформации, в стороне не осталась и политическая сфера. Ярким примером является книга М. Сатина «Политика новой эры» [20], в которой в качестве политических программ отвергается как марксизм, так и либерализм и приводятся доводы в пользу признания современного общества ментальной тюрьмой для человечества. Данные мысли аргументируются многоаспектными изменениями в сознании человека и его общественной организации, несущими негативный и деструктивный характер. Среди них – наци-

онализм, бюрократия, вещизм, сциентизм, патриархальные установки, потеря духовных ценностей и вследствие этого глобальное отчуждение от своей духовной природы. В качестве разрешения данных проблем предлагается полная трансформация человеческого сознания, которая должна перекликаться с новыми политическими установками, включающими принцип «планетарного управления», особую этику и мировоззрение [19].

Таким образом, западный эзотеризм, восточные религиозные учения, адаптированные под европейское сознание, смешение рационального и иррационального, магии и научных методов, философии и религии – основные черты, которыми обладает новое религиозное движение ню эйдж. Нужно сказать, что люди, живущие с подобными взглядами на мир, не всегда признают себя представителем данного движения, т. к. используют в качестве своей мировоззренческой позиции гибрид двух-трёх направлений, например, астрологии, психологии и тарологии; теософия, йоги и теории квантовой физики и т. д.

Другим примером новых религиозных движений является известное и популярное на Западе квази-религиозное направление гностического типа – церковь саентологии. Стоит сказать, что существуют сама церковь саентологии и так называемая «Свободная зона» – выделившаяся группа в результате раскола внутри данного движения, которая не признаётся церковью саентологии, но, тем не менее, исповедует данное учение. саентология как одно из самых мистических и в какой-то мере «скандальных» направлений появилось в середине XX в. благодаря американскому писателю Л. Р. Хаббарду. Ввиду своей «сканальности» саентология также является одним из самых цифровизированных движений: «Будучи так называемой религией нового века, саентология становится также одной из “электронных” религий» [2, с. 92]. Данное направление включает адаптированные под западную современность учения индуизма и буддизма, псевдонаучные и около философские

методы личностного роста, раскрытия индивидуальности и обретения определённой миссии в жизни человека. Основные постулаты саентологического движения касаются того, что человек использует свой духовный потенциал не в полную меру, живёт не одну жизнь и может существовать отдельно от своего физического тела. В саентологическом учении существует достаточно большая структурная база, касающаяся как духовного «состава» человека, так и методов его духовного развития. Данное учение раскрывает метод дианетики, который являлся примером психологической методики, призванной снижать негативные эмоции, устранять психосоматические заболевания с помощью влияния разума на тело. Дианетика является живым примером использования ума для лечения тела и психики, данный метод основывается на рациональном начале. Как можно заметить, саентология как концепт, в который входит дианетический метод, является новым религиозным движением, основанным на работе ума. Саентологическое направление хорошо отражает такие западные черты, как индивидуализм, рационализм и научная авторитарность, которые используются даже в такой форме сознания, как религиозная. Данное учение с присущим ему рационализмом и попытками совместить научное мировоззрение с религиозным отражает когнитивно-образовательный уровень религиозного сознания.

Так, саентология как новое религиозное движение имеет свои отличия, которые заключаются в чёткой и более конкретизированной внутренней структуре учения в сравнении с бахаизмом и нью эйдж. Структура саентологии имеет свою иерархию, определённые ступени развития adeптов, собственные методы достижения определённых психических состояний. Саентология – это одно из немногих НРД, имеющих тесную связь с рациональным началом, хоть методы данного направления признаются псевдонаучными.

Агни-йога как НРД российского типа

Россия как поликонфессиональное государство (религиозное пространство) также имеет большое количество НРД разной направленности. Это и различные христианские секты, и неоязычество, и модернизированный шаманизм, и популярные восточные религиозные направления, такие как общество сознания Кришны. Однако в данной работе исследуются именно учения, синтезирующие разные как религиозные, так и философские идеи, поэтому рассмотрим религиозно-философское учение русского происхождения – агни-йогу, или Живую Этику, представляющую собой синкретическое направление, объединяющее западную теософскую традицию и восточный мистицизм. Создателями учения являются известные культурные деятели России Н. К. и Е. И. Рерихи. Все бытие в Агни-йоге состоит из трёх миров – мира плотного или физического, мира тонкого и мира Огненного, ключевым элементом бытия является психическая энергия: «Согласно Живой Этике, психическая энергия создаёт миры и наполняет их энергией сознания» [10, с. 72]. Данная структура является упрощённой, доступной понимания человеком любого уровня сознания. Ключевым моментом учения является осознание в человеке «Духовного Огня», или своей духовной сущности, которая познаётся в дисциплине, медитациях и правильном образе мышления. Существенное значение Рерихи придавали феномену мысли, его силе и, как следствие, экологичности и этичности мышления. Поэтому агни-йога часто нарекается другим именем – Живая Этика. Энергия мысли является одной из главных и утончённых в данном учении, она пронизывает все три вышеперечисленных мира: «Нужно привыкнуть к осознанию, что всё сущее проникнуто мыслью» [15, с. 41]. В данном учении нет организационной иерархии среди последователей, но существует иерархия неких духовных учителей, обитающих в мифической стране Шамбале, которая так же является ключевым элементом

Агни-йоги. Данное движение опирается как на восточные, так и на западные религиозные учения: «Живая Этика использует прецедентные тексты и Востока, и Запада, причём в основном это тексты великих книг – Вед, Махабхараты, Упанишад, Трипитаки, Калачакра-Тантры, Библии» [13, с. 142]. От восточных учений Рерихи и их последователи позаимствовали теорию реинкарнации и йогу, предполагающих осознанное, разумное поведение в земной жизни, непрерывное самосовершенствование, контроль своих действий и мыслей. Путешествия Рерихов в Китай, Монголию и в горы Тибета раскрывают особую связь с буддизмом и традициями Востока. От западного мировоззрения агни-йога взяла множество христианских положений, заповедей, признания Христа как ещё одного божественного Аватара, появившегося после Будды. Пытаясь примирить научное и религиозное мировоззрение, агни-йога возлагает большие надежды на учёных, которые в будущем смогут открыть более тонкие измерения и подкрепят научной базой существование души и Духа человека.

Заключение

Таким образом, представленные выше примеры НРД имеют общие черты, такие как синкретичность, эклектичность, нацеленность на индивидуальное самосовершенствование и духовный рост. Однако бахаизм, являющийся примером НРД восточного происхождения, представляет объединение религиозных учений традиционных религий, попытки формирования универсальной, мировой религии. Смыслом данного НРД являются общие точки соприкосновения существующих религий, поиск общих принципов и идей, общих ценностей, правил и запретов именно традиционных религий, в меньшей мере – отдельных религиозных течений и движений. Нью-эйдж в данном вопросе раскрывается противоположным образом – он в некотором виде противостоит традиционной религиозности, бросает ей вызов в лице принципиально другого подхода к

Богу, высшим мирам, духовному пути человека. Нью-эйдж является НРД западного происхождения, оно зародилось во многом вследствие некоторого кризиса традиционной западной религиозности. Данное НРД объединяет различные эзотерические направления, является комплексом новых подходов к накоплению и использованию человеком так называемых духовных сил. Саентология же является примером НРД, зародившимся на Западе и имеющим своё собственное разработанное учение (хоть и построенное на некоторых идеях из различных религий). Саентология представляет религиозное движение наукообразного типа, где прослеживается наиболее тесная связь рационального и мистического, для достижения личных целей используются ум и его возможности. Учение Агни-Йоги или Рериховское движение также пытается объединить научное и религиозное мировоззрение, нужно сказать, что это свойственно многим НРД, так же как синтез восточных и западных духовных учений. агни-йога отличается своей свободной социальной организацией – человеку, идущему по данному духовному пути, не обязательно участвовать в религиозных ритуалах, коллективных собраниях, придерживаться строгих принципов каких-либо учений. Его задача состоит во внедрении принципов Агни-Йоги в свою повседневную жизнь без какой-либо идеи «избранности». Стоит заметить, что НРД восточного типа поддерживают связь с учениями традиционных религий, беря их за основу, обладают свойствами коллективного мышления. НРД западного происхождения в данном смысле более либеральны, индивидуализированы, нацелены на личность, а не на массы, хоть и чтят общинный характер своих направлений. Самым ярким образом это проявляется в учении саентологии, где улавливаются фрагменты «избранности» своих адептов, их отличие от основной массы общества. НРД российского происхождения, в частности агни-йога, принимают срединную позицию – не отрицая и не сопротивляясь традиционным религиям, Живая Этика всё

же расширяет границы понимания бога и Высших миров – происходит детализация «сверхъестественного». Агни-йога синтезирует восточные и западные подходы к божественному и духовному, одновременно внося свой уникальный вклад в глобальное религиозное сознание – активное изучение, накопление, использование психической энергии в повседневной жизни.

С точки зрения системного подхода можно проанализировать выделенные НРД следующим образом. Концепт вышеперечисленных НРД имеет восточное происхождение и базируется на таких принципах, как достижение нирваны (самадхи), духовное продвижение, расширение сознания, личное понимание бога и своей индивидуальности. Данные принципы присущи многим популярным НРД. Структура и субстрат данных НРД имеют западное происхождение: субстратом являются духовно продвинутые люди, структурой – их социальная организация. Так происходит ассимиляция восточных и западных религиозных и духовных ценностей.

Существование подобных типов НРД, очевидно, отражает реалии настоящего времени, отвечая потребностям современного человека. Спрос общества на быстрый духовный рост, лёгкое решение экзистенциальных проблем, желание идентифицировать себя с группой «избранных», приобретение социального благополучия, устранение физических и психических проблем и болезней – всё это является актуальными проблемами существующего общества, в котором всё больше возрастает степень профессиональной, социальной, и, с недавнего времени, духовной конкуренции между людьми. Разочарованность в традиционных религиозных учениях, кризис рациональности, протест против научного авторитаризма и механистичного взгляда на мир, глобальное одиночество и желание быть частью большого «дела» – всё это является основными причинами возникновения и развития популярности новых религиозных движений. Новые религиозные движения могут означать выражение потребности выхода сознания на новый

уровень развития. Процессы формирования глобального сознания подразумевают и более сильное индивидуальное сознание, его духовное развитие. Новые религиозные движения в данном смысле дают, по крайней мере, частично, способы усиления и развития индивидуального сознания.

Таким образом, данный анализ подразумевает функционирование выделенных НРД в разной степени проявления и в разных траекториях развития. Задача государства, в котором существуют данные НРД, – вести сбалансированную политику в связи с такими религиозными направлениями. С одной стороны, особенно в настоящий исторический период, велика вероятность ограничения свобод существующих НРД с дальнейшей целью их окончательной «отмены» на территории государства ввиду формирования патриотической позиции и возрождения национальных ценностей. Данные действия могут вызвать обратный эффект, т. к. подобные движения являются зеркалом свободы вероисповедания и правом на собственное мировоззрение, гарантирующими более-менее стабильную социально-политическую ситуацию. С другой стороны, пристальный контроль так или иначе необходим ввиду быстрого распространения материалов и призывов экстремисткой направленности, как это было замечено, например, с запрещённой на территории РФ организацией «Свидетели Иеговы». Ввиду данного вопроса В. Б. Романовская и Б. А. Иммаева выделяют в своей работе множество критериев, определяющие социальную опасность НРД, среди которых: наличие обязательного материального вклада, разрыв с близкими родственниками, тотальный контроль за личной жизнью, обожествление руководителя, асоциальность, радикальное решение проблем, тревожность, страх как типичное состояние и др. [16, с. 213]. Представляется необходимым разрабатывать и совершенствовать подобные критерии, указывающие на деструктивность НРД, ввиду осуществления психологической и социальной безопасности граждан.

Формирование новых религиозных движений является планетарной тенденцией, трансформирует национальные и региональные религиозные сознания, достаточно сильно влияет на национальные и региональные сознания в целом. Исследование этих процессов выступает важной задачей

для понимания трансформаций религиозного сознания, а также для выработки правильной национальной политики на религиозном направлении.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдул-Баха. Мысль мира / пер. Т. Родионовой. М.: Наука, 1992. 118 с.
2. Аношко С. А. Новые религиозные движения в интернете: церковь саентологии онлайн в конце XX века // Феномен новых религий в ситуации религиозного плюрализма и религиозной конкуренции: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 мая 2019 г. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2019. С. 89–93.
3. Афанасьева М. А. Структура глобального религиозного сознания // Научное наследие и развитие идей К. Э. Циолковского: материалы 54-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского, Калуга, 17–19 сентября 2019 г. Т. 1. Калуга: Политоп, 2019. С. 173–176.
4. Ахмадулина С. З. Типология новых религиозных движений: социокультурные основания классификации // Вестник Бурятского государственного университета. 2021. № 1. С. 57–63.
5. Бакаева Ж. Ю., Степанов А. Г., Матвеева О. Л. Константы утопического как основания мифологемы картины социально-исторической реальности // Манускрипт. 2019. № 6. С. 95–98.
6. Бирюкова А. Ю. Особенности структуры феномена «Движения нью эйдж» // Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 15. С. 33–36.
7. Брайцева С. В., Арпентьева М. Р. Литература эпохи Нью эйдж и «лоскутная религиозность» // Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 18–20 сентября 2018 г. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2018. С. 105–110.
8. Данилова Е. С. Новые религиозные движения через призму антропологии // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2022. № 1 (12). С. 116–120.
9. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86). Ч. 4. С. 66–71.
10. Жульков М. В. Живая Этика о психической энергии и образовании // Ноосферные исследования. 2021. № 1. С. 70–79.
11. Колосова И. В. Новые религиозные движения в России и СНГ // Обозреватель. 2016. № 1. С. 19–35.
12. Кулаков К. Ю. Угроза трансгуманизма в парадигме Нью-эйдж // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2023. № 1. С. 58–64.
13. Лавренова О. А. Прецедентные тексты в философской системе Живой Этики: культурологические аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 5. С. 140–146.
14. Лебедев В. Ю., Федотов А. В. Культура Нью эйдж в контексте научной рациональности и теологической религиозности // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2014. № 3. С. 27–48.
15. Рерих Н. К. агни-йога. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 285 с.
16. Романовская В. Б., Имаева Б. А. Определение критериев деструктивности в деятельности новых религиозных движений (теоретико-правовой аспект) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 4. С. 209–215.
17. Фомин Е. В. Новые религиозные движения как форма религиозной организации: история изучения, дефиниции, признаки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 2 (66). С. 141–147.
18. Fogarty R. S. Religious Inventions in America: New Religious Movements // OAH Magazine of History.

2008. Vol. 22. Iss. 1. P. 19–23.

19. Rochford E. B., Jr. Prophets and Protons: New Religious Movements and Science in Late Twentieth-Century America // *Sociology of Religion*. 2011. Vol. 72. Iss. 4. P. 493–494.
20. Satin M. *New Age Politics: Healing Self and Society*. New York: Dell, 1979. 349 p.

REFERENCES

1. Abdu'l-Bahá. *Thoughts* (Rus. ed.: Rodionova T. transl. Mysl' mira. Moscow, Nauka Publ., 1992. 118 p.).
2. Anoshko S. A. [New religious movements on the Internet: the Church of Scientology online at the end of the 20th century]. In: *Fenomen novykh religij v situacii religioznogo plyuralizma i religioznoj konkurencii: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17 maya 2019 g.* [The phenomenon of new religions in a situation of religious pluralism and religious competition: materials of the International scientific and practical conference, St. Petersburg, May 17, 2019]. St. Petersburg, Leningrad State University named after A. S. Pushkin Publ., 2019, pp. 89–93.
3. Afanasieva M. A. [The structure of global religious consciousness]. In: *Nauchnoe nasledie i razvitie idej K. E. Ciolkovskogo: materialy 54-h Nauchnyh chtenij pamyati K. E. Ciolkovskogo, Kaluga, 17–19 sentyabrya 2019 g. T. 1* [Scientific heritage and development of the ideas of K. E. Tsiolkovsky: materials of the 54th Scientific Readings in memory of K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, September 17–19, 2019. Vol. 1]. Kaluga, Politop Publ., 2019, pp. 173–176.
4. Akhmadulina S. Z. [Typology of new religious movements: sociocultural grounds for classification]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 2021, no. 1, pp. 57–63.
5. Bakaeva Zh. Yu., Stepanov A. G., Matveeva O. L. [Constants of the utopian as foundations of mythologeme of socio-historical reality picture]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2019, no. 6, pp. 95–98.
6. Biryukova A. Yu. [Features of the structure of the phenomenon of the “New Age Movement”]. In: *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural Sciences and Humanities], 2017, no. 15, pp. 33–36.
7. Braitceva S. V., Arpentieva M. R. [Literature of the New Age era and “patchwork religiosity”]. In: *Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodyozhi. Cifrovaya epoha: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Magnitogorsk, 18–20 sentyabrya 2018 g.* [World literature through the eyes of modern youth. Digital era: collection of materials of the IV International scientific and practical conference, Magnitogorsk, September 18–20, 2018]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2018, pp. 105–110.
8. Danilova E. S. [New religious movements through the prism of anthropology]. In: *Vestnik Omskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 2022, no. 1 (12), pp. 116–120.
9. Zhukov A. V. [Religious Security as a Subject of Scientific Discourse in Post-Soviet Russia]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theory and Practice Issues], 2017, no. 12 (86), pt. 4, pp. 66–71.
10. Zhulkov M. V. [Living Ethics about Psychic Energy and Education]. In: *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies], 2021, no. 1, pp. 70–79.
11. Kolosova I. V. [New Religious Movements in Russia and the CIS]. In: *Obozrevatel'* [Observer], 2016, no. 1, pp. 19–35.
12. Kulakov K. Yu. [The Threat of Transhumanism in the Paradigm of the New Age]. In: *Teologicheskij vestnik Smolenskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii* [Theological Bulletin of Smolensk Orthodox Theological Seminary], 2023, no. 1, pp. 58–64.
13. Lavrenova O. A. [Precedent texts in the philosophical system of Living Ethics: the cultural studies aspects]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2022, no. 5, pp. 140–146.
14. Lebedev V. Yu., Fedotov A. V. [New Age culture in the context of scientific rationality and theological religiosity]. In: *Religiya. Cerkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikacii po teologii i religii* [Religion. Church. Society. Research and publications on theology and religion], 2014, no. 3, pp. 27–48.
15. Roerich N. K. *Agni-Yoga* [Agni-Yoga]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2015. 285 p.
16. Romanovskaya V. B., Immaeva B. A. [Definition of criteria of destructiveness in the activities of new religious movements (theoretical and legal aspect)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2020, no. 4, pp. 209–215.

17. Fomin E. V. [New religious movements as a form of religious organization: history of research, definitions, features]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2022, no. 2 (66), pp. 141–147.
18. Fogarty R. S. Religious Inventions in America: New Religious Movements. In: *OAH Magazine of History*, 2008, vol. 22, iss. 1, pp. 19–23.
19. Rochford E. B., Jr. Prophets and Protons: New Religious Movements and Science in Late Twentieth-Century America. In: *Sociology of Religion*, 2011, vol. 72, iss. 4, pp. 493–494.
20. Satin M. *New Age Politics: Healing Self and Society*. New York, Dell Publ., 1979. 349 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афанасьева Мария Анатольевна – аспирант кафедры философии Ивановского государственного университета;
e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Afanasyeva – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Ivanov State University;
e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Афанасьева М. А. Новые религиозные движения: компаративистский анализ // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 60–72.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-60-72

FOR CITATION

Afanasyeva A. A. New Religious Movements: A Comparative Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 60–72.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-60-72

УДК 172.15:124.42

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-73-78

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ МАТЕРИ, ОТЦА И СЕМЬИ КАК ФУНДАМЕНТ ФЕНОМЕНА ПАТРИОТИЗМА

Баталин Р. А.*Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова**284626, Донецкая Народная Республика, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть образы матери, отца и семьи как неотъемлемые составляющие синкретического дуального образа Родины / Отечества.

Процедуры и методы. Для исследования данной проблемы были использованы общенаучные и частнонаучные методы – дедукция и индукция, анализ, синтез, обобщение, философско-исторический анализ, герменевтический метод.

Результаты. В работе актуализирована идея значимости базовых образов-архетипов *матери, отца и семьи* для развития феномена патриотизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования доказывают, что патриотизм является сложным культурно-историческим феноменом, развитие которого началось в доисторические времена и продолжается до сих пор. При этом архетипические образы, лежащие в его основе, не только не теряют своего значения, а, напротив, усиливают его.

Ключевые слова: государство, малая родина, образ матери, образ отца, образ семьи, Отечество, Отчизна, патриотизм, род, Родина, Родина-мать, сын отчества

ARCHETYPAL IMAGES OF MOTHER, FATHER AND FAMILY AS THE FOUNDATION OF THE PHENOMENON OF PATRIOTISM

R. Batalin*Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov**ul. Rudakova 25, Gorlovka 284626, Donetsk People's Republic, Russian Federation*

Abstract

Aim. Consider the images of mother, father and family as integral components of the syncretic dual image of the Motherland / Fatherland.

Methodology. To study this issue, general and specific scientific methods are used including deduction and induction, analysis, synthesis, generalization, philosophical and historical analysis, and hermeneutics.

Results. The work updates the idea of the importance of the basic archetype images of Mother, Father and Family for the development of the phenomenon of patriotism.

Research implications. The results of the study prove that patriotism is a complex cultural and historical phenomenon, the development of which began in prehistoric times and continues to this day. At the same time, the archetypal images underlying it not only do not lose their significance, but, on the contrary, strengthen it.

Keywords: state, small homeland, image of mother, image of father, image of family, fatherland, patriotism, family, homeland, motherland, son of the fatherland

Введение

Природа, родник, рождение, урожай, род, родители, родственники, сородичи, родня, Родина, народ – не случайно однокоренные слова, в основе которых лежит древнеславянский корень -род-. Род – это древнейшее верховное мужское божество у славян, бог-творец, бог жизни и плодородия, родитель всего живого. Лексическое значение данных слов обуславливает своеобразное смыслообразующее пространство патриотизма: в его основе лежат чувства родства, единства, неотъемлемости ментальной культуры, сопричастности к иному, к миру других, ответственности и солидарности, инстинктивной, «врождённой» любви.

Апеллируя к глубинным факторам человеческой психики, данные понятия (точнее, концепты, т. к. они представляют собой целые системы знаний, представлений и мнений) имеют архетипическую основу, идейно и эмоционально определяют мировоззрение и поведение как отдельного человека, так и общества в целом. В определённом смысле можно сказать, что подобные чувства являются эволюционной необходимостью, ведь мы не выбираем родителей, рождённых нами детей, место своего рождения, Родину.

Кровнородственные связи как фундамент патриотических чувств

Рассматривая генезис патриотизма, можно обратить внимание на то, что патриотизм как феномен развивался поэтапно с определёнными закономерностями. Прежде чем стать национальной идеей современных государств, он прошёл следующие стадии: кровнородственного, племенного, полисного или местного патриотизма [3, с. 103]. И только потом идеи патриотизма стали консолидирующим фактором, основой безопасности государств и империй. Но даже сегодня кровнородственные связи всё равно остаются в приоритете, а семейные ценности ставятся во главу угла, т. к. именно они являются его основой, отправной точкой в зарождении и формировании феномена патриотизма как «сыновьей любви» и «сыновье-

го долга» перед родиной. Собственно, на важность именно родства непосредственно указывает и этимология слова «патриотизм», которое происходит от греческих корней *πατήρ* ('отец'), *πατριός* ('отеческий', 'принадлежащий отцу') или *patria* ('земля отцов').

Подтверждение этому мы находим у русского философа И. А. Ильина: «Первая, живая ячейка родины есть семья» [5], – а также у И. Сандомирской, которая обратила внимание на то, что ценность родины осознаётся человеком не сразу, а постепенно, со временем; семья же входит в систему ценностей ребёнка почти с рождения. Родина познаётся через семью: сначала родина для маленьких детей – это родители, родные и близкие люди: «их пределы – это родной дом, родные стены, родное село, родная улица, родные места и т. д.» [8, с. 32]. Позже родиной становятся город, регион (родной край) – всё это – «малая родина». Постепенно границы понятия «малой родины» расширяются и охватывают всё то, что называется «большой родиной», страной (географическое местоположение) или государством (политическая организация).

В трудах Г. П. Федотова проводится мысль, что взаимодействие мужского, отцовского и женского, материнского лежит в основании бытия каждой нации: «Родина, материнство связаны: с языком, с песней и сказкой, с народностью и неопределимой, но могущественной жизнью бессознательного. Отечество, отцовство – с долгом и правом, с социально-государственной, сознательной жизнью» [10, с. 324]. Позднее философ продолжает размышления на тему равной важности, но одновременно отличия роли матери и отца в патриотическом воспитании: «Мать и отец вводят ребёнка в сферу национальной культуры; при этом от матери ребёнок слышит первые слова на родном, "материнском", языке, народные песни и сказки, первые уроки религии и жизненного поведения. Отец вводит отрока в хозяйственный и политический мир: делает его работни-

ком, гражданином, воином. Наблюдается сходство в разделении “рационального” и “иррационального” содержания культуры с различием “материнского” и “отцовского” в родовой и национальной жизни. Это подводит к мысли, что отечество, отчизна связывает нас с миром политическим и идеологическим, а “родина-мать” – с “матерью-землей» [9, с. 25].

А. П. Погорелый также считает, что в основе патриотизма лежат архетипические историко-культурологические образы. «Мать», персонифицируется как образ родного уголка земли, а «Отец» отождествляется с государством, консолидирующим соответствующие культурно-исторические периоды религии или идеологии, и выполняющим основополагающую роль в процессе патриотической идентификации.

«Перманентная “гендеризация” окружающей реальности и функционирование своеобразной гендерной картины мира, использование мифа, образа, идеала “Матери” и “Отца” лежат в основе конструирования образа нации как основы общества. Обращение к образам “Матери” и “Отца” снимает вопросы при рефлексии по поводу патриотического чувства» [7, с. 12].

Образ Матери

Следует отметить, что материнское, женское начало в восприятии образа родины как «почвы», наших «корней» является однозначно более древним и восходит к эпохе собирательства и матриархата. Почитание Великой Матери как природы, кормилицы-земли, дающей пропитание всему живому, напрямую связано с древнейшими верованиями человечества на всей территории нашей планеты. Достаточно вспомнить Венер палеолита и неолита – женские фигурки из камня или кости, выполнявшие ритуальную функцию и бывшие символами плодородия и деторождения.

Своеобразными напоминаниями об этих доисторических верованиях являются, например, представления современных коренных народов Андского ре-

гиона о Пача-Маме. Пача-Мама (кечуа Pachamama) – мать-земля, метафора самой природы. Однако к сфере «ответственности» Пача-Мамы относятся не только земля и плодородие, но и практически весь материальный и духовный мир, его гармония. Дословный перевод данного термина объединяет в себе такие значения, как «Вселенная, Пространство и Время» («Pacha») и «Мать, Порождающая, Дающая Жизнь» («Mama»). Подобные представления существуют до сих пор и в Перу, где до сих пор почитают Mama allpa («Добрую Мать») как источник всех благ на конкретной, подготовленной ей территории. А у мексиканского племени науа землю называют «Тонан» («наша мать»). На другом конце света, в Индии, культ Великой Матери или «амма» также достаточно широко распространён до настоящего времени среди неарийского сельского населения.

В древнеславянской мифологии, отголоски которой до сих пор видны в народных сказках и заговорах, также существовал синкретический образ «землицы сырой», рождающего начала, дающего силу всему живому и неживому. Причём данный образ имеет интересную особенность, отмеченную Г. Д. Гачевым: «Как эллинская Гея рождает себе Урана-небо, который ей сын, и супруг, так и мать-сыра земля Россия рождает русский народ, который ей и сын, и муж» [4, с. 217].

Миф о Великой Матери имеет множество вариантов своего воплощения: египетская Мут, аккадская Тиамат, греческие Гера, Гея и Деметра, фригийская Кибела, кельтская Дану, индийские Шакти-Ма и Лакшми, христианская Богородица, даже Свобода, Революция и Демократия, рождающие новое, более справедливое общество. Первоначально данный архетип связан с культом плодородия. Он воплощает идею торжества жизни и абсолютного блага.

Образ Отца

С исторической точки зрения логично, что образ Отца в восприятии Родины выходит на первый план уже в эпоху укре-

пившегося патриархата, становления и развития государственности. Собственно, даже само понятие *patria* («отечество») возникло именно в эпоху греческих полисов, а под словом *patriota* понимался приверженец своего города-государства [6].

В Западной Европе понятие «патриот» входит в политический язык сначала в Англии в XVII в., причём в качестве отца рассматривается правитель, монарх. А столетие спустя во Франции деятели Просвещения начинают рассматривать патриота как «сына Отечества», по сути приравнивая его к гражданину, а патриотизм к сознательной гражданственности. В этом же значении впервые употребляется слово «патриот» в русском языке А. Н. Радищевым. А в историческом дискурсе формулировка «сыны Отечества» связана с манифестом Александра I «О начале войны с французами» от 16 ноября 1806 г.

Если рассматривать мифологизированный образ *отца* как условную составляющую образа Родины, интересно отметить, что не только с точки зрения истории, но и с точки зрения психологии он возникает значительно позже образа *матери*. В частности, об этом говорил ещё К. Г. Юнг, отмечая, что архетип отца активируется в онтогенезе позднее, чем архетип матери, повторяя филогенез. Однако в дальнейшем именно архетип отца имеет большее влияние на развитие личности ребёнка, нежели архетип матери.

Такую же закономерность можно наблюдать и в историческом развитии человечества, когда с укреплением патриархата и имущественно-правовых отношений важнее становится родство по отцовской, а не материнской линии, на что косвенно указывает лингвистический анализ. Так, понятие «отечество» (англ. *fatherland*, нем. *Vaterland*, фр. *patrie*, укр. *батьківщина*, белорус. *бацькаўшчына*) тесно связано с наследственным правом, имущественными отношениями, передачей земельной собственности и недвижимого имущества по линии отца. В качестве подтверждения можно привести юридические термины,

бытовавшие в царской российской судебной практике – «вотчина» («родовое недвижимое имение»), «отчич» («первый наследник по отцу»), «дедич» («прямой наследник по деду»). Именно материальная составляющая лежит в основе тезиса из «Коммунистического манифеста» о том, что у пролетария нет отечества.

Образ Семьи

Сама идея национальной общности первоначально выражает отношения семейно-родового, а потом – социо-этнического родства, в свою очередь, обуславливая восприятие нации в образе семьи. Этот момент подчёркивается в размышлениях О. Ю. Балиевских: «Показателен и сам термин, используемый для характеристики отношения человека к своей стране, своей нации – «любовь» (а не только лояльность). Патриоты представлены в национальном дискурсе не просто как компаньоны, заключающие некий контракт, но как родственники, защищающие одну Родину-Мать, имеющие общих предков и общую кровь; с этим связан и особый потенциал национального чувства» [1, с. 36].

Интересно, что отношение условных «детей» (т. е. нации, народа) к своим «родителям» (Родине-матери и Отечеству) также в известной степени представляет собой зеркальное отражение биогенетического закона Геккеля–Мюллера. Однако если в своём первоначальном, классическом прочтении данный закон гласит, что каждое живое существо в своём индивидуальном развитии повторяет, пройденные его предками или его видом, то в социальной психологии общество проходит те же этапы развития, что и индивид. В частности, любовь к родному дому, земле, тому, что определяют термином «малая родина», в подавляющем большинстве случаев безусловна, инстинктивна, в то время как отношение к отечеству как к государству, политическому субъекту во многом рационально и обусловлено, к примеру, уровнем жизни граждан.

А. П. Погорелый обращает внимание на то, что у древних русичей образ семьи лежал в основе не только социальной общности, но и Вселенной в целом. «Гармония космоса как бы покрывала собой гармонию социума. Род, племя, народ рассматривались как большая семья, все члены которой несут свою долю обязанностей. Но главным делом для всех членов “семьи” являлось сохранение этой гармонии, причём как на социальном, так и на вселенском уровнях» [7, с. 12–13].

Иначе говоря, именно семья была своего рода образцом, в определённой степени даже сакрализованным прототипом и примером социальной и политической организации общества. И как семья должна строиться на любви, так и в определении понятия «патриотизм» главным, ключевым словом является любовь, её созидательная сила.

Заключение

Таким образом, анализируя вышерассмотренные подходы, можно констатировать, что аналогия с семьёй во многом определяет ценностную систему национальной идеи, её концепты и символы.

Любовь и долг, верность и измена – без данных понятий, отсылающих к гендерным стереотипам, национальное мировоззрение рискует утратить свою значимость, стать уязвимым. Поэтому именно в «семье» как аналоге нации мы видим прообраз конструктивного, просвещённого патриотизма.

Отношение к родной семье становится моделью отношения индивида к своей нации, т. е. способом соотношения себя с общностью, динамическим компонентом идентичности, выражающимся и проявляющимся в чувственно-эмоциональной, рационально-волевой и социально-ролевой сферах, а семейные ценности становятся ядром просвещённого патриотизма, точкой равновесия, баланса, основой гармонизации противоречий. И если просвещённый патриотизм как современный (с начала XXI в. – см. [2, с. 65]) этап развития этого феномена является ценностным основанием позитивной глобализации, то ценностным основанием самого просвещённого патриотизма выступают семейные ценности.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балиевских О. Ю. «Родина-Мать»: значение образа матери в формировании патриотизма // Сумма философии. 2007. № 1. С. 35–40.
2. Баталин Р. А. К вопросу о сущности просвещённого патриотизма // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 65–75.
3. Баталин Р. А. Понятие «патриотизм»: генезис и противоречия // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 102–111.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Академия, 1995. 420 с.
5. Ильин И. А. Манифест русского движения. 15. Любовь к Родине [Электронный ресурс]. URL: <http://ivan-article.narod.ru/15.htm> (дата обращения: 11.02.2024).
6. Ливцов В., Пожидаев А. Эволюция понятия «патриотизм»: через прошлое к будущему // Свободная мысль. 2016. № 6. С. 151–154.
7. Погорелый А. П. Патриотизм как ценность российского общества: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 17 с.
8. Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50 (Венский альманах славистики. Спецвыпуск 50). Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 286 с.
9. Федотов Г. П. Новое отечество // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1991. С. 233–252.
10. Федотов Г. П. Сумерки отечества // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. С. 320–329.

REFERENCES

1. Balievskih O.Yu. ["Motherland": the importance of the image of the mother in the formation of patriotism]. In: *Summa filosofii* [Summa filosofii], 2007, no. 1, pp. 35–40.
2. Batalin R. A. [The essence of enlightened patriotism as a scientifically problem]. In: *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities], 2020, no. 2, pp. 65–75.
3. Batalin R. A. [The concept of "patriotism": genesis and contradictions]. In: *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities], 2020, no. 3, pp. 102–111.
4. Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow, Akademiya Publ., 1995. 420 p.
5. Ilyin I. A. *Manifest russkogo dvizheniya. 15. Lyubov' k Rodine* [Manifesto of the Russian movement. 15. Love for the Motherland]. Available at: <http://ivan-article.narod.ru/15.htm> (accessed: 11.02.2024).
6. Livtsov V., Pozhidaev A. [Evolution of the concept "patriotism": through the past to the future]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 2016, no. 6, pp. 151–154.
7. Pogorely A. P. *Patriotizm kak cennost' rossijskogo obshchestva: Social'no-filosofskij analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Patriotism as a value of Russian society: Social and philosophical analysis: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philosophy]. Moscow, 2004. 17 p.
8. Sandomirskaya I. *Kniga o Rodine: opyt analiza diskursivnyh praktik*. [Book about the Motherland: an attempt to analyze discursive practices]. Wien, Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 286 p.
9. Fedotov G. P. [The New Fatherland]. In: Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii: izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. T. 2* [The Fate and Sins of Russia: Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture. Vol. 2]. St. Petersburg, Sofiya Publ., 1991, pp. 233–252.
10. Fedotov G. P. [Twilight of the Fatherland]. In: Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii: izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. T. 1* [The Fate and Sins of Russia: Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture. Vol. 1]. St. Petersburg, Sofiya Publ., 1991, pp. 320–329.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Руслан Александрович Баталин – аспирант кафедры философии и истории Донецкого государственного педагогического университета имени В. Шаталова;
e-mail: rusbat79@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ruslan A. Batalin – Postgraduate Student, Department of Philosophy and History, Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov;
e-mail: rusbat79@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баталин Р. А. Архетипические образы матери, отца и семьи как фундамент феномена патриотизма // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 73–78.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-73-78

FOR CITATION

Batalin R. A. Archetypal Images of Mother, Father and Family as the Foundation of the Phenomenon of Patriotism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 73–78.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-73-78

УДК 1; 159.9; 32

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-79-91

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА АВТОРИТЕТА

Вердиев Э. Э.*Тверской государственный технический университет**170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Отразить специфику феномена авторитета, его значимость в истории, проявление в различные эпохи. Подвергнуть анализу восприятие социумом минувших времён доминантных функций, посредством которых проявлялось подчинение вожакам, предводителям, лидерам в былые времена. Актуализировать причину трансформации феномена авторитета, связанную с цифровизацией в современное время. Выявить и отразить фактор неразрывной связи между социумом и генезисом феномена авторитета.

Процедура и методы. Итоговые выводы исследования прежде всего базируются на принципах философского, общенаучного, а затем и междисциплинарного подхода. Материалы для статьи исследуются посредством сравнительного анализа с призмы восприятия и интерпретации феномена авторитета в философии, политике, религиоведении, а также философов, учёных, деятелей древности, Средневековья, эпохи Просвещения и наших дней.

Результаты. Выявлены и отражены факторы, указывающие на непрерывную связь между социумом и генезисом феномена авторитета, а также на возникновение опасности депривации данного явления посредством влияния цифрового мира и интернет-коммуникаций на общество. Посредством анализа информации достоверных источников идентифицированы риски глобальных проблем в современном обществе, когда общественное доверие, признание, подражание и сам феномен авторитета фокусируются не на живом носителе информации как эксперте в своей области или подтверждённом специалисте, а на цифровых виртуальных «личностях», искусственных голосовых помощниках, искусственном интеллекте, перемещая всю социальную практику в интернет-пространство, что может создать гуманитарные риски для исторически сложных человеческих ценностей и приоритетов жизненных целей.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье даётся описание особенности развития феномена авторитета, его восприятия социумом разных времён, трансформации данного явления с наступлением каждой новой эпохи. Доказываются необходимость живой социальной коммуникации в обществе как стержня человеческого развития и гуманитарной ценности в социуме, значимость авторитета для поддержания дисциплины и порядка. Акцентируется внимание также на потере исторически сложных веками порядков, являющихся основой развития и продвижения общества.

Ключевые слова: депривация, связь для возникновения явления, социальная коммуникация как источник возникновения авторитета, социум, трансформация, феномен авторитета

SOCIAL NATURE OF AUTHORITY

E. Verdiyev*Tver State Technical University**naб. Af. Nikitina, Tver 22170026, Tver Region, Russian Federation.*

Abstract

Aim. To reflect the specifics of the phenomenon of authority, its significance in history, its manifestation in different eras. To analyze the perception by society of the dominant functions through which submission to leaders was manifested in the old days. To update the reason for the transformation of the phenomenon of authority in modern times. To identify the inextricable connection between society and the emergence of the phenomenon of authority.

Methodology. The final conclusions of the article are based on the principles of, first, philosophical, general scientific, and then interdisciplinary approach. The materials of the article are examined through comparative analysis from the prism of perception of the interpretation of the phenomenon of authority in philosophy, politics, religious studies, as well as authors of antiquity, the Middle Ages, the Renaissance, and the present day.

Results. Factors have been identified that indicate a continuous connection between society and the emergence of the phenomenon of authority, and the danger of deprivation of this phenomenon through the digital world and Internet communications. Using reliable sources, the risks of global problems in modern society are identified, when public trust, recognition, imitation and the authority phenomenon itself are focused not on a living carrier of information as an expert in the field of study or a confirmed specialist, but rather on digital virtual personalities, artificial voice assistants, artificial intelligence, which places the entire social practice into the Internet space which might create humanitarian risks of historically shaped human values and life goal priorities.

Research implications. The article describes the features of the development of the phenomenon of authority, its perception by society of different times, and the transformation of the object of the phenomenon with the coming of any new era. The necessity of living social communication in society is proven as the basis for human development and humanitarian value in society. Attention is also focused on the loss of the values, historically established throughout centuries, that are the basis for development and progress of humanity.

Keywords: deprivation, connection for the emergence of a phenomenon, social communication as a source of authority, society, transformation, phenomenon of authority

Авторитет вовсе не переходит от объекта к субъекту как предмет материального мира.

Моя совесть должна принять духовный авторитет,
и когда моя совесть его не принимает,
то он теряет для меня качество авторитета¹.

Н. А. Бердяев

Введение

Социальная сеть, искусственный интеллект, нейросеть на сегодняшний день являются не только передовыми разработками, но и самыми популярными явлениями в социальной практике и в целом в природе человека. Посредством социальной сети люди поддерживают связь, обмениваются впечатлениями, отправляют фотографии и голосовые сообщения, проводят беседы в онлайн-режиме из любой точки мира, где есть доступ к интернет-коммуникациям.

Искусственный интеллект в какой-то мере влияет и облегчает некоторые задачи человеческой деятельности, на различных современных гаджетах служит в качестве быстрого проводника информации из интернет-пространства, помогает многим найти то, что они ищут, в некомфортных условиях (в поездке и за рулём) для введения букв и символов на смартфоне, облегчает труд операторов связи или информационного портала в интернет-паутине, подбирая кратко- или средне- значимые ответы на вопросы, либо переводя на живого оператора для устранения возникшей проблемы.

¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 150.

Нейросеть обрела популярность в наши дни относительно недавно. Какую именно цель преследует пользователь, работая с нейросетью, ещё не совсем ясно. Эта функция или программа на любой платформе выполняет задачу создания какого-либо заданного проекта. На сегодняшний день данная функция ещё не развита и не доведена до совершенства, однако эта погрешность не мешает создавать образы, подменивать лица, рисовать или воспроизводить что-либо по заданным параметрам пользователя. Данная система, невзирая на внедрённые возможности, уже привлекает внимание скептиков и людей с консервативными взглядами на порядок вещей, т. е. она связана с рисками. Принцип нейросети состоит из того, что эта программа воссоздаёт образы, оживляет картины, даже людей и личностей, которых уже давно нет в нашем мире. Нейросеть подменяет и воспроизводит голоса и звуки, крайне похожие на оригинал. Данная функция стала последнее время излюбленным средством мошенников в интернет-пространстве, что также создаёт ряд проблем и рисков в гуманистической природе порядка вещей, о которых говорят скептики.

Традиционным явлением доверия, подражания, подчинения, восхищения, исполнения распоряжений и дисциплины в социуме веками являлся феномен авторитета, исходящий от определённых личностей, обладающих какими-либо элементами этого явления. Авторитет имеет глубокие корни и охватывает практически всю историю человечества. Можно сказать больше – авторитет присутствует везде, где есть социальная связь или живое существо, способное издавать звуки и маневрировать. Так, в мире животных авторитет проявлялся и проявляется не меньше положенного, чем в мире людей, только с ограниченными возможностями и функцией развития событий в силу определённых возможностей особей.

Авторитет является мощным инструментом управления обществом или определённым социумом в любом промысле и в любом деле для лидера, руководителя,

предводителя, вожака и всех звеньев высшего образца подражания. За последнее время в наши дни авторитет начал утрачивать свои свойства, изначально выполняемые им функции, теряя точку опоры на свой стержень [6, с. 11], качество ценности и эквивалента достоверности, подражания, уважения в силу особых параметров субъекта данного феномена, отличающегося своими способностями и компетентностью по каким-либо областям и умениям, посредством которых он обретает авторитетность в социуме.

Внедрения всех выше указанных и многих других технологических систем и разработок за последнее время не только облегчает жизнь человека, но с каждой волной изобретаемых новинок, связанных с цифровизацией и искусственным интеллектом, обесценивает живого носителя информации, способного анализировать объективно задаваемый вопрос или проблему, т. е. эксперта или специалиста в каком-либо определённом направлении. Такое внедрение новинок приводит к депривации феномена авторитета, который крайне необходим и является жизненно важным элементом для регуляции социальной системы и функции человечества.

Что из себя представляет феномен авторитета и в чём его главная задача? Каким образом происходит утрата силы и могущества авторитетной функции в социальной среде людей и каким образом социальная сеть, искусственный интеллект и нейросеть ускоряют этот процесс? Почему авторитет возникает в гуманистической природе и не сможет возникнуть не в этой среде? Для ответа на эти вопросы необходимо изначально выяснить, что такое феномен авторитета с ракурса разных достоверных (авторитетных) источников, как он отражался с призмы различных авторов, научных деятелей былых времён и каким образом началась его трансформация, в ходе которой на сегодняшний день доверие социальным сетям стало больше, чем к живому носителю информации.

Феномен авторитета и трактования его значения в различных достоверных источниках

Различные словари трактуют феномен авторитета по-разному. В одном из философских энциклопедических словарей¹ на передний план выдвигаются такие значения, как человеческое конституирование и способности интеллекта, как тонкость суждения и широта ума в философской, научной, религиозной областях. Данный источник представляет феномен авторитета как набор определённых параметров когнитивных и интеллектуальных отличий личности, способствующий возникновению уважения и доверия к этой персоне или группе людей. Возможно, одной из приоритетных функций, способствующих возникновению доверия, являются тонкость суждения и производные от этого свойства хитрость или усидчивость. Опираясь на данный источник, можно понять феномен авторитета как способность, зиждущуюся на интеллектуальной основе.

Иной источник² отмечает латинские корни слова, указывая, что 'Auctoritas' означало влияние и власть. В объективном понимании данное явление характеризуется частным (неофициальным) оказанием влияния лица / группы в какой-либо области, на фундаментальной основе маскирующегося знанием, опытом, достоинством, нравственностью. В субъективном понимании источник интерпретирует авторитет как реализацию какой-либо власти посредством обозначенных способностей личности или группы. Эти данные дают возможность характеризовать этот феномен как некую силу, способную влиять инкогнито на общество и, соответственно, ход событий. Для реализации влияния необходимы интеллектуальные способности, заключающиеся в обладании

большим опытом, воздействующим на человека или массы, а для этого необходимы определённые знания в какой-либо сфере. Однако одного опыта и знаний недостаточно. Личность или группа должны отличаться прежде всего достоинством на нравственной основе. Согласно данному источнику, характеризовать авторитет можно как некую функцию, возникающую исключительно в социальной природе человека посредством набора определённых параметров человеческих возможностей, т. е. для его возникновения необходимо посредством нравственности заручиться таким явлением, как достоинство, создающим образ или эталон доверия и проявляющимся в последствии в личности или группе посредством знаний и опыта, дающих «законное» право «слепо» следовать наставлениям и подчиняться первым, вызывающим уважение.

В словаре Д. Н. Ушакова³ указано, что слово авторитет происходит от латинского *auctoritas* и имеет следующие значения:

- 1) «общепризнанное значение, влияние»;
- 2) «лицо, пользующееся авторитетом».

Такое понимание создаёт предпосылки для понимания феномена авторитета, характеризующегося уважением за счёт умений и верного действия. Соответственно, явление авторитета возникает в силу выбора наиболее подходящего правильного решения, осознания ситуации и дальнейших действий, которые должны вести к лучшему исходу. При таком значении раскрывается ещё одна суть – зарождение авторитета возникает благодаря правильным поступкам, следовательно, авторитет может существовать в условиях социальных взаимоотношений. Для того, чтобы получить уважение, один из главных инструментов в достаточно огромном инвентаре феномена авторитета, необходимо шаг за шагом достичь успеха в этом деле, и существуют факторы, влияющие на

¹ Авторитет // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина: [сайт]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/articles/63/avtoritet.htm> (дата обращения: 02.04.2024).

² Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 11.

³ Авторитет // Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: [сайт]. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 02.04.2024).

его уровень и масштаб. Ими пользуются руководители и лидеры, их применение и подбор правильного варианта происходят согласно определённой ситуации. Социальная практика и социальный контакт в условиях свободных действий способствуют формированию интеллектуального превосходства в обществе, без него обрести уважение в объективном плане не является возможным.

Исследуя социальную природу авторитета в политических науках, встречаем отождествление данного понятия с властью и влиянием. Так, в «Новой философской энциклопедии» социально-политический авторитет трактуется как контроль за социумом, он олицетворяет доверие и достоинство того, кто в праве управлять обществом¹. Разбирая сферу значения феномена авторитета, можно отметить один из инструментов власти над социумом, посредством которого происходит возникновение данного явления в обществе, – доверие. Согласно трактованию из этого словаря, понятие авторитета тесно связано с доверием общества, социума. Одного уважения здесь недостаточно, оно является лишь одним из элементов или проводником, а без него возникновение авторитета в каком-то смысле не является возможным. Он может возникнуть разве что на основе страха, но такие понятия, как боязнь, угроза и насилие, не имеют ничего общего с авторитетом (это отмечал ещё Н. А. Бердяев). Такие действия могут пробудить чувство ненависти и желание отмщения у управляемого или подчинённого социума при первых благополучных обстоятельствах. Возможно, революции и разрушения многих государств и империй, существовавших в былые времена, произошли в связи с непрерывным применением насилия со стороны высшей инстанции, реализующей власть над своим и покоренными народами. На протяжении долгого времени народ, живущий в условиях страха и насилия, постоянно притес-

няемый и гонимый, превращается в своего рода «пружину», которая неминуемо будет работать по принципу достигнутого максимального порога пресса и произведёт высокую отдачу, как только натиск на него уже будет невозможен. Соответственно, из последнего интерпретируемого обстоятельства проявляется масштаб важности к уровню доверия, и социальная природа авторитета прежде всего основана на его фундаменте.

Авторитет в политике возникает на социальной основе. В наши дни политика не может реализовываться без одобрения социумом. Любой политик должен быть поддержан своими избирателями или как минимум заслужить доверие и одобрение со стороны общества в зависимости от проявляемой деятельности, а для этого должна быть создана социальная база для проведения социальной коммуникации между политическим деятелем и самим социумом.

Политический авторитет часто связывают с насилием. К такому мнению пришёл в своё время Макс Вебер. Однако «Словарь власти, политики, государственной службы», напротив, определяет авторитет как высшее качество, относящееся к политическим учреждениям, организациям, субъектам политики². Из этой формулировки можно путём рефлексии выявить исполнительность проложенного политического курса посредством выполнения поставленных перед субъектами политики задач и целей. Но какими методами или способами возможно такое достижение? Прежде всего, интеллектуальными способностями в синтезе с высокой культурой и умением держаться в обществе или перед лицом массы. Ключ к этим способностям – отличное образование, которое даёт возможность заменить одно слово другим, одну мысль иной, держась в правильном русле. Политик должен обладать способностью вести дискурс, посредством которого он сможет описать и донести свою

¹ Авторитет // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1 / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. С. 49.

² Власть. Политика. Государство и Государственная служба. Аналитический словарь-справочник. М.: Академический проект, 2007. С. 16.

мысль, развивая поэтапно или как того требует определённая ситуация, зависящая от ментальной функции и способности идентификации информации общей массы. Таким образом, субъект политики должен нести ответственность перед социумом и отвечать на возникающие вопросы и требования в любой непонятной или проблемной ситуации. Исследование социальной природы феномена авторитета с призыва политических наук приводит к пониманию крайней важности взаимосвязи субъекта политики и социума, основанной на доверии и одобрении, без которого политические манёвры осуществляться не могут, т. к. будут встречать сопротивление с чьей-либо стороны, или возможны в условиях постоянного насилия, но этот путь приведёт к вышеописанному «принципу пружины».

Различные словари отражают значимость авторитета как явления социального и возникающего на основе определённых свойств, умений, способностей личности, а также его свойства нести ответственность перед социумом. Информация из приведённых источников проявляет важное значение социальной основы и коммуникации для возникновения феномена авторитета: для этого необходим живой контакт в обществе между отдельными людьми, группами и, не менее важное, в политике как общественном явлении, посредством которого задаётся ход истории не только отдельных стран, но и всего мира.

Для более объективного понимания значимости авторитета необходимо рассмотреть данное явление не только с ракурса различных словарей и энциклопедий, но и с помощью анализа его восприятия и отношения к нему различных авторов былых эпох, чтобы проследить его трансформацию как феномена, возникающего исключительно в социальной среде. Даже в животном мире оно реализуется в условиях контактов различных особей, выявляя вожаков и лидеров, заслуживающих авторитета среди соратников. Стоит отметить, что грубая сила или насилие со стороны

вожаков могут применяться на первых порах и в крайних случаях для установления порядка в племени или стае. Затем по мере необходимости они поддерживаются в случаях возникновения каких-либо нарушений дисциплины¹.

Для выявления трансформации социальной природы феномена авторитета необходимо также проанализировать, каким образом это явление воспринималось в древних религиях, отражалось в Средневековье, в эпоху Просвещения и как произошла «эмиграция» данного определения в цифровую реальность.

Древнее упоминание, отношение, значение и связь с социумом феномена авторитета

Упоминания или обозначения авторитета учёные находят в древних письменностях, различных эпосах, посвящённых героям древности, в вещах и принадлежностях, выступавших в качестве атрибутов высокого сана или положения в древнем социуме. В античной философии и религиозных направлениях высшие ценности человеческого поведения, создающие предпосылки для зарождения феномена авторитета, значительно отличаются от современных. Прежде всего, авторитет зарабатывали личности, обладающие физической силой и связанные с религиозной сферой. Один из величайших трудов, переведённый и написанный британским учёным Э. А. Уоллесом Баджом, «Египетская книга мёртвых»² повествует нам об обычаях и традициях Древнего Египта, где главными доминантами доверия были жрицы и сама книга «мёртвых». Уникальность этой книги заключалась в том, что она была социальным проводником между миром живым и загробным (Дуат). Древние египтяне верили не только в жизнь после смерти, но и в возможность возвращаться в мир живых и продолжать свою жизнь так,

¹ Батуев А. С. Высшая нервная деятельность: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1991. 256 с.

² Египетская книга мёртвых / пер. с англ. К. Корсакова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 528 с.

как и было до ухода из бытия. Главными факторами, создающими предпосылки к авторитету определённых личностей тех времён, были такие свойства, как трактование пути к тем божествам, которое проповедовали жрецы Древнего Египта, и где фараон являлся центральной фигурой и сыном какого-либо божества для египетского социума. Однако, невзирая на это, часто происходило такое, что писцы при храмах переписывали тексты неверно или даже не завершали их до конца. Некоторые образованные люди, способные читать и писать, сами себе писали «священное писание» перед уходом в загробный мир на папирусе или терракотовой табличке, которая в последствии становилась неким артефактом для нашего времени, и тот, кто обнаруживал такого рода «священное писание», соответственно, приобретал веру в обнаруженное там или находил дополнение к уже имеющимся знаниям. В Древнем Египте информация искажалась посредством многих факторов, а такой оборот в событиях с каждым разом приводил к противостоянию, затем и к упразднению авторитета поклонения по причине утраты доверия среди социума.

Авторитет у древних людей был связан по большей части с многобожием, природными явлениями, даже с отдельными животными (африканские и индейские племена). Им приписывались сверхсила и могущество, которые стремились достигнуть народы прошлых веков для того, чтобы стать совершенными. Таким образом, нередко героев Античности провозглашали богами в силу их сверхспособностей и отождествляли с определёнными божествами в соотношении с их возможностями, к примеру, молниеносность как у Зевса, сила как у Марса, водная стихия подчиняется определённому герою, у которого способности как у Нептуна и т. д. [7]. С приходом монотеистических религий (иудаизм, христианство, ислам) фокус авторитета централизовался на объекте недостижимости, т. е. на Авторе Бытия [1]. Все эти события и факты подтверждают существующую и не обрываемую связь между

социумом и феноменом авторитета, необходимую для его возникновения. Таким образом, мы видим, что определения авторитета менялись, но общий стержень у них сохраняется одинаковым, т. е. он соотносится с высшей инстанцией, обладающей сверхчеловеческими возможностями и способностями в соотношении с другими.

В военной сфере древности восприятие феномена авторитета характеризовались несколько иначе, т. к. эта область является направлением, где необходимо постоянно реагировать на изменяющуюся ситуацию на поле боя, а перед этим должна быть непоколебимая вера среди войска в своего предводителя. Легендарный древнекитайский мыслитель Сунь-Цзы, философ и стратег, автор знаменитой на весь мир книги «Искусство войны», отмечал такие свойства и параметры для управления и властвования в человеческом интеллекте, как способность воздействовать на жадность, глупость, ум, храбрость и, самое главное, умение извлекать силу из всего перечисленного [12]. Таким образом, военачальник (или личность) может заработать уважение, доверие и, соответственно, авторитет среди подчинённых. В советах Сунь-Цзы можно обнаружить апеллирование на человеческие социальные потребности, в частности желания и стремления определённого социума, необходимые для создания авторитета, согласно перечисленным свойствам, где главными доминантами являются способность подхода и выявления названных элементов в структуре человеческой психики.

Феномен авторитета в Средневековье как религиозный инструмент достоверности и правды в социуме

В средневековой период феномен авторитета был полностью связан со Священным Писанием. Социум средневековья опирался на достоверность информации в Библии, Предании и Патристике. Пьер Абеляр, французский философ и теолог, за предполагаемые еретические воззрения многократно был осуждён

католической церковью по причине верования в утверждённую истину, а не в сиюминутное восхищение¹. Общество Средневековья фанатично веровало в Священное Писание, и главными факторами возникновения авторитета являлись знание и ссылка на страницы Священной Книги. Порой монахи и деятели церкви (церковнослужители) переписывали целые страницы из Библии и Предания для того, чтобы доказать истинность своих слов и утверждений. Представитель Шартрской школы Бернард Шартрский считал авторитетом гениальность старого поколения², указывая на то, что именно благодаря предыдущим поколениям последующее может развиваться и идти вперёд, минуя те «подводные камни», на которые наткнулись уже до них. Согласно этим данным, старшее поколение и есть авторитет, в коем скрывается мудрость, ум, опыт, посредством чего создаётся почва и фундамент для дальнейших дел. Соответственно, без этих значений проявление авторитета не представляется возможным, а это значит, что молодое поколение всё же будет «спотыкаться» об камни, или, как говорят в народе, наступать на грабли, и это может привести к постепенной деградации.

Итальянский теолог и основатель томизма Фома Аквинский³ в качестве авторитета выдвигал «истину» и определял верными делу церкви только тех философов, которым была открыта тайна священных канонических Писаний. Однако Фома Аквинский сомневался в авторитете церковных учителей, хотя и ссылался на них. Для основателя томизма главным фактором доверия служили книги Священного Писания, иными словами,

канонические. Он считал написанное в них содержание достойным для веры, т. к. их авторы непоколебимы в допущении погрешности в самой «истине», что для Фомы Аквинского являлось авторитетом. «Истина» Фомы Аквинского связана с тем поколением, которое было первоначальным в оформлении Священного Писания и не разделяло разных взглядов и позиций насчёт веры, она для них была едина, тем самым истинный авторитет мог быть только у них. Однако последующие поколения искажали ту самую истину по различным причинам, и одна из них – политическая – служила для подчинения масс государству. С таких действий и начинается трансформация авторитета. Сам авторитет, являясь социальным инструментом, который не может существовать без общества, каждый раз менял своё определение, сливаясь с новыми идеями, вплоть до «утекания» в глобальный виртуальный мир в наше время, где находит массовое доверие со стороны пользователей социальных сетей и интернет-коммуникаций.

Авторитет, возникающий в социуме эпохи Просвещения, как неотъемлемая часть развития общества. Начало трансформации явления посредством рефлексии устоявшихся ценностей в Средневековье

Эпоха Просвещения в глобальном понимании является ключевым периодом в трансформации феномена авторитета. Это период смены приоритетов, взоров на жизнь и порядок вещей, изменения ценностей в жизни человека, что подразумевает под собой смену не только функций авторства, но и самого образа автора вследствие критики и протеста против образованного миропорядка, просвещения и раскрытия оболванивания масс религиозными деятелями на наглядном примере индульгенций и прочих «инноваций» со стороны европейской церкви (Папства), выступления против веками устоявшихся законов и догматов [9]. Это время заложило основу для вольнодумства и критиче-

¹ Абеляр П. История моих бедствий / пер. С. С. Неретиной. М.: ИФРАН, 2011. С. 31.

² Бернард Шартрский // Новая философская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9f63b8d67eb0baadb05e9f> (дата обращения: 02.04.2024).

³ Фома Аквинский // Новая философская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c14130d923d800b63380c> (дата обращения: 02.04.2024).

ского осмысления устоявшегося векового понимания авторитета, что позволило авторам Средневековья трактовать тексты по-разному и приводило к разнящим значениям данного феномена.

Французский философ и основоположник картезианства Рене Декарт, обозначая авторитет, подразумевал такие значения человеческой природы, как совесть, правдивость (истина), которая является не рушимой ничем, – разум как доказательство истины [5]. Рене Декарт хоть и не выступал открыто против церкви, но при этом первым занялся поиском и нахождением души в теле человека, тогда как церковь считала грехом и подвергала наказанию любое вскрытие человеческого тела. Авторитет в понимании Р. Декарта был продуктом социальности, иными словами, генерированием идей ума с опорой на совесть и истину, что подразумевало правильность поведения в обществе. Без этих атрибутов человеческого мышления авторитет в обществе возникнуть не мог, а для его возникновения необходима социальная связь. Тем самым Р. Декарт отразил социальную природу авторитета и его феноменальные функции, заложенные в самом социуме.

Английский философ и доктор медицины Бернард де Мандевиль отмечал атрибуты авторитета совершенно иначе и указывал на щедрость как достоинство, выдвигая гипотезу о том, что именно расточительство, являющееся по своей сути одним из пороков, способствует торговле, жадность приводит к уничтожению коммерции, а добродетель необходима для зарабатывания симпатии в обществе, однако для развития власти нужен порок, являющийся экономическим элементом расцвета [10]. Б. де Мандевиль обозначает авторитет в ином ракурсе, нетрадиционно принятом до него веками, устоявшегося в социуме в противовес даже десяти законам Моисея, главного пророка в иудаизме¹. С этого момента в понимании феномена авторитета фокус переносится на богатство, которое в наши дни охватывает сердца многих людей

даже больше, где главными достоинствами становятся наличие капитала, движимого и недвижимого имущества, а также доходность в ущерб общему пониманию истинного значения авторитета.

Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ), философ, просветитель, представитель школы естественного права, боролся против церкви и церковных авторов, уличая христианское и иудейское ученье во лжи². Изначально выступал за веру в Бога, затем изменил фокус своего мышления, переметнувшись в сторону атеизма. Однако он выдвинул идею о том, что Всевышний должен присутствовать в социуме, т. е. является тем самым Авторитетом [4], благодаря которому общество воздерживается от проявления агрессии друг против друга, чтит законы и традиции, и боится ада, желая рая после отправки в мир иной. Вольтер даёт ясное понимание необходимости феномена авторитета в обществе, без которого дальнейшая судьба социума сомнительна. Природа авторитета является неким механизмом регулирования в массах и возникает там, где образовывается какая-либо группа, сообщество, коллегия, институт, народ. Авторитет – своего рода регулятор и проявляется в реальном (есть ещё виртуальное) обществе как необходимость уравнивания порядка вещей.

Шарль Луи де Монтескье, являющийся политическим мыслителем эпохи Просвещения и создателем доктрины о разделении властей, применял авторитет согласно всем значениям, подходящим под тот или иной социум, о чём свидетельствуют его исследовательские труды («О Духе законов»; «Книдский храм»; «Опыт о вкусе»). Монтескье выдвигали идеи, где главным и ключевым фактором являлся авторитет, приобретаемый как свойство в зависимости от царствующего порядка. Таким образом, специфика правильного правления и политического курса у Монтескье соотносится с такими режимами и формами правления, как «республика» с ключевым

¹ Моисей // Православная энциклопедия. Т. XLVI: Михаил Пселл – Моисея. М., 2017. С. 267–296.

² История философии: учебник для вузов / под ред. В. В. Васильева, А. А. Кротова, Д. В. Дугая. М.: Академический Проект, 2005. С. 272–273.

направлением на добродетель, монархии – на честь, деспотии, основывающийся на страхе [11]. Во всех формах правления народ слушает руководителей, где известные лица обязаны сдерживать его своим авторитетом. Он также предостерегает те народы, где отсутствует авторитет, обосновывая и обозначая это тем, что государство, в котором нет такого явления, неминуемо будет увлечено каким-нибудь актёром, и его слова на сегодняшний день являются как бы пророческими, что, в свою очередь, создаёт гуманитарные риски неправильного избирания пути развития для какого-либо народа и даже человечества. По сути, в идеях Монтескье наблюдаются отнесение авторитета к определённой форме правления или локального порядка какой-либо общины или племени и проявление важного влияния социальной сферы для возникновения данного феномена.

Самым очевидным образом прямую связь между авторитетом и социумом подтверждал шотландский философ Дэвид Юм, отвергая чужие идеи и настаивая на том, что понимание исходит из способности накапливать опыт и действия внутренних когнитивных процессов в мозге личности [13]. В качестве символа авторитета Дэвид Юм выдвигает свойство субъективной убеждённости личности, называемое доверием по критерию знания, опыта, обладающей мысли, создающее право на одобрение и уважение. Соответственно, согласно взглядам Дэвида Юма, значимость явления авторитета состоит в логическом умозаключении мысли, подтверждённой в социуме, что способствует возникновению самого феномена в обществе как социального элемента.

Немецкий философ Иммануил Кант, чьё учение трактуют по сей день, характеризовал авторитет совершенно иначе, фокусируя внимание на морали (нравственности), равняя её с законодателем, призывая подчиняться разуму при выполнении какого-либо приказа или распоряжения, т. к. мы все лично несём ответственность за содеянное и нам в дальнейшем предстоит отвечать перед своей совестью и моралью

[8]. Согласно выдвинутому предложению И. Канта, под авторитетом понимается властное лицо, транслирующее закон и правила, требования которого подчинённым необходимо подвергать рефлексии в силу того, что авторитетная властная личность не должна встречать сопротивления, а это, в свою очередь, может привести к глобальным рискам. В соответствии с этим необходимо изменение взгляда на субъект авторитета – перенос на властную структуру (личность) благодаря признанию обществом и призыву к осмыслению социумом рациональности выполняемых требований.

Макс Вебер придавал важное значение изучению политики и проявлению феномена авторитета, акцентируя внимание на том, что данное явление возникает как некая сфера в обществе, функционирующая по принципу автономности, и стремится попасть социум для реализации легального насилия над массами [3]. М. Вебер в своих доводах описывает феномен авторитета как значимость для социума, возникающую в его границах, т. е. для обладания авторитетом необходимо быть частью общества и иметь законное всеобщее одобренное легитимное право на этот статус.

В школьные годы В. И. Ленина характеризовали как «ходячую энциклопедию», что отражало огромное уважение к нему и способствовало тому, что уже в детские лета он был авторитетом для товарищей по школе [2, с. 411]. На примере Ульянова можно заключить, что авторитет может возникать даже в раннем возрасте на школьной социальной площадке у тех, кто обладает обширными знаниями или блестящим интеллектом. Любознательность и великолепная память уже в детском возрасте давали В. И. Ленину право на всеобщее признание в обществе даже среди тех, кто был гораздо старше его. Данная личность запечатлелась в истории и по сей день «живёт» во многих аспектах научной и просветительской деятельности как эталон подражания и не уходит из повесток, связанных с политикой, социологией и другими научными дисциплинами. Актуальность данного явления заключа-

ется в «магической» способности зарабатывать авторитет благодаря всеобщему доверию и признанию его умственных способностей, не подвергающиеся сомнению современниками Вождя пролетариата, – те самые интеллектуальные свойства одарённой личности, являющиеся прямым проводником свершения Великой русской революции. Хотя на сегодняшний день много и критиков (как же без этого) по отношению к деятельности и правдивости личности В. И. Ленина, это никак не уменьшает значимости его деяний, прославивших его на весь мир, а тем самым и саму Россию, создав ей мировой авторитет, в очередной раз доказав величайший ум и могущество народа. Именно по жизни и деятельности В. И. Ленина можно охарактеризовать атрибуты значимости, необходимости, важности природы авторитета в социуме, где он проявляется во взаимоотношениях между обществом и личностью, между классом и верой в идею, в соотношении превосходства и слабости, которое не может существовать вне его границ.

Заключение

Современная эпоха – это мир цифровых технологий и виртуальной реальности, захватывающий всё больше областей нашего быта и жизнедеятельности. Разумеется, облегчение условий быта социума является одной из главных целей самого человека в любую эпоху и время. Создание информационного виртуального поля, мессенджеров, средств в виде голосовой или видео коммуникации привело мир на совершенно иной этап развития человечества и фактически провозгласило новую эпоху цифровых технологий. Однако стоит уделить внимание тому, что человеческие ценности, само нутро общества подвергаются гуманитарному риску утраты того самого стержня, который служил опорой для человечества во все времена, для дальнейшего развития и расширения знаний и опыта. Феномен авторитета – это не просто социальное явление, основанное на подчинении в каком-либо проявлении, но,

не взирая на его вековую трансформацию, это также дисциплина и порядок, мораль и нравственность, признание превосходства одарённых личностей за их интеллектуальные качества и умения, стремление и подражание лидерам в социуме в попытке сравняться с ними, способствующие жизненному смыслу, создающие новый тип, форму правления, подбор решений и, самое главное, ответственность в социуме.

Создание видео- или аудио связи трансформирует иллюзию «живого общения», но не может заменить реальный разговор, благодаря которому человек не только набирается опыта, но и анализирует того, кто, напротив, во всех деталях в объективном плане, что приводит к рефлексии, анализу, мониторингу характера и жизнедеятельности в социуме и многого другого, посредством чего и возникает феномен авторитета в обществе. Достаточно прослушать музыку или мелодии до разработки интернет-технологий (классика, хор, музыка с 1920-го по 1990-е гг.), и мы услышим живой звук, работу деятелей культуры прошедших десятилетий, где каждая нота и струна подобрана тщательно и качественно, вносит вклад в развитие общества и человечества в целом, добавляя по-настоящему новизну в жизнь человека. То же самое можно заметить и в остальной жизнедеятельности социума минувших времён, где, рассматривая фотографии автомобилей, обихода, архитектуры, можно заметить утончённый вкус в деталях в каждом элементе. Хотя в те времена всего было мало или оно было представлено в ограниченных количествах, всё это придавало ценность жизни и актуализировало стремление к обладанию объектом мечтаний.

Изначально в первых годах внедрения интернет-технологий люди не доверяли этим инновациям, опираясь на традиционный опыт, ценности и бумажные книжные носители, однако в настоящее время в особенности молодёжь доверяет информации, располагаемой в виртуальных информационных ресурсах, социальных сетях, каналах распространяемой так называемыми блогерами, где чаще всего инфор-

мация может быть не только ложная, но и изменённая в один «клик». Виртуальная связь создаёт иллюзию уважения и доверия, тех самых необходимых чувств, объединяющих социум, превращая субъектов общества в бесчувственных существ, т. к. перед их взорами техника – монитор компьютера или экран смартфона. В случае возникновения какого-либо вопроса социум обращается к виртуальной колонке или помощнику в цифровом поисковике, минуя живого носителя информации. «Умная колонка», как её называют в народе, может выдать сведения, сгенерировав их из не-

достоверных источников информации из цифровой сети. Такие обстоятельства могут привести к депривации феномена авторитета и гуманитарных ценностей, веками передаваемых из поколения в поколение, что, в свою очередь, неминуемо приведёт к тотальному одиночеству, при котором возникнет утрата смысла жизни, а, соответственно, будущее будет вызывать риск и опасения, т. к. феномен авторитета может проявляться только в условиях живого социума.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // *Философия, этика, религиоведение*. 2008. № 1. С. 162–167.
2. Булдаков В. П. Красная Смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН: Президентский центр Б. Е. Ельцина, 2010. 957 с.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 485–528.
4. Вольтер. Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в Лондоне в 1765 году. Проповедь первая: об атеизме / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн // *Вольтер. Философские сочинения* / отв. ред. В. Н. Кузнецов. М.: Наука, 1988. С. 374–390.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках, и другие философские работы / пер. Г. Г. Слюсарева, С. Я. Шейнман-Топштейна. М.: Академический проект, 2011. 335 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. Я. И. Свирского. Екатеринбург; У-Фактория: М.: Астрель, 2010. 895 с.
7. Камад И. М. Обрядовая сторона культа Древней Греции. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 176 с.
8. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. I / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1965. 544 с.
9. Лютер М. 95 тезисов. Диспут о прояснении действительности индульгенций / пер. А. И. Рубана. СПб.: Герменевт, 1996. 62 с.
10. Мандевиль Б. Басня о пчёлах, или пороки частных лиц – блага для общества // Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. Т. 3 / пер. С. А. Мальцевой. СПб.: Петрополис, 1997. С. 724–727.
11. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения / под ред. М. П. Баскина. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 800 с.
12. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве / пер. Н. И. Конрада. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 480 с.
13. Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. С. Церетели. М.: АСТ, 2022. 799 с.

REFERENCES

1. Bobyрева E. V. [Religious Discourse: Values and Genres]. In: *Filosofiya, etika, religiovedenie* [Philosophy, Ethics, Religious Studies], 2008, no. 1, pp. 162–167.
2. Buldakov V. P. *Krasnaya Smuta: priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya* [The Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., Prezidentsky centr B. E. Elcina Publ., 2010. 957 p.
3. Weber M. Politics as a Vocation and Profession (Rus. ed.: *Politika kak prizvanie i professiya*. In: Weber M. *Izbrannoe: Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2012, pp. 485–528).

4. Voltaire. Edifying Sermons Delivered in a Private Meeting in London in 1765. Sermon One: On Atheism (Rus. ed.: Sheinman-Topshtein Ts. Ya., transl. *Nazidatel'nye propovedi, pročitannye v privatnom sobranii v Londone v 1765 godu. Propoved' pervaya: ob ateizme*. In: Voltaire. *Filosofskie sochineniya* [Philosophic Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 374–390).
5. Descartes R. Discourse on the Method of Correctly Directing One's Reason and Finding Truth in the Sciences and Other Philosophical Works (Rus. ed.: Slyusarev G. G., Sheinman-Topshtein Ts. Ya., transl. *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah i drugie filosofskie raboty*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2011. 335 p.).
6. Deleuze J., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia (Rus. ed.: Svirskoy Ya. I., transl. *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., Moscow, Astrel Publ., 2010. 895 p.).
7. Kamad I. M. *Obryadovaya storona kul'tov Drevnej Grecii* [Ritual side of the cults of Ancient Greece]. Moscow, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2006. 176 p.
8. Kant I. Works (Rus. ed.: Asmus V. F., ed. *Sochineniya. T. 4. Ch. I*. Moscow, Mysl Publ., 1965. 544 p.).
9. Luther M. 95 theses. Dispute on the clarification of the effectiveness of indulgences (Rus. ed.: Ruban A. I., transl. *95 tezisev. Disput o proyasnении dejstvennosti indulgencij*. St. Petersburg, Germeneyt Publ., 1996. 62 p.).
10. Mandeville B. The fable of the bees, or the vices of individuals are benefits for society (Rus. ed.: Mal'ceva S. A., transl. *Basnya o pcholah, ili poroki chastnyh lic – blaga dlya obshchestva*. In: Antiseri D., Reale J. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei. T. 3* [Western philosophy from its origins to the present day. Vol. 3]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997, pp. 724–727.).
11. Montesquieu Ch. L. Selected Works (Rus. ed.: Baskin M. P., ed. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1955. 800 p.).
12. Sun Tzu. Treatise on the Art of War (Rus. ed.: Konrad N. I., transl. *Traktat o voennom iskusstve*. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2015. 480 p.).
13. Hume D. Treatise on Human Nature (Rus. ed.: Cereteli S., transl. *Traktat o chelovecheskoj prirode*. Moscow, AST Publ., 2022. 799 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вердиев Эльшад Зафар оглы – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: elshad_verdiyev@yahoo.es

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elshad Zafar Verdiyev – Postgraduate Student, Department of Psychology and Philosophy; Tver State Technical University;
e-mail: elshad_verdiyev@yahoo.es

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вердиев Э. З. Социальная природа авторитета // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 79–91.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-79-91

FOR CITATION

Verdiyev E. Z. The Social Nature of Authority. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 79–91.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-79-91

УДК 141.3 + 003

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-92-102

ПАРАДОКС ГОГОЛЯ: КИБЕРНЕТИКА ДОРОГ И ХРОНОТОП РОССИИ

Ерёмченко Е. Н.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. С помощью анализа видимых сегодня противоречий в описании Гоголем дорог России сформулировать «парадокс Гоголя» и с его помощью проанализировать смысл дорог в системе управления Россией в эпоху Гоголя и сегодня, в ситуации угроз и вызовов, связанных с цифровизацией.

Процедура и методы. Исследование глубоко междисциплинарно и осуществляется с помощью свода общенаучных и узкодисциплинарных подходов и методов, среди которых центральное место занимают системный, диалектический, семиотический и холистический методы, а также метод выявления и анализа парадоксов.

Результаты. Продемонстрировано, что противоречие в описании дорог у Гоголя возникает в нашу эпоху из-за смены смысла и кибернетического назначения дорог вследствие прогрессирующей цифровизации. Показано, что происходящие изменения социотехногенного характера могут быть описаны в оптике понятия о хронотопе. Отмечено, что эти изменения были предвосхищены в российской культуре, предложившей Цифровую Землю и альтернативную беззнаковую архитектуру управления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость полученного результата заключается в реконструкции места дороги в создании национального хронотопа России, в констатации существования беззнаковых носителей информации и в возможности их практического использования в системах управления. Практический результат связан с крайней актуальностью освоения Россией в ситуации борьбы за глобальное доминирование новой сетевцентрической парадигмы управления, в основе которой лежит Цифровая Земля, и в пересмотре национального хронотопа.

Ключевые слова: Гоголь, дорога, не-знак, парадокс, пространственно-временная среда, хронотоп, Цифровая Земля

GOGOL'S PARADOX: CYBERNETICS OF ROADS AND CHRONOTOPE OF RUSSIA

E. Eremchenko*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119234, Russian Federation*

Abstract

Aim. By analyzing the contradictions visible today in Gogol's description of Russian roads, to formulate the "Gogol's paradox" and use it to analyze the meaning of roads in the Russian management system in the Gogol era and today, in a situation of threats and challenges associated with digitalization.

Methodology. The research is deeply interdisciplinary and is carried out using a set of general scientific and narrowly interdisciplinary approaches and methods, among which the central place is occupied by systemic, dialectical, semiotic and holistic methods, as well as the method of identifying and analyzing paradoxes.

Results. It is demonstrated that the contradiction in Gogol's description of roads arises in our era due to a change in the meaning and cybernetic purpose of roads resulting from progressive digitalization. It is shown that the ongoing social-technogenic changes can be described in the optics of the concept of chronotope. It is noted that these changes were anticipated in the Russian culture, which proposed the Digital Earth and an alternative signless management architecture.

Research implications. The theoretical significance of the obtained result lies in the reconstruction of the place of the road in the creation of the national chronotope of Russia, in the establishment of the existence of signless information carriers and in the possibility of their practical use in management systems. The practical result is associated with the extreme urgency of Russia's development in the situation of the struggle for the global dominance of a new network-centric management paradigm based on the Digital Earth, and in the revision of the national chronotope.

Keywords: Gogol, road, non-sign, paradox, spatial-temporal environment, chronotope, Digital Earth

Введение

«У России две беды: дураки и дороги» – этот хлёсткий афоризм обрёл широкую популярность в эпоху перестройки и может претендовать на право называться её девизом. Он предполагает долгую предысторию и воспринимается константой отечественной социальной и пространственной среды. Часто данный афоризм приписывается Н. В. Гоголю. Это, по всей видимости, неверно, но лишь с формальной точки зрения – высказывания подобного толка, правда, не доведённые до столь чеканных формулировок, действительно были расхожими и два столетия назад, и сегодня, их многократно высказывал и сам Гоголь. Этот афоризм можно счесть предельно сжатым, доведённым до максимальной образности конспектом «Мёртвых душ» – но лишь на первый взгляд.

Трактовка второй компоненты этого утверждения в обыденном сознании нашего современника проста и прозрачна – в России очень плохие дороги, так повелось спокон веку, и это одна из двух системных бед России. Вместе с тем столь буквальное понимание афоризма несовместимо с другими, прямо противоположными по смыслу высказываниями Гоголя в той же поэме. Раскрытие этого парадокса позволит прояснить смысл и диалектику развития концепта «дорога», а также понять особенности национальной социотехноприродной среды и в целом связь дорог с судьбой России.

Междисциплинарность исследования предполагает привлечение широкого спектра методов и подходов отдельных естественно-научных и гуманитарных дисциплин – географии, дистанционного зондирования, истории, кибернетики и т. д. Основой методологического свода являются общенаучные подходы и методы: диалектический, системный, сравнительный, семиотический. Центральное место занимают метод поиска, анализа и вскрытия парадоксов, а также холистический метод в различных его вариациях [26; 29].

Постановка и анализ проблемы

Сегодня считается, что афоризм «У России две беды: дураки и дороги» ввёл в оборот в 1980-е гг. М. Н. Задорнов, хотя сам он по неизвестной нам причине указывал его автором Н. В. Гоголя¹. Несмотря на это, гипотеза о двухсотлетней предыстории высказывания выглядит вполне правдоподобной по крайней мере во второй его компоненте – и сам Гоголь, и его современники в России и из-за рубежа² характеризовали российские дороги весьма схожим образом.

¹ Дураки и дороги. Афоризмы на любую тему: [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20130822081516/http://www.dushenko.ru/news/284106> (дата обращения: 14.04.2024).

² Распространено мнение о том, что побывавший в России Наполеон говорил: «в России нет дорог – только направления». См.: Наполеон I Бонапарт [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Наполеон_I_Бонапарт (дата обращения: 14.04.2024).

Казалось бы, российские дороги воспринимались и двести лет назад так же, как и сегодня многими нашими современниками – как откровенно плохие, тому примером масса анекдотов. Но, как ни странно, это сочеталось в ту эпоху с прямо несовместимой, диаметрально противоположной по смыслу их оценкой. Так, Гоголь в «Мёртвых душах» утверждал, что все русские в массе своей имели регулярный опыт быстрой езды и беззаветно любили такую. Очевидно, что полюбить быструю езду по плохим дорогам, неоднократно испытывав её на себе, совершенно невозможно. Хрестоматийным также стал гоголевский образ России как тройки, несущейся с огромной скоростью, – он столь же несовместим с представлением о плохих дорогах России. Парадокс – с одной стороны, дороги России массово характеризуются как очень, очень плохие. Но при этом, с другой стороны, они позволяли всем и каждому русскому регулярно испытывать неподдельный восторг, получать удовольствие от быстрой езды по ним и жаждать повторения этого опыта до степени, при которой эта потребность становится типологически значимым признаком русского. Отождествление России со стремительно несущейся куда-то тройкой обобщается у Гоголя до символа устойчиво опережающего развития государства, очевидного его обескураженным соседям и обусловленного именно способностью нестись долго, быстро и при этом бесп проблемно, в своё удовольствие. Парадокс сочетания двух прямо противоположных, несовместимых друг с другом представлений о русской дороге наиболее выпукло проявлен в поэме «Мёртвые души» и может быть по праву назван «парадоксом Гоголя».

Чтобы понять природу парадокса Гоголя, необходимо посмотреть на дороги с кибернетической точки зрения. В прежние эпохи дороги предназначались не только и не столько для перемещения материального (товаров, сырья, и т. д.) – они были единственно возможным каналом передачи информации с помощью характерных для каждого из её видов ма-

териальных носителей. Информация была неотторжима от вещества. Именно по дорогам циркулировали инструкции и приказы (в виде писем, депеш, требований и распоряжений, и т. д.), учётно-финансовая (в виде благородных металлов, монет, ассигнаций, пушной рухляди, сокровищ и т. д.), научно-технологическая (рукописные и печатные книги, чертежи, карты и т. д.), эстетическая (картины, скульптуры, ноты, декоративные изделия и т. д.) и иные виды информации. С постепенным отчуждением знаков от их специфических материальных носителей, начавшимся в XIX в. и окончательно завершившимся диссоциацией вещества и знаков на исходе XX в. [8], эта кибернетическая функция дорог окончательно ушла в прошлое. Это произошло уже на наших глазах; до этого дороги являлись не только аналогом сегодняшних шоссе и автострад – они выполняли ещё и функции современного интернета, и именно эта функция и являлась главной. Государство как архитектура управления кончалось там, где заканчивались его дороги. С утратой дорогами способности надёжно передавать информацию неизбежно происходило обособление и последующая технически обусловленная сепарация территорий.

Россия непрерывно уже на протяжении более чем четырёх столетий является крупнейшим в мире сухопутным государством. Его целостность, устойчивое и впечатляющее развитие всё это время обеспечивались надёжностью циркуляции информации по его дорогам. Удивительное и необъяснимое для иных стран отсутствие сепаратизма в России – даже предельно удалённые территории никогда не стремились к обособлению от единого государственного организма, хотя циркуляция информации между периферией и центром могла занимать годы – имело своим необходимым основанием надёжность информационной инфраструктуры, успешно поддерживавшей у жителей даже самых отдалённых окраин безусловное и естественное для них ощущение общерусской культурной идентичности. Россия была государством

с самыми длинными в мире дорогами, идеально исполнявшими свою целевую задачу – гарантированную циркуляцию информации между центром и периферией, и при этом проходившими исключительно по суверенной территории государства. В этом главном и единственно важном в ту эпоху смысле дороги России были лучшими, т. е. самыми протяжёнными в мире дорогами, и не имели себе аналогов за рубежом. Даже их недостатки в ту пору умело обращались в достоинства. Например, их сезонная проходимость была важным, если не важнейшим, элементом успешной оборонной стратегии русского государства. Обратной стороной такого режима государственного управления являлись крайняя централизация, низкая пропускная способность дорог, сдерживавшая торговлю, и длительность транспортировки информации – они были оптимизированы для решения иных, более важных задач.

Дороги в России воспринимались современниками Гоголя как «беда» не потому, что они были плохими, но потому, что они были очень хорошими и даже самыми хорошими, т. е. самыми длинными национальными дорогами в мире. Именно поэтому не возникало противоречия между, казалось бы, несовместимыми высказываниями: с одной стороны, опытом езды быстрой и оставляющей только приятные впечатления уездков, и, с другой стороны, чувством безысходной тоски от протяжённости дорог и их однообразия. При этом протяжённость дорог не была приговором для бескрайней страны, наоборот, она воспринималась как цивилизационный шанс для неё, поскольку открывала перспективу стремительного, опережающего развития, и Гоголь прямо подчёркивает очевидность этого и для него самого, и для сторонних зарубежных наблюдателей. Дороги России стали восприниматься именно как плохие только тогда, когда они передали телеграфу, радио и в итоге интернету кибернетическую функцию передачи информации и превратились из собственно дорог в технические сооружения, создание и эксплуатация которых требует известного

уровня технологической культуры, иных ценностных установок и соответствующей им промышленности. На смену дорогам как единой универсальной транспортной инфраструктуре пришли специфические типы транспортных систем, такие, например, как трубопроводный транспорт для передачи энергии, по-прежнему неотделимой от материальных носителей. Впрочем, проблема трансформации дорог выявилась в иную эпоху, была сопряжена с радикальным (и продолжающимся сейчас) изменением их смысла и назначения и требует отдельного глубокого рассмотрения. Парадокс же Гоголя позволяет понять взаимоотношенность пространственной и социальной сред России.

Под допускающим многообразие толкований термином «пространственная среда» [14] будем понимать социальное восприятие геопространства и его особенностей, а также его социоформирующую функцию. В этом плане он близок по содержанию понятию «хронотоп», выполняющему аналогичную функцию в произведениях искусства, но трактуемому эту среду в более широком смысле как пространственно-временную. Такая трактовка видится естественной в силу единой природы пространства и времени [23]. Поэтому представление о пространственной среде следует расширить до понятия «пространственно-временная среда» и рассматривать в оптике понятия о хронотопе.

Термин «хронотоп», подразумевающий единство временного и пространственного аспектов, был введён в начале XX в. русским физиологом А. А. Ухтомским как обобщение естественно-научных открытий того времени и позднее использован М. М. Бахтиным для обозначения фактора, формирующего жанровую специфику литературного произведения [2]. Именно в этом своём гуманитарном значении он вошёл в мировую науку [15], в то время как в естественных науках, наоборот, не прижился.

Концепция хронотопа предполагает, что в основе акта творчества лежит произвольное вычленение автором одного

пространственно-временного контекста из всего их бессчётного многообразия, существующего в геоцентрическом пространстве. Именно акт ограничения пространственных и временных рамок создаёт жанровую специфику произведения. Понятие хронотопа применимо не только к художественной литературе, но и к любым произведениям искусства и в целом к любой опосредованной знаками практике, например, рекламной деятельности [22] или к стратегическому управлению [28]. Поэтому примечательно, что вплоть до последнего времени он практически, за единичными и частными [13; 16] исключениями, не применялся для анализа наиболее, казалось бы, уместного для него типа произведений – географических карт, как раз и представляющих собой субъективный образ пространства-времени и являющихся поэтому хронотопами в самом прямом смысле. Хронотоп применим и к описанию особенностей социоприродного [3], погружённого в специфическую по объёму и по локализации, т. е. принципиально ограниченную пространственно-временную среду, представленную картами, и воспринимаемого через институт дорог. Эта пространственно-временная среда создаёт социальное, и в этом отношении искусство формирования народа, так же как и искусство создания художественного произведения, имеет своей основой правильное, предусмотрительное вычленение пространственно-временного резервуара.

Дороги задают хронотоп и поэтому сыграли в формировании русского видения мира немалую роль. Достаточно отметить очевидную близость терминов «дорога» и «дорогой», «дорого»¹, явно проявляющуюся в слове «дороговизна» и предполагающую определяющую роль транспортных издержек («дорого везти») в стоимости

товара на всей огромной равнинной территории исторической Руси со схожими природными условиями. Тот факт, что эта вполне прозрачная этимология зачастую игнорируется, говорит о глубокой укоренённости представления о дороге в бессознательном. Дорога является национальным архетипом, основанием экономической модели развития России, субъективной ценностью для русского и активом стратегического развития государства. Идея дороги «как таковой» воплощена в традиционных хронотопах – географических картах. Карты задают плоское, масштабное и тематически фрагментированное, статичное представление пространства, в котором обстановка локализована лишь азимутально, по сторонам света, т. е. привязана к ведущим на все стороны дорогам, а объём доступной для анализа информации о регионе зависит от масштаба карты и тем меньше, чем длиннее отображаемая на ней дорога. Дорога в органичном сочетании с задаваемой ею временной моделью циркуляции информации в виде перевозимых по ней знаков, в которой низкая скорость и пропускная способность сочетаются с надёжностью и неотвратимостью её регулярной циркуляции между центром и периферией, сформировала пространственно-временное единство – хронотоп России. Он, помимо своей социоформирующей роли, определяет также способность социума к устойчивому управлению с адаптацией к непредсказуемым вызовам.

Дискуссия

Бескрайние просторы России в сочетании с тысячелетней историей государственности сформировали органично соотвествовавшую российскому хронотопу вплоть до конца XX в. концепцию дороги. Она была максимально оптимизирована к потребностям России в обеспечении устойчивого централизованного управления. Но техногенная трансформация дорог, нашедшая своё закономерное завершение в диссоциации знаков и их вещественных носи-

¹ Несмотря на свою очевидность, эта связь зачастую игнорируется в этимологии. Например, в этимологическом словаре М. Фасмера слово «дорогой» увязывается многочисленными параллелями с различными языками, но при этом возможная связь со словом «дорога» не приводится. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. С. 531.

телей с появлением интернета на рубеже XX–XXI вв. и окончательно лишившая дороги их прежнего смысла и назначения, разрушила равновесие и складывавшуюся веками пространственно-временную среду России, а вместе с ней и среду социальную, задаваемую воплощённым в картах российским хронотопом. То, что ранее являлось фактором силы, в новой реальности стало фактором угрозы. Российское бессознательное оказалось поставлено перед радикально новыми вызовами – важнейшим стала смена принципа управления с централизованного командного на децентрализованный сетцентричный [20]. Поэтому особенно примечательно, что именно в России грядущие перемены разглядели заранее. И природа, и масштаб этого вызова, и возможная реакция на него были заблаговременно предвосхищены в русской культуре, радикально переосмыслившей национальный хронотоп и показавшей потенциальную возможность (и необходимость) адаптации к новой реальности и актуальным вызовам с выработкой новых, органичных изменившимся технологическим реалиям установок, в которых знаки утрачивают монополию на управление. Особенно важно, что такое предвосхищение стало, по всей видимости, первым в истории и уже признано в этом качестве мировым научным сообществом [17; 24].

Этим предвосхищённым в России новым подходом к управлению стала Цифровая Земля (Digital Earth) – не ограниченный условностями картографического метода, внесквозмерный, всеракурсный, глобальный образ обстановки в не опосредованном условностями виде [17; 25]. Наиболее известным примером практического воплощения Цифровой Земли является геосервис Google Earth, появившийся в 2005 г. Главной особенностью нового подхода, сделавшей его возможным, стало использование беззнаковых средств формирования образа пространственной среды [8]. До появления Цифровой Земли знаки считались единственно возможным, базальтернативным носителем инфор-

мации [27]. Признание наличия иных, не семиотических носителей информации привело к необходимости введения представления о «нулевых знаках», или «незнаках», как альтернативы знакам, находящейся вне пределов семиотического.

Официальным автором концепции Цифровой Земли считается вице-президент (1993–2001) США А. Гор, сформулировавший её в 1998 г. [21]. Однако задолго до него эта идея была неоднократно предвосхищена в России. Наиболее бесспорным по убедительности стало описание будущей Цифровой Земли в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в 1920–1930 гг. В «волшебном глобусе» как атрибуте инстанции, осуществляющей филигранное и безошибочное управление глобальной обстановкой, автор до мельчайших деталей предугадал вид и возможности будущей Цифровой Земли, особо выделив её главное свойство – беззнаковость. До Булгакова идея внесквозмерности информационных систем была предвосхищена Л. Н. Толстым в романе «Война и Мир» [7]. Одновременно с Булгаковым выдающийся русский философ А. Ф. Лосев описал основы не опосредованного знаками восприятия обстановки в современном мире в работе «Неоплатонизм, изложенный ясно, как Солнце» [10], а А. А. Ухтомский и позднее М. М. Бахтин обратились к понятию о хронотопе как фундаменту восприятия мира в живых системах, в искусстве, в реальном управлении и в принятии решений [9].

Все эти работы объединяет содержащаяся в них идея о необходимости представления информации в едином, нефрагментированном пространственно-временном контексте, и её чувственного, не опосредованного какими-либо знаковыми условностями, восприятия. Обе эти особенности позднее, в 1990-е гг., будут теоретически обоснованы М. Эндсли [19] в качестве необходимых условий эффективного принятия решений и контроля быстро меняющейся обстановки – режима ситуационной осведомлённости [18] и затем реализованы в Цифровой Земле [11]. В ней радикаль-

но пересматривается уже не хронотоп, но самая потребность в нём. Ранее сколь угодно обширный, но ограниченный контекст теперь перестаёт быть контекстом, поскольку становится равен всему геоцентрическому пространству как резервуару бесщётного множества всех возможных хронотопов, но самому хронотопом не являющемуся. Пространственные пределы осознания обстановки в виде рамок карт или границ, на которых завершаются дороги страны, уходят в прошлое, им на смену приходит целостное глобальное мировосприятие [1]. Для художественного произведения это равносильно утрате его основы, жанра. Для народа это равнозначно переходу на качественно новый уровень восприятия планеты как единого целого, не ограниченного какими-либо пределами [4]. Для России это связано с избавлением от гипнотизма хронотопа дороги и переходу к осознанию глобальности мира как в повседневной деятельности, так и в долгосрочном целеполагании. Диалектическое снятие парадокса Гоголя ведёт к синтезу из противоположностей нового видения обстановки, в которой формируется будущее.

Новое качество достигается в Цифровой Земле за счёт использования беззнаковых средств. Это цивилизационная новация исключительной значимости, но особенно она важна, по-видимому, для русской культуры.

В начале XX в. академик И. П. Павлов описал проблемы русского ума, выявившиеся в эпоху новых вызовов для России. Одним из главных его недостатков он указал предпочтение, отдаваемое семиотически опосредованной, формализованной информации в ущерб прямому восприятию фактов реальности¹. Эта особенность органична прежнему национальному хронотопу, представлявшему Россию в виде карты дорог и сводившему информацию к её исключительно знаковой, циркулирующей по дорогам в виде написанных команд и распоряжений, компоненте. Ранее, в эпо-

ху «просто дорог», такое восприятие вполне соответствовало задачам обеспечения устойчивого развития государства. Теперь с диссоциацией знаков и их материальных носителей стала очевидной необходимость деформализованного, холистичного видения мира. Цифровая Земля является первым в истории практическим шагом к восприятию мира во всей его целостности [6] благодаря избавлению от монополии знаков как посредников между субъектом и реальностью, и поэтому является долгожданным средством для избавления русского народа от отмеченной Павловым и проявившейся в виде «парадокса Гоголя» уязвимости и одновременно с этим инструментом конструирования собственно будущего.

Заключение

Парадокс Гоголя возникает в реалиях XX в. при восприятии органичных для эпохи автора «Мёртвых душ» характеристик дорог как когнитивно несовместимых друг с другом. Он является следствием произошедшей за это время качественной трансформации социотехноприродного облика русских дорог, связанной с утратой основной их кибернетической функции. Парадокс Гоголя обладает значительным эвристическим потенциалом и позволяет осознать диалектику исторического развития России (и мира в целом) и её социотехноприродной среды как кибернетической машины, а также избавления русского национального самосознания от сдерживающих его развитие архаичных хронотопных рамок и перехода к многократно предвосхищённому в работах русских мыслителей этапу холистичного мировосприятия в виде Цифровой Земли [5] – условию сохранения национальной идентичности в ситуации исключительных по масштабу и новизне вызовов и угроз, сопровождающих процесс цифровизации.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024.

¹ «...русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует» [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Батури́н Ю. М. Праобразы и прообразы ноосферы: «Цифровая Земля» как прототип // Наука и техника: вопросы истории и теории: материалы XLIV Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук, Санкт-Петербург, 23–27 октября 2023 г. СПб.: Скифия-принт, 2023. С. 24–37.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэзии // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121–291.
3. Дергачева Е. А. Социоприродная проблематика в современной глобалистике // Философия и общество. 2008. № 3 (51). С. 109–122.
4. Дергачева Е. А. Концепция глобализации в контексте социотехноприродного развития // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 16–22.
5. Дергачева Е. А. Цифровая Земля: от идей к воссозданию виртуальной копии планеты // Геоконтекст. 2020. Т. 8. № 1. С. 5–16. DOI: 10.30987/2686-8326-2020-5-16
6. Дергачева Е. А., Колесник Т. А. Научно-философские проблемы образования в системе Цифровой Земли // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 233–246.
7. Ерёмченко Е. Н. Предыстория концепции Цифровой Земли // Геоконтекст. 2019. № 7 (1). С. 44–53.
8. Ерёмченко Е. Цифровая Земля: геопространственная революция и её мировоззренческие последствия // Логос. 2023. Т. 33. № 1 (152). С. 221–241. DOI: 10.22394/0869-5377-2023-1-221-240
9. Ерёмченко Е. Н. Неоплатонизм, изложенный ясно как солнце, и Цифровая Земля // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17. № 2. С. 197–209. DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-197-209
10. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Неоплатонизм, изложенный ясно, как Солнце // Контекст: литературно-теоретические исследования. 2003. С. 269–288.
11. Носов Н. В. Историография проекта «Цифровая Земля» и этапы развития // История науки и техники: источники, памятники, наследие: четвёртые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 300-летию Российской академии наук: материалы международной научной конференции, Москва, 7–8 ноября 2023 г. Иваново: ПресСто, 2023. С. 213–215.
12. Павлов И. П. Об уме, о русском уме в частности [Электронный ресурс] // Природа. 1999. № 8. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/ECCE/MIND.HTM> (дата обращения: 12.05.2024).
13. Преображенский Ю. В. Хронотоп в современном географическом дискурсе // Вестники Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2017. № 3. С. 65–73
14. Силанян К. Г. Пространственная среда как социокультурный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2002. 162 с.
15. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives / ed. N. Bemong, P. Borghart, M. De Dobbeleer, K. Demoen, K. De Temmerman, B. Bart Keunen // Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives: Proceedings of the workshop, 27–28 June 2008. New York: Academia Press, 2010. 213 p.
16. Chronotopic Cartography: Mapping Literary Time-Space / S. Bushell, J. Butler, D. Hay, R. Hutcheon, A. Butterworth // Journal of Victorian Culture. 2021. Vol. 26. Iss. 2. P. 310–325. <https://doi.org/10.1093/jvcult/vcab004>
17. Digital earth: yesterday, today, and tomorrow / A. Annoni, S. Nativi, A. Çöltekin, C. Desha, E. Eremchenko, C. Gevaert, et al. // International Journal of Digital Earth. 2023. № 16 (1). P. 1022–1072. DOI: <https://doi.org/10.1080/17538947.2023.2187467>
18. Digital Earth's Nervous System for Crisis Events: Real-Time Sensor Web Enablement of Volunteered Geographic Information / B. De Longueville, A. Annoni, S. Schade, N. Ostlaender, C. Whitmore // International Journal of Digital Earth. 2010. № 3 (3). P. 242–259.
19. Endsley M. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems // Human Factors. 1995. № 37 (1). P. 32–64.
20. Faguet J.-P. Decentralization and governance [Электронный ресурс] // Economic Organisation and Public Policy Discussion Papers, EOPP 027. London, London School of Economics and Political Science, 2011. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/37346> (дата обращения: 14.04.2024).
21. Gore A. The Digital Earth: Understanding our planet in the 21st Century [Электронный ресурс]. Al

- Gore speech at California Science Center, Los Angeles, California, on January 31, 1998. URL: <http://www.zhanpingliu.org/research/terrainvis/digitalearth.pdf> (дата обращения: 14.04.2024).
22. Kaftandjiev Ch. N., Ukhova L. V. Mikhail Bakhtin's chronotope: signs of time and space in advertising from the point of view of semiotics // *Media Linguistics*. 2018. № 5 (4). P. 494–520. DOI:10.21638/spbu22.2018.409
 23. Kant I. *Critique of Pure Reason* / trans. N. K. Smith. London: Palgrave Macmillan, 2006 (2nd Edition). 735 p.
 24. Komac B., Gašperič P. Cartographic time travel: Reflecting the past, defining the present, and challenging the future using old maps // *Acta Geographica Slovenica*. 2023. № 63 (2). C. 9–21. DOI: 10.3986/AGS.13292
 25. Liu Z., Foresman T., van Genderen J., Wang L. *Understanding Digital Earth* // *Manual of Digital Earth* / eds. Guo H., Goodchild M. F., Annoni A. Singapore: Springer, 2022. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9915-3_1
 26. Selye H. *From Dream to Discovery. On Being a Scientist*. London: McGraw-Hill Publishing Company Limited, 1964. 418 p.
 27. Solomonick A. *The Modern Theory of Cognition*. Cambridge: Scholars Publishing, 2021. 247 p.
 28. Vaara E., Reff P. A. Strategy and chronotopes: a Bakhtinian perspective on the construction of strategy narratives // *M@n@gement*. 2013. № 16. P. 593–604. DOI: 10.3917/mana.165.0593
 29. Zeyer A. Scientific Holism: A Synoptic ("Two-Eyed Seeing") Approach to Science Transfer in Education for Sustainable Development, Tested with Pre-Service Teachers // *Sustainability*. 2024. № 16. P. 2279. DOI: 10.3390/su16062279

REFERENCES

1. Baturin Yu. M. [Pre-images and prototypes of the noosphere: "Digital Earth" as a prototype]. In: *Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii: materialy XLIV Mezhdunarodnoj godichnoj nauchnoj konferencii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossijskogo nacional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki Rossijskoj akademii nauk, Sankt-Peterburg, 23–27 oktyabrya 2023 g.* [Science and Technology: Questions of History and Theory: Proceedings of the XLIV International Annual Scientific Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, October 23–27, 2023]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2023, pp. 24–37.
2. Bakhtin M. M. [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetry]. In: *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary Critical Articles]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1986, pp. 121–291.
3. Dergacheva E. A. [Socio-natural problems in modern globalistics]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2008, no. 3 (51), pp. 109–122.
4. Dergacheva E. A. [The concept of globalization in the context of socio-technonatural development]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika* [Bulletin of Moscow University. Series 27: Globalistics and Geopolitics], 2015, no. 3–4, pp. 16–22.
5. Dergacheva E. A. [Digital Earth: from ideas to recreating a virtual copy of the planet]. In: *Geokontekst* [Geocontext], 2020, vol. 8, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.30987/2686-8326-2020-5-16.
6. Dergacheva E. A., Kolesnik T. A. [Scientific and philosophical problems of education in the Digital Earth system]. In: *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South-Russian State Technical University. Series: Social and Economic Sciences], 2022, vol. 15, no. 2, pp. 233–246.
7. Eremchenko E. N. [Prehistory of the Digital Earth Concept]. In: *Geokontekst* [Geocontext], 2019, no. 7 (1), pp. 44–53.
8. Eremchenko E. [Digital Earth: The Geospatial Revolution and Its Worldview Implications]. In: *Logos*, 2023, vol. 33, no. 1 (152), pp. 221–241. DOI: 10.22394/0869-5377-2023-1-221-240
9. Eremchenko E. N. [Neoplatonism, Stated Clearly as the Sun, and the Digital Earth]. In: *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences], 2024, vol. 17, no. 2, pp. 197–209. DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-197-209
10. Losev A. F., Taho-Godi A. A. [Neoplatonism, stated as clearly as the Sun]. In: *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context: literary and theoretical studies], 2003, pp. 269–288.

11. Nosov N. V. [Historiography of the Digital Earth project and stages of development]. In: *Istoriya nauki i tekhniki: istochniki, pamyatniki, nasledie: chetyvortye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 300-letiyu Rossijskoj akademii nauk: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 7–8 noyabrya 2023 g.* [History of science and technology: sources, monuments, heritage: fourth readings on historiography and source study of the history of science and technology: on the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences: materials of the international scientific conference, Moscow, November 7–8, 2023]. Ivanovo, PresSto Publ., 2023, pp. 213–215.
12. Pavlov I. P. [On the mind, on the Russian mind in particular]. In: *Priroda* [Nature], 1999, no. 8. Available at: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/ECCE/MIND.HTM> (accessed: 12.05.2024).
13. Preobrazhenskiy Yu. V. [The Chronotop in modern geographical discourse]. In: *Vestniki Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya i geoekologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Geography and geoecology], 2017, no. 3, pp. 65–73
14. Silanyan K. G. *Prostranstvennaya sreda kak sociokul'turnyj fenomen: dis. ... kand. filos. nauk* [Spatial environment as a socio-cultural phenomenon: Cand. Sci. in Philosophy]. Krasnodar, 2002. 162 p.
15. Bemong N., Borghart P., De Dobbeleer M., Demoen K., De Temmerman K., Bart Keunen B., eds. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives: Proceedings of the workshop, 27–28 June 2008. New York, Academia Press, 2010. 213 p.
16. Bushell S., Butler J., Hay D., Hutcheon R., Butterworth A. Chronotopic Cartography: Mapping Literary Time-Space. In: *Journal of Victorian Culture*, 2021, vol. 26, iss. 2, pp. 310–325. <https://doi.org/10.1093/jvcult/vcab004>
17. Annoni A., Nativi S., Çöltekin A., Desha C., Eremchenko E., Gevaert C., et al. Digital earth: yesterday, today, and tomorrow. In: *International Journal of Digital Earth*, 2023, no. 16 (1), pp. 1022–1072. DOI: 10.1080/17538947.2023.2187467
18. De Longueville B., Annoni A., Schade S., Ostlaender N., Whitmore C. Digital Earth's Nervous System for Crisis Events: Real-Time Sensor Web Enablement of Volunteered Geographic Information. In: *International Journal of Digital Earth*, 2010, no. 3 (3), pp. 242–259.
19. Endsley M. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems. In: *Human Factors*, 1995, no. 37 (1), pp. 32–64.
20. Faguet J.-P. Decentralization and governance. In: *Economic Organisation and Public Policy Discussion Papers, EOPP 027*. London, London School of Economics and Political Science, 2011. Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/37346> (accessed: 14.04.2024).
21. Gore A. The Digital Earth: Understanding our planet in the 21st Century. Al Gore speech at California Science Center, Los Angeles, California, on January 31, 1998. Available at: <http://www.zhanpingliu.org/research/terrainvis/digitalearth.pdf> (accessed: 14.04.2024).
22. Kaftandjiev Ch. N., Ukhova L. V. Mikhail Bakhtin's chronotope: signs of time and space in advertising from the point of view of semiotics. In: *Media Linguistics*, 2018, no. 5 (4), pp. 494–520. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.409>
23. Kant I. Critique of Pure Reason / trans. N. K. Smith. London, Palgrave Macmillan, 2006 (2nd Edition). 735 p.
24. Komac B., Gašperič P. Cartographic time travel: Reflecting the past, defining the present, and challenging the future using old maps. In: *Acta Geographica Slovenica*, 2023, no. 63 (2), pp. 9–21. DOI: 10.3986/AGS.13292
25. Liu Z., Foresman T., van Genderen J., Wang L. Understanding Digital Earth // Guo H., Goodchild M. F., Annoni A., eds. Manual of Digital Earth. Singapore: Springer, 2022. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9915-3_1
26. Selye H. *From Dream to Discovery. On Being a Scientist*. London, McGraw-Hill Publishing Company Limited, 1964. 418 p.
27. Solomonick A. The Modern Theory of Cognition. Cambridge, Scholars Publishing, 2021. 247 p.
28. Vaara E., Reff P. A. Strategy and chronotopes: a Bakhtinian perspective on the construction of strategy narratives. In: *M@n@gement*, 2013, no. 16, pp. 593–604. DOI: 10.3917/mana.165.0593
29. Zeyer A. Scientific Holism: A Synoptic (“Two-Eyed Seeing”) Approach to Science Transfer in Education for Sustainable Development, Tested with Pre-Service Teachers. In: *Sustainability*, 2024, no. 16, pp. 2279. DOI: 10.3390/su16062279

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ерёмченко Евгений Николаевич – научный сотрудник регионального центра мировой системы данных по географии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: eugene.eremchenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eugene N. Eremchenko – Scientific Researcher, Regional Geography World Data System Center, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: eugene.eremchenko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ерёмченко Е. Н. Парадокс Гоголя: кибернетика дорог и хронотоп России // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 92–102.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-92-102

FOR CITATION

Eremchenko E. N. Gogol's Paradox: Cybernetics of Roads and Chronotope of Russia. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 92–102.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-92-102

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-103-110

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Климов С. Н., Минаев Д. Н.*Российский университет транспорта**127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Представить проблемно-противоречивое поле, возникающее на стыке онтологии и социальной теории, преодоление которого требуется для социально-философского понимания современной общественной действительности.

Процедура и методы. Исследование основано на принципах диалектики и регулятивных правилах логической социологии. Созданию статьи предшествовали теоретико-методологическая работа с источниками и философский анализ языка и ключевых понятий, связанных с исследованием сознания. Внесение наглядности в теоретические построения осуществляется за счёт обращения к феноменологическим примерам. Гипотетико-дедуктивный стиль рассуждения данной работы обуславливается необходимостью обнаружить концептуальные триггеры и высветить проблемные грани философии сознания в контексте анализа современного общества.

Результаты. В статье ставится проблема влияния жизненного уклада современного постиндустриального общества на сознание людей. Проводится предварительный терминологический анализ понятий, связанных с философией сознания и необходимых для решения концептуальных задач в области понимания когнитивных факторов существования социальной реальности. Начиная от идеи «органа общего чувства» и вплоть до теории «единого рабочего пространства», в ключевых моментах рассматривается генезис формирования смыслового содержания концепта сознания как синтетической способности, формирующей целостность и связанность психического опыта. Затрагиваются основные трудности понимания того, что такое сознание в контексте общенаучного и социально-философского познания, такие как отсутствие комплексной теории информации и природы субъективного опыта. В этой связи особо заостряется внимание на социально-политических последствиях экстраполяции выводов сторонников компьютерного функционализма для общественной практики. В итоге авторы стремятся подчеркнуть важность дальнейшего развития понимания диалектики индивидуального и общественного сознания в новых реалиях современного мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Классически проблема сознания считается предметом, лежащим в области онтологии и гносеологии. В данной работе был отражён её острый социально-философский аспект, который невозможно игнорировать при осмыслении современной общественной действительности.

Ключевые слова: действительность, информация, сознание, социальная теория, социальная философия

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF MODERNITY

S. Klimov, D. Minaev*Russian University of Transport**ul. Obratsova 9 bld. 9, Moscow 127994, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reflect the problematic field arising at the intersection of ontology and social theory, the overcoming of which is required for a philosophical understanding of modern social reality.

Methodology. The research is based on the principles of dialectics and regulative rules of logical sociology. The creation of the article was preceded by methodical work with sources and a philosophical analysis of the language and key concepts associated with the study of consciousness. The introduction of visualization into theoretical constructions is carried out by referring to phenomenological examples. The hypothetical-deductive style of reasoning in this work is determined by the need to detect conceptual triggers and to highlight the problematic facets of the philosophy of mind in the context of the analysis of modern society.

Results. The article raises the problem of the influence of the way of life of the modern post-industrial society on the consciousness of people. A preliminary terminological analysis of concepts related to the philosophy of consciousness and necessary for solving conceptual problems in the field of understanding the cognitive factors of the existence of social reality is carried out. Starting from the idea of “an organ of common feeling” and up to the theory of “single working space”, the genesis of the formation of the semantic content of the concept of consciousness as a synthetic ability that forms the integrity and coherence of mental experience is considered at key points. The main difficulties of understanding what consciousness is in the context of general scientific and socio-philosophical knowledge, such as the lack of a comprehensive theory of information and the nature of subjective experience, are touched upon. In this regard, attention will be especially focused on the socio-political consequences of extrapolation of the conclusions of the supporters of computer functionalism for social practice. Ultimately, the authors seek to emphasize the importance of further developing the understanding of the dialectics of individual and social consciousness in the new realities of the modern world.

Research implications. Classically, the problem of consciousness is a subject lying in the field of ontology and epistemology. In this article, we reflected its acute socio-philosophical aspect, which cannot be ignored when comprehending modern social reality.

Keywords: reality, information, consciousness, social theory, social philosophy

Сознание не есть то, чем оно кажется. Что же в нём сознать?

Хун Цзычэн

Введение

Современный мир находится в процессе глобальных трансформаций, скорость которых необратимо растёт. В результате распространения новых цифровых технологий радикально меняются не только повседневная жизнедеятельность и хозяйственные отношения, но и интеллектуальная сфера, и психическая организация людей. Характер цифровой экономики в большей степени направлен на реализацию покупательной активности через вовлечение психической сферы человека в беспрецедентное обилие информации и форм её передачи. Рынок товаров и услуг сейчас существенным образом отличается от системы торговли в индустриальную эпоху.

Качество и польза в современном укладе уже не являются решающими факторами для реализации продукта. Они в большей степени зависят от информационной поддержки «историй и образов», которая, в свою очередь, реализуется посредством технологий сбора данных и различных приёмов психологического воздействия и привлечения внимания потребителей.

Общественная жизнь в постиндустриальном цифровом социуме также не сводится к непосредственному взаимодействию индивидов и во многом состоит из дистанционных коммуникаций, посредниками в которой выступают технические устройства. В отличие от механизмов ин-

дустриальной эпохи цифровые технологии в большей степени требуют напряжения психических способностей и усилий, нежели физического труда, «эксплуатируя» в первую очередь сознание и внимание людей. Но эти же технологии выступают символом последовательного освобождения цивилизованного человека от необходимости труда уже не в физическом, а в интеллектуальном плане [6].

Социальные сети и дистанционные формы обучения, ведение документооборота, а также все виды онлайн общения предполагают погружение сознания человека в виртуальную действительность, отличную от привычной предметной среды предыдущих эпох. На наших глазах все сферы общественной жизни испытывают серьёзные метаморфозы, в результате чего возникает новая социальная действительность. На основе этого представляется возможным сформулировать гипотезу, что нечто подобное должно происходить как с психической морфологией отдельного человека, так и с психологией широких общественных масс.

Проблема сознания

Исследования влияния цифровой действительности на индивидуальное сознание могут осуществляться различными научными дисциплинами, в первую очередь затрагивая объектную область социальной психологии. Тем не менее, сложный междисциплинарный характер данного предмета требует высокой степени обобщения уже имеющихся знаний, что указывает на необходимость философской рефлексии данного феномена. Когда речь идёт о важнейших вопросах, касающихся природы человека и общества, узкоспециализированный характер научного исследования также нуждается в обобщении и мировоззренческом уровне осмысления полученных знаний, как и современная философия в опоре на достижения естествознания.

Математик и философ мистик XX в., Франклин Меррелл-Вольф, заметил, что «печальное состояние большинства со-

временных школ философии преимущественно объясняется тем, что развитие критического анализа не уравновешивается соответствующим инсайтом» [7, с. 8]. Возможно, если внимательнее приглядеться к развитию проблематики философского критического анализа на протяжении последних столетий, можно заметить, что оно во многом символически предвосхищает тот момент, когда проблема сознания становится центральной темой интеллектуальных усилий научного сообщества. Однако, как часто бывает с философскими вопросами, пристальное внимание к данной теме – это путь в лабиринт познавательных трудностей и загадок, по которому приходится блуждать человеческому разуму, стремящемуся раскрыть тайны собственной природы.

Помимо обобщения массивов научных достижений в области социальной психологии и когнитивных наук философия также является идейным пространством, в котором человеческая мысль совершенствует собственную форму выражения. Рабочий материал философии – это общие понятия, возникающие из стихии живого повседневного языка, строгое определение смысла которых является важнейшей задачей философского мышления. В своё время Л. С. Выготский заметил, что за любым термином стоит определённая теория, а любая теория всегда выражается в терминах [3]. Если, исходя из этого принципа, проанализировать морфологию понятия «сознание», мы увидим, что эта категория имеет нетривиальный набор значений и необычную судьбу терминологического становления. Несмотря на широкое использование в науке и философии, значение данного понятия не поддаётся простому и ясному определению. С одной стороны, оно органично рождается из стихии языка, будучи естественным отражением человеческого самопознания, в пользу чего говорит наличие семантических аналогов его в различных интеллектуальных традициях. Например, эквивалентное значение русскому слову «сознание» имеет санскритское многосложное существи-

тельное “vijñāna”, состоящее из приставки “vi” (раз) и корня “jñāna” (знание), которое мы встречаем в классических индийских текстах. В сутрах и шастрах¹ этот термин, как правило, обозначает психическую способность интегрировать и распознавать данные органов чувств (скр. indri) и ментальные образы (vikalpa). Когда каноники махаяны переводили буддийские тексты на китайский, они транслировали “vijñāna” старинным написанием иероглифа 心 “синь” (с китайского - сердце), что соответствовало представлению натурфилософов Поднебесной об органе постижения телесных и умственных состояний, сосредотачивающем внутренние и внешние переживания личности. Например, выдающийся знаток даосских текстов В. В. Малявин переводит фразу Гуань-цзы (III д. н. э.) о «сокровенном сердце» следующим образом: «Это сознание в сознании подобно мысли, предваряющей слова и образы» [6, с. 14]. Овладеть собственным «сердцем» значит стать господином своего ума, что позволяет определять собственную жизнь и поведение, а значит – победить омрачения и обусловленные болезненные невротические состояния.

В понятийном инструментарии ранней философии физиков нет прямых аналогов понятию «сознание», и эта лакуна восполнена Аристотелем в его исследованиях природы души, который первым сформулировал концепцию, содержащую описание особой способности души объединять различные модальности внешнего и внутреннего восприятия. Эту функцию души Стагирит называл “κοινὴ αἴσθησις” [11, pp. 250–276.] или «общим чувством», что впоследствии в западной христианской традиции было переведено как “sensus interior” (лат. ‘внутреннее чувство’). Концепт «внутреннего чувства» семантически связан с латинским понятием “conscientia” (лат. ‘совесть’). Близкую смысловую нагрузку в немецком языке не-

сёт слово “Bewusstsein”. Данное понятие в значении способности человека отдавать отчёт о собственной душевной жизни и действиях с нравственной точки зрения оформляется в языке протестантского богословия и затем наследуется германской философией.

Таким образом, мы можем констатировать, что логика развития философского языка в описании психологических феноменов приводит к образованию термина, значение которого связано с различением содержания субъективного опыта и интроспективной осведомлённости личности о собственных переживаниях. На основе этой свойственной человеку способности возможны нравственный выбор и осмысленное поведение, а, следовательно, личная ответственность и свобода действий. Таким образом, следует отметить, что это одно из базовых значений понятия сознания, которое оформилось в процессе развития в разных языках и может быть семантически сопоставимо по смыслу, представляя результат самопознания, возникающий в развитии интеллектуальной культуры.

С точки зрения социально-философского исследования современности стоит подчеркнуть, что сознание – это то, что позволяет субъекту осуществлять селекцию собственных переживаний и действий. Таким образом, психическая субъектность задаётся свойством быть сознающим, осмысленно подходить к своим действиям и побуждениям. Кроме того, именно в сознании осуществляется синтетическая связанность психических переживаний и их качественная определённости в единый поток преемственности опыта, что определяет целостность личности как таковой. Когда человек видит яблоко, чувствует кожей его поверхность и пробует его на вкус, он может не задумываться о том, что все эти ощущения представляют собой модальные сигналы, сообщающие о мире на пяти непередаваемых друг на друга языках. Зрительный образ и тактильный сигнал, как и «сладкое» или «кислое», – это такие измерения реальности, которые совер-

¹ Разновидности трактатов, как правило, религиозно-философского или протонаучного содержания, возникающих в рамках мировоззренческих традиций Индии (darśana)

шенно не поддаются конвертации, и, как заметил И. Кант, их данность в единстве психического феномена требует особой синтетической способности ума.

Этот аспект умственной деятельности, выраженной в способности интегрировать различные информационные потоки в единое поле психического опыта, находит своё развитие в когнитивной теории «глобального рабочего пространства» (англ. *global workspace theory*) современного американского нейробиолога Б. Баарса [2]. Впоследствии данная теория нашла своё нейрофизиологическое развитие и обоснование уже в современной нейрональной теории функционирования сознания [1, с. 58]. При всех явных достоинствах и достоверности выводов данной теории нет ясности, как возможен переход от информационных процессов клеточных структур к личному субъективному знанию от первого лица. Сущность субъективного опыта, которая заключается в непосредственном переживании собственных качественных состояний, остаётся за гранью объяснения. Другими словами, данная теория не позволяет дать однозначный ответ на вопрос: кто этот субъект, способный знать собственные переживания как свои личные состояния? Но в определённом смысле она объясняет, как это происходит. Современная ситуация ставит перед философским познанием необходимость определить отличие субъективного опыта осмысления информации, свойственного обладающим сознанием существам, от её автоматической обработки вычислительными программами, такими как устройства, осуществляющие селекцию и компиляцию данных бессознательно (по типу калькулятора, проводящего свои операции с числами).

Но что, если сознание – это такое же операционное свойство, как и память, и вычислительные функции? Тогда отличие человеческого интеллекта от программ, построенных на алгоритмах глубокого обучения, не носит сущностного характера? Возможно, неслучайно в таком влиятельном направлении XX в., как бихевиоризм,

понятие «сознание» выносится за рамки научного языка и отправляется в «чёрный ящик». Подобная точка зрения и сейчас активно отстаивается сторонниками компьютерного функционализма, наиболее известным из которых является американский философ Д. Деннет, утверждающий, что необнаружимость сознания научными методами является достаточным основанием для отрицания его существования как такового. Таким образом, все живые существа, включая людей, не обладают собственной субъективной реальностью, демонстрируя лишь иллюзию разумности, потому что так запрограммированы «матерью Природой» [10, с. 196]. Тогда необходимо утверждать, что в реальности не существует осознанного поведения, как и любых форм рефлексии и самосознания. Вся человеческая культура, которая во многом является эхом существования субъективных переживаний и опыта осмысления мира, также должна в таком случае рассматриваться лишь как следствие автоматических реакций, происходящих в «полной субъективной темноте» [12, р. 44].

С онтологической точки зрения подход Д. Деннета достаточно интересен и не лишён оригинальных интуиций. Тем не менее, если попробовать согласовать с его мировоззрением социальную теорию, то можно увидеть, чем грозят нам подобные положения. Приравнивание человека к вычислительной машине будет означать сущностную дегуманизацию общества. Никто не сожалеет о том, что списанное техническое оборудование, пусть и произведённое усилиями многих людей, отправляется на свалку. Но тогда, если допустить, что подобная концепция, рассматривающая людей как своего рода биороботов, может стать основой для принимающих государственные решения функционеров и технократов, возникают зловещие ассоциации настораживающего исторического содержания. Подобное допущение, оказываясь при этом ложным по своей сути, не просто противоречит здравому смыслу, но и может породить деструктивную социальную практику. Включение данного

положения в основание социально-философского познания весьма затруднительно, т. к. оно требует серьёзного пересмотра представлений о природе человека. Кроме того, очевидно, что в полностью бессознательном мире невозможно само существование культуры и смыслов, формирующих ткань человеческой жизни наряду с биологическими потребностями и физико-химическими законами. Поэтому для социальной философии с точки зрения эффективности познания конструктивнее рассматривать человеческое общество как общность существ, взаимодействие которых также указывает на наличие у них имманентно присущей индивидуальной субъективной осведомлённости, определяющей способность отдавать себе отчёт о содержании психического опыта, осознавать своё существование и действовать в соответствии с осознанным целеполаганием [13].

Сознание не фиксируется приборами и недоступно стороннему наблюдателю, но его существование обладает совершенной субъективной очевидностью. Конечно, субъективной очевидностью обладает также и то, что солнце вращается вокруг земли, но здесь естественные науки смогли привести достаточно убедительных аргументов, чтобы данный вопрос был исчерпан. Кроме того, отрицание сознания имеет куда более существенное экзистенциальное значение, нежели любой астрономический вопрос.

В данном случае мы сталкиваемся со сложностью, связанной с тем, что в философии и науке не только нет законченной теории сознания, но также отсутствует общепринятая комплексная теория информации [4]. При этом оба этих понятия являются широко используемыми, выступая ключевыми для философского осмысления современного общества. Может ли информация существовать независимо от сознания субъекта и при этом нести смысл? Классическая теория информации К. Шеннона, не предполагающая ответа на этот вопрос, построена на статистическом подходе, рассматривающим интеграцию

информации и систему обратных связей между отправителем и получателем с количественной точки зрения [9]. Создаётся впечатление, что из существующих научных теорий невозможно сформировать философского понимания относительно того, что такое «субъективный опыт» и как в нём соотносятся семантический аспект существования информации и её количественные параметры.

Заключение

Отличие смысла от информации как таковой требует отдельного философского обоснования. Очевидно, что для разных людей одно и то же информационное послание может иметь разные смысловые интерпретации, обладать различной субъективной значимостью. При коммуникативном взаимодействии люди способны прийти к общим смысловым основаниям только формально. Понимание субъектом смысла не равно получению информации исключительно как строго определённых данных. Смысл для человека возникает в системе, предполагающей взаимодействие сознания и информации в их отношении к окружающей действительности, в первую очередь, к социальной среде [8].

Избыток информации и её легкодоступность в ситуации, когда «Александровская библиотека» может поместиться в один портфель, порождает эффект обесценивания, осложняя осмысление её содержания человеческим умом. Память и передача знания в процессе живого взаимодействия перестают рассматриваться как основной фактор, создающий и сохраняющий культуру. Но чтобы существовать, у информации должен быть пользователь, способный сознательно осуществлять селекцию данных на основе понимания их соответствия действительности. Без человеческого участия информация, производимая самообучающимися нейросетями, постепенно деградирует, превращаясь в информационный шум. Это, в частности, было доказано на практике исследователями из Великобритании и Канады, работающими

над проектом Корнелльского университета (Нью-Йорк) по изучению искусственного интеллекта¹.

Много ли знаний в мировых библиотеках и архивах, если представить ситуацию, в которой нет никого, способного прочесть и понять что-либо? Современный мир с его многообразием социальных и научных достижений позволяет заглянуть через экран вычислительного устройства сквозь пространство и время. Любой образованный человек в наше время заброшен в мир

информации, в котором на наших глазах разворачиваются воображаемые и реальные миры, выраженные в потоках сведений и данных. В такой ситуации социально-философский анализ современности требует возвращения на новом эпистемологическом уровне к теме диалектики индивидуального и общественного сознания с учётом открывающихся новых реалий.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
2. Баарс Б. Дж., Гейдж Н. М. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 т. Т. 2 / под ред. В. В. Шульговского. М.: Бином: Лаборатория знаний, 2014. 467 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Эксмо, 2022. 542 с.
4. Колин К. К. Теоретические проблемы информатики / под общ. ред. К. И. Курбакова. М.: КОС-ИНФ, 2009. 221 с.
5. Малявин В. В. Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М.: Наталис, 1997. 367 с.
6. Марков С. Охота на электроовец. Большая книга искусственного интеллекта: в 2 т. Т. 1. М.: Артоника, 2024. 568 с.
7. Меррелл-Вольф Ф. Философия сознания без объекта: размышления о природе трансцендентального сознания / пер. Д. Бурбы. М.: София, 2020. 286 с.
8. Смирнов А. В. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021. 445 с.
9. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / под ред. Р. Л. Добрушина, О. Б. Лупанова. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 832 с.
10. Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004. 544 с.
11. Beare J. I. Greek Theories of Elementary Cognition from Alcmaeon to Aristotle. Oxford: Clarendon Press, 1906. 355 p.
12. Gang J. *Behaviorism, Consciousness, and the Literary Mind*. Joshua Gang. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2021. 224 p.
13. Sterzer P. Die Illusion der Vernunft: Warum wir von unseren Überzeugungen nicht zu überzeugt sein sollten. Neuestes aus Hirnforschung und Psychologie. Berlin: Ullstein Verlag, 2022. 320 s.

REFERENCES

1. Anohin K. V. [Cognitome: in search of a fundamental neuroscientific theory of consciousness]. In: *Zhurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti* [Journal of Higher Nervous Activity], 2021, vol. 71, no. 1, pp. 39–71.
2. Baars B. J., Gage N. M. Cognition, Brain, and Consciousness: Introduction to Cognitive Neuroscience. Vol. 2 (Rus. ed.: Shulgovskii V. V., ed. *Mozg, poznanie, razum: vvedenie v kognitivnye nejronauki*. T. 2. Moscow, Binom Publ., Laboratoriya znaniy Publ., 2014. 467 p.).
3. Vygotskii L. S. *Myshlenie i rech* [Thinking and speech]. Moscow, Eksmo Publ., 2022, 542 p.
4. Kolin K. K. *Teoreticheskie problemy informatiki* [Theoretical problems of computer science]. Moscow, KOS-INF Publ., 2009. 221 p.
5. Malyavin V. V. *Molniya v serdce. Duhovnoe probuzhdenie v kitajskoj tradicii* [Lightning in the Heart.

¹ Новостной портал The Codeine News: «Искусственный интеллект ломается, если обучать его на текстах, написанных искусственным интеллектom» [Электронный ресурс]. URL: Доступ: <https://thecodeine.ru/iskusstvennyj-intellekt-lomaetsja-esli-obuchat-ego-na-tekstah-napisannyh-iskusstvennym-intellektom-jetot-paradoks-mozhet-privesti-k-krahu-nejrosetej/?ysclid=ljecmbac9h456533955> (дата обращения: 14.06.2023).

- Spiritual Awakening in the Chinese Tradition]. Moscow, Natalis Publ., 1997. 367 p.
6. Markov S. *Ogota na elektroovec. Bol'shaya kniga iskusstvennogo intellekta. T. 1* [Hunting for Electric Sheep. The Big Book of Artificial Intelligence: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Artonika Publ., 2024. 568 p.
 7. Merrell-Wolff F. Philosophy of Consciousness Without An Object: Reflections on the Nature of Transcendental Consciousness (Rus. ed.: Burby D., transl. *Filosofiya soznaniya bez ob'ekta: razmyshleniya o prirode transcendental'nogo soznaniya*. Moscow, Sofiya Publ., 2020. 286 p.).
 8. Smirnov A. V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya. Priglasenie k razmyshleniyu* [The Logic of Meaning as a Philosophy of Consciousness. An Invitation to Reflection]. Moscow, YASK Publ., 2021. 445 p.
 9. Shannon C. Works on Information and Cybernetics (Rus. ed.: Dobrushin R. I., Lupanov O. B., eds. *Raboty po teorii informacii i kibernetike*. Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literatury Publ., 1963. 832 p.).
 10. Yulina N. S. *Golovolomki problemy soznaniya: koncepciya Deniela Denneta* [Puzzles of the Problem of Consciousness: The Concept of Daniel Dennett]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004. 544 p.
 11. Beare J. I. Greek Theories of Elementary Cognition from Alcmaeon to Aristotle. Oxford, Clarendon Press, 1906. 355 p.
 12. Gang J. Behaviorism, Consciousness, and the Literary Mind. Joshua Gang. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2021. 224 p.
 13. Sterzer P. Die Illusion der Vernunft: Warum wir von unseren Überzeugungen nicht zu überzeugt sein sollten. Neues aus Hirnforschung und Psychologie. Berlin, Ullstein Verlag, 2022. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Климов Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта (МИИТ);
e-mail: klisn@mail.ru

Минаев Дмитрий Николаевич –старший преподаватель кафедры философии Российского университета транспорта (МИИТ);
e-mail: minaev.klim@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Klimov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport (MIIT);
e-mail: klisn@mail.ru

Dmitry N. Minaev – Senior Lecturer, Department of Philosophy, Russian University of Transport (MIIT);
e-mail: minaev.klim@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Климов С. Н., Минаев Д. Н. Проблема сознания в контексте социально-философского осмысления современности // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 103–110.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-103-110

FOR CITATION

Klimov S. N., Minaev D. N. The Problem of Consciousness in the Context of Social and Philosophical Understanding of Modernity. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 103–110.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-103-110

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-111-122

НА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА К ОСМЫСЛЕНИЮ ЭРГОДИЗАЙНА

Кузьменко А. А.*Брянский государственный технический университет**241035, Брянская обл., г. Брянск, ул. Бульвар 50 лет Октября, д. 7, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Размышление о формировании социально-философского подхода к осмыслению эрго-дизайна.

Процедура и методы. Основные исходные научные знания автор почерпнул из исследований Брянской научно-философской школы социально-техногенного развития мира, используя междисциплинарный, системный, социотехноприродный, исторический и эргоцентрический подходы, а также общенаучные методы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что развитие эргодизайна – это процесс, отражающий стремление к созданию гармоничных, безопасных и функциональных предметно-пространственных сред, соответствующих требованиям современного этапа социально-техногенного развития общества. Интеграция достижений эргономики и дизайна в единый подход позволяет создавать инновационные решения, которые соответствуют социотехноприродной реальности. Комплексная проектная деятельность, лежащая в основе эргодизайна, обеспечивает высокий уровень качества и функциональности новых разработок.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в формировании социально философского подхода к осмыслению эргодизайна как процесса проектирования гармоничных предметно-пространственных социотехноприродных сред жизнедеятельности.

Ключевые слова: социотехноприродный подход, социотехноприродный эргоцентризм, среда жизнедеятельности, среда предметно-пространственная, эргодизайн

FORMATION OF A SOCIAL-PHILOSOPHICAL APPROACH TO UNDERSTANDING ERGODESIGN

A. Kuzmenko*Bryansk State Technical University**ul. Bulvar 50 let Oktyabrya 7, Bryansk 241035, Bryansk Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reflect on the formation of a social-philosophical approach to understanding ergodesign.

Methodology. The main initial scientific knowledge was drawn from the research of the Bryansk Scientific and Philosophical School of Socio-technological Development of the world, based on interdisciplinary, systemic, social-technological, historical and ergocentric approaches, as well as general scientific methods.

Results. The development of ergodesign is a process reflecting the desire to create harmonious, safe and functional objects of the subject-spatial environment that meet the requirements of the modern stage of socio-technological development of society. Integrating the achievements of ergonomics and design into a single approach allows you to create innovative solutions that correspond to sociotechnological reality. The complex design activity underlying ergodesign ensures a high level of quality and functionality of new developments, making them in demand both at the Russian and international levels.

Research implications. The research creates a social-philosophical approach to understanding ergodesign as a process of designing harmonious subject-spatial social-technological and natural environments of life.

Keywords: socio-techno-natural approach, socio-techno-natural ergocentrism, living environment, subject-spatial environment, ergodesign

Введение

Потребности человека играют ключевую роль в социальном развитии и служат ориентиром для преобразования всех сфер жизнедеятельности общества. В современных условиях общественный прогресс ставит перед человечеством множество новых задач, связанных с организацией труда и созданием комфортных условий жизни. Эти задачи приводят к значительной трансформации предметно-пространственного окружения человека и характера его потребления. Это способствовало объединению дизайна и эргономики в конце XX в. в новую научно-проектировочную дисциплину – эргодизайн.

Долгое время дизайн и эргономика развивались параллельно, редко пересекавшись в профессиональной практике. Дизайн фокусировался на эстетических и функциональных особенностях окружающего мира, тогда как эргономика уделяла внимание удобству и безопасности их использования. В результате многие объекты предметно-пространственной техносреды часто оказывались неудобными или небезопасными и, наоборот, некрасивыми и нефункциональными. Слияние этих двух дисциплин стало ответом на потребность в комплексном подходе к проектированию. Эргодизайн как новая область объединила достижения дизайна и эргономики, стремясь создать не только визуально привлекательные, но и максимально удобные и безопасные объекты предметно-пространственной среды жизнедеятельности.

На данный момент общество находится в процессе социально-философского формирования понимания понятия *эргодизайн*. В рамках данной статьи производится попытка осмысления понятия *эргодизайн* в широком и узком смыслах как философского социотехноприродного процесса

(впервые предложен Е. А. Дергачевой), направленного на проектирование предметно-пространственной социотехноприродной среды.

Эргодизайн как синергия эргономики и дизайна

В конце 1970-х гг. в Московском технологическом университете (ВНИИТЭ) начались теоретические попытки объединения дизайна и эргономики. Это объединение получило название «эргодизайн» и было весьма синкретичным. Эргодизайн использовался для описания проектных решений, в которых эргономические требования совпадали с дизайнерскими идеями. Такие решения объединяли достижения обеих дисциплин и часто возникали интуитивно. В некоторых случаях доминировал эргономический подход, ориентированный на человеческий фактор, в других – дизайнерская идеология, фокусирующаяся на формообразовании.

Рассуждая о сложности эргодизайна, А. А. Кумашкова, Н. Ю. Терехова, А. А. Колегов пришли к выводу, что данное направление не просто является объединением эргономики и дизайна, а представляет собой сложный синергетический процесс, направленный на проектирование предметно-пространственной среды [12, с. 284]. В данном процессе эргономика в своём классическом виде сосредотачивала внимание на адаптации проектируемых объектов и сред под особенности конкретного оператора, что способствовало обеспечению безопасности и эффективности труда. Однако в процессе общественного развития меняющиеся условия жизнедеятельности привели к трансформации подходов данной дисциплины. Сегодня эргономика охватывает гораздо более ши-

рокий спектр подходов, рассматривая все сферы человеческой жизнедеятельности, что отражено в определении, предложенном Международной ассоциацией эргономики в 2010 г.: «Эргономика – это научная дисциплина, изучающая взаимодействие человека и других элементов системы, а также сфера деятельности по применению теории, принципов, данных и методов этой науки для обеспечения благополучия человека и оптимизации общей производительности системы» [28, р. 384]. Согласно предложенному определению, эргономика привносит научное понимание того, как человек взаимодействует с объектами проектируемой среды. Она ставит на первое место удобство, безопасность и эффективность, основываясь на изучении физических и психических особенностей человека.

В отличие от эргономики, дизайн, по определению Международной организацией промышленных дизайнеров (ИКСИД), выступает творческой проектной деятельностью, направленной на обеспечение эстетических качеств проектируемых объектов среды [11]. В рассматриваемом синергетическом процессе дизайн в своём истинном смысле выходит за рамки создания красивых объектов. Он включает в себя понимание и проектирование всех эстетических особенностей взаимодействия человека с окружающим миром. Это требует от дизайна учёта множества факторов: от физических и психологических потребностей пользователя до экологических и социальных последствий принятых решений.

Объединение этих двух подходов в эргодизайне позволяет создавать системы, которые не только отвечают функциональным требованиям, но и приносят эстетическое удовлетворение, способствуя благополучию пользователя.

Исходя из вышесказанного, эргодизайн можно рассматривать как философскую концепцию, которая стремится объединить рациональность и эстетику, функциональность и творчество. Это не просто технический или художественный про-

цесс, но и глубокое философское размышление о месте человека в мире, его взаимодействии с предметно-пространственной средой и о том, как это взаимодействие можно сделать гармоничным и целесообразным. В данном контексте эргодизайн объединяет научные исследования в области эргономики и дизайна, фокусирующиеся на человеческом факторе, с дизайнерским проектированием. В этом синтезе границы между ними стираются, создавая новый подход к проектированию объектов и среды жизнедеятельности общества.

Однако, несмотря на усилия в развитии эргодизайна, его изучение требует дальнейшего исследования. Множественность определений и отсутствие чётких границ между эргономикой и дизайном в эргодизайне означает, что данное направление продолжает эволюционировать и адаптировать свою методологию проектирования под изменяющиеся условия окружающего мира и потребности общества.

Эргодизайн как исторический процесс в контексте общественного развития

В рамках данной работы проводится попытка осмысления эргодизайна как исторического процесса. Для этого он рассматривается в широком и узком смысле.

Рассмотрение эргодизайна в широком смысле осуществлено на основе производённого анализа мнений отечественных и зарубежных учёных, доказывающих существование эргодизайна как направления проектирования предметов пространственной среды общественной жизнедеятельности в период доиндустриального и индустриально-техногенного обществ.

Среди широкого спектра проанализированных трудов в области эргономики и эргодизайна удалось обнаружить доказательства зарождения феномена эргодизайна в период позднего и среднего палеолита. Так, В. П. Зинченко, В. М. Мунипов, Б. Шеккела и Дж. М. Кристенсен в своих трудах предполагают, что формирование эргономических принципов проектирования началось в период, когда первые

люди стали создавать своё окружение в виде первобытных стоянок и первые орудия труда. Данный тезис находит своё отражение в трудах археологов и антропологов начиная с середины XX в. (А. С. Барнс, Ф. Бордес, Р. Трингем, Л. Бархэм, П. Блинд, Дж. Банеа, А. Федато, М. Сильва-Гаго, М. Террадильтос-Берналь, Р. Алонсо-Алькальд, Э. Брунер) [22]. В проведённых исследованиях они доказывают применение принципов эргономического проектирования при изготовлении орудий труда. С помощью метода исторического сравнения учёные анализируют эволюцию их формы, делая вывод о повышении эффективности, комфортности и безопасности их применения среднестатистическим человеком того периода. Подтверждение исторического анализа было обнаружено в исследованиях антропологов и эргономистов (А. Борель, Л. Чезе, Э. Пуйдебат, Л. Кивелл, Т. Уинн, Э. М. Уильямс-Хатала, К. Г. Хатала, М. Гордон, А. Ки, М. Каспер) [30], использующих специализированное современное компьютерное оборудование, позволяющее оценить эволюцию адаптационных характеристик артефактов как признак повышения эргономичности.

Рассматривая удобство и безопасность не отдельных артефактов, а пространств стоянок эпохи палеолита, отечественные и зарубежные учёные отмечают наличие признаков эргономичности. Что означает применение методов эргодизайна при их проектировании. Так Э. Кларк, С. Ранлетт и М. Стайнер отмечают эргономичность в зонировании жилья древнего человека [20, с. 2].

Начиная с ранних этапов неолита отечественные и зарубежные исследователи всё активнее рассматривают вопросы эргономичности жилых пространств. Так, П. В. Волков, В. Е. Медведев, анализируя функционально-планировочные особенности жилья Малышевской культуры на острове Таком, отмечают применение эргономического проектирования с целью повышения безопасности [2, с. 54].

Большее число трудов по эргодизайну посвящено крупным городам и торго-

вым центрам доиндустриального периода. Так, Н. Мармарас, Дж. Пулакакис и В. Папакостопулос в труде «Эргодизайн в античной Греции» [25] проводят подробный анализ различных элементов предметно-пространственной среды, делая вывод о применении принципов эргономики и эргодизайна. Анализируя древнегреческие театры, приходят к выводу о их удобстве, безопасности и эстетичности, также подчёркивая наличие эргодизайнерского подхода. Множество работ демонстрируют широкий спектр эргодизайнерских решений в области организации помещений мастерских текстильного производства (Дж. Эванс, П. Милителло), мастерских красильного производства (В. Апостолаку, Т. М. Броган и П. Бетанкур), мастерских ткацкого производства (Цачили, Солес) Древней Греции [25].

Отдельного рассмотрения заслуживает мнение Рафаэлле Да Вела, которая, анализируя эргономичный подход в гончарном деле древней Италии (I–VIII вв. до н. э) выделяет важные понятия *протоэргономика* и *ипротоэргодизайн*, заложившие основу современной эргономики и эргодизайна [21, р. 31].

Е. Аттанес, С. Саран, Т. Шринивасан, Дж. Румали, Дж. Венугопал, Кулкарни, К. Маурья, С. Маурья [19; 26; 27; 29] рассматривают использование принципов эргономики и эргодизайна в проектировании предметно-пространственной среды доиндустриального этапа общественного развития в Индии. Учёные отмечают, что основной направленностью эргодизайна того периода выступал анализ энергоэффективности и долговечности строительных материалов, обеспечения теплового комфорта, достаточного освещения и звукоизоляции.

С. Гунатилейк, анализируя каменные остатки древних сидений в монастырях для медитации на Шри-Ланке (VIII–X вв. н. э.), отмечает, что они выполнялись в соответствии с современными подходами эргодизайна [23, с. 27].

В период индустриально-техногенного (подход выделен Е. А. Дергачевой) разви-

тия осознание важности создания правил трудовой деятельности привело в 1857 г. В. Б. Ястржебовского к формированию основ классической эргономики, которые были опубликованы в труде «Краткое изложение эргономики, или науки о труде, основанной на истинах, почерпнутых из науки о природе» [24]. В предложенном подходе автор стремился разработать принципы, регулирующие работу в условиях индустриализации. При этом важной особенностью его труда выступал тезис о важности сохранения окружающей природной среды в процессе производственной деятельности. С 1920 г. понятия *эргономика* и *эргономическое проектирование* начали появляться в научных трудах отечественных и зарубежных учёных. Именно с этого периода, по мнению В. П. Зинченко и В. М. Мунипова, начинается период, предшествующий становлению эргономики. Он длится вплоть до 1949 г., когда международное сообщество официально признаёт необходимость выделения новой научной дисциплины, занимающейся вопросами человеко-машинного взаимодействия.

Как видно из проведённого анализа, принципы эргодизайна и эргономики прослеживаются с момента начала изготовления первых орудий труда и проектирования предметно-пространственной среды жизнедеятельности. Однако официальная история развития эргодизайна начинается лишь в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда его признание становится реакцией на стремительное развитие технологий. Рассмотрение эргодизайна в узком смысле как постиндустриально-техногенного (понятие введено Е. А. Дергачевой) [5] феномена проектирования предметно-пространственной среды приводит нас к необходимости анализа основных определений данного понятия. В ходе анализа было выделено частное, общее и единичное, позволившие разделить все определения на несколько укрупнённых групп.

Первая группа определений рассматривает эргодизайн как инновационную проектную деятельность, отличную

от эргономики и дизайна (Е. С. Рыкова, А. А. Лысенко, Ю. С. Конарева и др.) [15]. При этом речь идёт о проектировании в самом широком смысле, применимом к любому объекту окружающей среды.

Вторая группа определений описывает эргодизайн как процесс проектирования предметно-пространственной среды предметного мира и как синергию эргономики и дизайна (Л. Д. Чайнова, Т. Г. Богатырева, В. С. Компаниец, А. Е. Лызь, И. И. Мирсаяпова, А. В. Еретин) [6; 8; 18].

Третья группа определений рассматривает эргодизайн как процесс проектирования среды жизнедеятельности общества (Г. В. Гарбузова, И. О. Дынина, И. В. Мельников, Д. Ф. Куманьева, Е. К. Никитина, А. М. Киселев и др.) [3; 14].

Четвёртая группа определений рассматривает эргодизайн как процесс удовлетворения базовых потребностей человека, улучшения его жизни (В. М. Мунипов, В. И. Даниляк, В. И. Кулайкин и др.) [4; 13].

Пятая группа определений рассматривает эргодизайн как процесс мышления, применимый к проектированию любой предметно-пространственной среды (Н. Н. Соловьева, Е. А. Ларина, А. А. Кумашкова, Н. Ю. Терехова и др.) [12; 17].

Шестая группа определений рассматривает эргодизайн как процесс проектирования доступной и безопасной среды города (В. А. Кукушкина, Д. И. Двуреченская, О. В. Гостеева, О. Р. Рябов и др.) [10; 16].

Седьмая группа определений рассматривает эргодизайн как процесс повышения гармонизации общества и окружающей его среды (технической и природной) (Н. И. Барсукова, А. А. Кузьменко, М. В. Кантарюк) [1; 7; 9].

Большинство определений подчёркивают междисциплинарность эргодизайна как процесса проектирования. Одни видят его как успешное сочетание эргономических и дизайнерских методов проектирования, другие уделяют внимание созданию человекоориентированных научно-проектных решений, третьи отмечают важность применения подходов эргодизайна в процессе

гармонизации общества и природы в рамках предметно-пространственной среды жизнедеятельности. Важно отметить, что хотя определения этого понятия и разнообразны, они не противоречат друг другу и могут быть согласованы в рамках целей и задач, стоящих перед эргодизайном.

Эргодизайн как тип проектного мышления

Анализ трудов в области эргодизайна продемонстрировал формирование мнения о том, что данный феномен является не просто методологией проектирования, а выступает образом мышления. Так, М. В. Кантарюк отмечает: «эргодизайн обозначает не только форму деятельности, но и образ мысли, поскольку он подчинил в себе все декларируемые культурные ценности к их главному звену – самооценности человеческой личности» [7, с. 453]. Эргодизайн, как отмечают Н. Н. Соловьева и Е. А. Ларина, представляет собой особую форму проектного мышления и заключается в комплексной интеграции теоретических и практических знаний [17, с. 19]. В. И. Кулайкин и В. И. Даниляк, рассуждая о эргодизайнерском мышлении, обращают внимание на важную деталь: «Специалисты по эргодизайну становятся всё более критичными к технократическому мышлению, осознают и учитывают как реальные возможности современной техники, так и опасности, генерируемые переоценкой этих возможностей» [4, с. 5]. Другими словами, эргодизайн как особая форма проектного мышления сталкивается с уникальными вызовами и противоречиями. В процессе решения эргодизайнерских задач эргономисты часто проявляют приверженность технократическому мышлению, что нередко приводит к игнорированию гуманитарной составляющей эргономических разработок. Это препятствует достижению оптимальных результатов, поскольку технократический подход фокусируется исключительно на технических особенностях, оставляя в стороне важные человеческие факторы. На этом

фоне дизайн выступает как «проводник» методологии человекоориентированного проектирования. В отличие от технократического мышления дизайн по своей природе стремится к гармоничному объединению функциональных и гуманитарных аспектов. Дизайнеры учитывают не только технические характеристики, но и культурные, эмоциональные и социальные факторы, что позволяет создавать более целостные и человекоориентированные продукты.

Исходя из вышеизложенных мнений, можно сказать, что ключевой особенностью эргодизайнерского мышления является способность собирать разрозненные идеи в целостный проект. Это требует глубокого понимания взаимодействия и взаимосвязи всех элементов проектируемой среды и каждого человека с его психофизиологическими особенностями. В эргодизайне каждая деталь, каждый элемент проекта играет свою роль в создании функциональной и эстетически гармоничной предметно-пространственной среды.

Проектное эргодизайнерское мышление можно представить как метафору жизни, где каждый элемент, каждая идея и каждая деталь играют свою роль в создании единой предметно-пространственной среды жизнедеятельности общества. Проектировщик, действующий в рамках эргодизайна, выступает не просто как творец форм, но как интегратор смыслов и функций, стремящийся к созданию объектов, которые улучшают повседневную жизнь каждого человека.

Одной из важнейших характеристик эргодизайнерского мышления является не только выполнение определённых требований, но и способность к их творческой интерпретации, что позволяет создавать не просто функциональные, но и инновационные решения. В этой особенности можно увидеть философское воплощение идеи прагматизма, где истина определяется через её практическую полезность и применение.

Таким образом, эргодизайн как форма проектного мышления представляет собой

глубокий синтез теоретических и практических знаний, направленный на создание целостных и функциональных объектов. Этот процесс можно рассматривать как отражение человеческого стремления к гармонии и совершенству, где каждый элемент имеет своё значение, а их взаимодействие создаёт новое качество. В этом смысле эргодизайн становится не просто методом работы, но и философией жизни, где творческое и техническое, теоретическое и практическое, индивидуальное и коллективное сливаются в единое целое.

Эргодизайн как новый подход к гармонизации общества, техносферы и биосферы в условиях социотехноприродного мира

В современном мире, где социальные, техногенные и природные процессы переплетаются, эргодизайн представляет собой уникальный и многообещающий подход к гармонизации мира путём проектирования социотехноприродной среды жизнедеятельности общества. В теории и практике эргодизайна окружающая среда рассматривается как комплексное явление, включающее в себя разнообразные компоненты: предметные, природные, информационные, организационные и другие. Совместно с обществом и его предметным окружением они формируют систему «общество-среда», в которой разворачивается процесс жизнедеятельности общества во взаимодействии с предметной средой, природными процессами и технологическими факторами.

Эргодизайн можно рассматривать не только как форму деятельности, но и как новый способ мышления, который подразумевает более глубокое понимание взаимодействия человека с окружающим миром. Н. И. Барсукова отмечает, что человек должен восприниматься как неотъемлемая часть природы, которая сама является живым организмом, а не просто источником ресурсов [1, с. 55]. Такое восприятие требует от эргодизайнеров учёта законов природы и их проявлений в человеческой

деятельности. Е. С. Рыкова, А. А. Лысенко, Ю. С. Конарева подчёркивают важность гармонизации общества и природы по средствам эргодизайна, основу которого должна составлять бионика [15, с. 20].

Иное мнение в вопросе гармонизации высказывает М. В. Кантарюк. Эргодизайн, по его мнению, помогает гармонизировать антропоцентрические и техноцентрические системы, делая их совместимыми и взаимозависимыми. Эргодизайн не просто формирует физическую среду, но и интегрирует культурные ценности, подчиняя их главному принципу – самоценности человеческой личности. Это позволяет создать среду, которая не только функциональна, но и глубоко человечна, а также отражает ценности и потребности общества [7, с. 453].

Исходя из вышесказанного, эргодизайн представляет собой уникальную философию проектирования объектно-пространственной среды, которая разъясняет особенности гармонизации общества, техносферы и биосферы в условиях социотехноприродного развития. Ключевая идея такого социотехноприродного эргодизайна заключается в том, что предметно-пространственная среда жизнедеятельности является важным элементом гармонизации антропоцентрических, техноцентрических и биосфероцентрических систем. В условиях современного социально-техногенного мира создание такой среды должно опираться на понимание человека не только как объекта проектирования, но и как неотъемлемой части природы, которая воспринимается в качестве живого организма. Данный подход должен способствовать переосмыслению традиционного отношения к природе, в которой общество перестанет видеть лишь источник ресурсов, удовлетворяющих растущие потребности.

Законы гармонизации, хотя и различны по своей сути, проявляются совместно и объективно, и игнорирование их в практике проектирования среды жизнедеятельности общества означает выступление против сохранения естественной природ-

ной среды. Поэтому эргодизайн стремится к созданию новой идеологии проектирования, учитывающей сложность технического окружения, в котором человек находит себя. Это окружение должно быть не только функционально эффективным, но и лишено ошибок, оказывающих деградиционное воздействие на общество и биосферу. В конечном счёте эргодизайн предлагает новый подход к проектированию, который стремится к созданию среды, способствующей общественному и биосферному благополучию в условиях социотехноприродной реальности.

Заключение

Современная эргономика и дизайн, объединившись в рамках эргодизайна, предлагают комплексный подход к созданию предметного мира, ориентированного на социотехноприродное развитие. Этот подход учитывает все особенности взаимодействия общества с объектами и среды жизнедеятельности, обеспечивая безопасность, комфорт и эстетическое существование кожного человека (человека с кожным вектором). Эргодизайн представляет собой не просто объединение эргономики и дизайна, а создание новой синергетической области, направленной на улучшение качества жизни общества. Этот подход учитывает как эстетические, так и функциональные потребности человека, создавая условия для более комфортного и безопасного существования. В современном мире, где скорость изменений и техноло-

гический прогресс продолжают набирать обороты, эргодизайн становится важным инструментом для достижения гармонии между человеком и окружающей средой.

Эргодизайн позволяет взглянуть на объекты, процессы и системы не как на отдельные элементы, а как на взаимосвязанные с человеком и окружающей средой составляющие. В данном контексте целью эргодизайна является обеспечение комфортного эстетического и безопасного взаимодействия между обществом и его окружением (искусственной и естественной природной средой).

Таким образом, эргодизайн не ограничивается узкими рамками какой-либо отдельной дисциплины. Он открыт для влияния и взаимодействия с различными областями знаний – от психологии и социологии до инженерии и экологии. В сущности, эргодизайн становится мостом, соединяющим разные сферы человеческого опыта и знаний, поскольку в его основе лежит стремление к созданию более гармоничного и устойчивого мира. Эргодизайн представляет собой не только средство создания комфортной и удобной среды, но и инструмент научного исследования, направленного на более глубокое понимание взаимодействия человека с окружающим миром. В его основе лежит стремление к гармонии и сбалансированности, а его реализация требует постоянного развития и инноваций в области проектирования.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова Н. И. К вопросу об универсалиях в художественно-проектной деятельности // Эргодизайн. 2021. № 1 (11). С. 49–56. DOI: 10.30987/2658-4026-2021-1-49-56
2. Волков П. В., Медведев В. Е. Краткие итоги функционально-планировочного анализа жилья Малышевской культуры на острове Таком // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии Института археологии и этнографии Сибири СО РАН, 2004 г.). Т. 10. Ч. 1. Новосибирск: Институт автоматизации и электрометрии Сибирского отделения Российской академии наук, 2004. С. 53–56.
3. Гарбузова Г. В., Дынина И. О., Мельников И. В. Моделирование эстетических показателей изделий и технологий в эргодизайне с использованием теории нечётких множеств // Эргодизайн. 2019. № 1 (3). С. 3–12. DOI: 10.30987/article_5c518d8c4f49b8.92246032
4. Даниляк В. И., Кулайкин В. И. Эргодизайн как конкурентное преимущество // Компетентность. 2007. № 9–10 (50–51). С. 3–11.

5. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Безопасность биосферы в техногенном мире: состояние и перспективы // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2022. № S2. С. 8–16.
6. Еретин А. В., Милохин В. В. Эргодизайн – новое направление исследований // Форум серия: Роль науки и образования в современном информационном обществе. 2010. № 1–1 (2). С. 38–45.
7. Кантарюк М. В. Роль эргономики в дизайне производственной среды // Студенческое сообщество и современная наука: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Елец, 8 апреля 2021 г. Вып. 7. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2021. С. 450–454.
8. Компаниец В. С., Лызь А. Е. Эргодизайн пользовательского интерфейса: методы юзабилити-исследований // Инженерный вестник Дона. 2017. № 3 (46). С. 56.
9. Кузьменко А. А. Эргономика и эргодизайн в контексте концепции устойчивого развития: гармонизация социально-техногенного мира // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 2 (66). С. 49–58.
10. Кукушкина В. А., Двуреченская Д. И., Гостеева О. В. Дизайн доступной среды для людей с проблемами зрения // Технология художественной обработки материалов: сборник научных трудов XIX Всероссийской научно-практической конференции по направлению «Технология художественной обработки материалов», Липецк, 25–28 октября 2016 г. Ч. 1. Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2016. С. 279–289.
11. Куманин А. В., Куманин В. И. Диалог о дизайне. Томск: STT, 2012. 120 с.
12. Кумашкова А. А., Терехова Н. Ю., Колегов А. А. Эргодизайн как семантически обусловленная интеграция дизайна и эргономики // Будущее машиностроения России 2022: сборник докладов. XV Всероссийской конференции молодых учёных и специалистов (с международным участием), Москва, 21–24 сентября 2022 г. Т. 1. М.: Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, 2023. С. 284–288.
13. Мунипов В. М. Теория и практика эргодизайна. Программа спецкурса. Психология труда и организационная психология. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1977. 200 с.
14. Никитина Е. К., Киселев А. М. Эргодизайн – важнейшая составная часть среды обитания человека // Дизайн. Материалы. Технология. 2012. № 3 (23). С. 30–32.
15. Рыкова Е. С., Лысенко А. А., Конарева Ю. С. Бионика как инструмент эргодизайна // Эргодизайн как инновационная технология проектирования изделий и предметно-пространственной среды: инклюзивный аспект: сборник научных трудов. Ч. 2. М.: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2019. С. 47–52.
16. Рябов О. Р. Антикриминальный дизайн предметно-пространственной среды города // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2014. № 1 (69). С. 97–100.
17. Соловьева Н. Н., Ларина Е. А. Эргодизайн – инновационное направление в дизайне // Музыкальное и художественное образование: опыт, традиции, инновации: сборник научных статей, Чебоксары, 14 октября 2016 г. Вып. 1. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2016. С. 19–22.
18. Чайнова Л. Д., Богатырева Т. Г. Эргодизайн как современная инновационная технология человеко-ориентированного проектирования // Дизайн-ревью. 2008. № 1–2. С. 33–42.
19. Attaianese E. Ergonomics of Built Environment i. e. How Environmental Design Can Improve Human Performance and Well-Being in a Framework of Sustainability [Электронный ресурс] // Ergonomics International Journal. 2017. № 1 (1). URL: <https://medwinpublishers.com/EOIJ/EOIJ16000S1-001.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).
20. Clark A., Ranlett S., Stiner M. Domestic spaces as crucibles of Paleolithic culture // An archaeological perspective. Journal of human evolution. 2022. № 172. URL: https://scholar.harvard.edu/files/amyclark/files/clark_etal_2022.pdf (дата обращения: 05.04.2024).
21. Da Vela R. For the Pottery and for the Potter: An Ergonomic Approach to Pottery Production in Italy (8th–1st Century BC) // Burkhardt N., Krämer R. P., hrsg. Organizations of Production and Crafts in Pre-Roman Italy: Panel 3.7. Heidelberg: Propylaeum, 2022. Heidelberg, 2022 P. 31–45. (Archaeology and Economy in the Ancient World: Proceedings of the 19th International Congress of Classical Archaeology, Cologne/Bonn 2018, Band 11).
22. Fedato A., Silva-Gago M., Terradillos-Bernal M., Alonso-Alcalde R., Bruner E. Hand grasping and finger flexion during Lower Palaeolithic stone tool ergonomic exploration [Электронный ресурс] // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. № 12 (254). URL: <https://cir.cenieh.es> (дата обращения: 05.04.2024).

23. Goonatilake S. Ancient Sri Lankan Lumbar-Supported Seats // *Ergonomics in Design: The Quarterly of Human Factors Applications*. 2014. № 22. P. 27–30. DOI: 10.1177/1064804613509239
24. Jastrzebowski W. An outline of ergonomics or the science of work based upon the truths drawn from the science of nature. Warsaw: Central Institute for Labour Protection, 1857. 31 p.
25. Marmaras N., Poulakakis G., Papakostopoulos V. Ergonomic design in ancient Greece // *Appl Ergon*. 1999. № 30 (4). P. 361–368. DOI: 10.1016/s0003-6870(98)00050-7. PMID: 10416849
26. Maurya C., Maurya N. Ancient Indian ergonomics wisdom and its contemporary significance // *Theoretical Issues in Ergonomics Science*. 2022. № 23 (2). P. 245–258. DOI: 10.1080/1463922X.2021.1898061
27. Srnivasan T. M. Water Lifting Devices in Ancient India: Their Origin and Mechanisms (from the earliest times to c. A.D. 1000) // *Indian Journal of History of Science*. 1970. № 5 (2). P. 379–389.
28. Thatcher A. Affect in designing for sustainability in human factors and ergonomics // *International Journal of Human Factors and Ergonomics*. 2012. № 1 (2). P. 127–147.
29. Venugopal J. Vastu Purusha Mandala- A Human Ecological Framework for Designing Living Environments // *Proceedings of International Conference on Advances in Architecture and Civil Engineering (AARCV 2012)*. 2012. Vol. 2. P. 870–877.
30. Wynn T. Ergonomic clusters and displaced affordances in early lithic technology // *Adaptive Behavior*. 2021. № 29 (2). P. 181–195.

REFERENCES

1. Barsukova N. I. [To the question of universals in artistic and design activities]. In: *Ergodizajn [Ergodesign]*, 2021, no. 1 (11), pp. 49–56. DOI: 10.30987/2658-4026-2021-1-49-56
2. Volkov P. V., Medvedev V. E. [Brief results of the functional-planning analysis of the Malyshev culture housing on Takom Island]. In: *Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: materialy godovoj sessii Instituta arheologii i etnografii Sibiri SO RAN, 2004 g. T. 10. Ch. 1* [Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: materials of the annual session of the Institute of Archeology and Ethnography of Siberia SB RAS, 2004. Vol. 10. Pt. 1]. Novosibirsk, Institute of Automation and Electrometry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, pp. 53–56.
3. Garbuzova G. V., Dynina I. O., Melnikov I. V. [Methods for assessing the aesthetic quality indicators of systems, products and technologies in ergodesign]. In: *Ergodizajn [Ergodesign]*, 2019, no. 1 (3), pp. 3–12. DOI 10.30987/article_5c518d8c4f49b8.92246032
4. Danilyak V. I., Kulaykin V. I. [Ergodesign as a competitive advantage]. In: *Kompetentnost' [Competence]*, 2007, no. 9–10 (50–51), pp. 3–11.
5. Demidenko E. S., Dergacheva E. A. [Biosphere safety in the technogenic world: status and prospects]. In: *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk (Russkaya sekciya)* [Bulletin of the International Academy of Sciences (Russian Section)], 2022, no. s2, pp. 8–16.
6. Eretin A. V., Milokhin V. V. [Ergodesign – a new direction of research]. In: *Forum seriya: Rol' nauki i obrazovaniya v sovremenном informacionnom obshchestve* [Forum series: The role of science and education in the modern information society], 2010, no. 1–1 (2), pp. 38–45.
7. Kantaryuk M. V. [The role of ergonomics in the design of the production environment]. In: *Studencheskoe soobshchestvo i sovremennaya nauka: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchyonyh, Elec, 8 aprelya 2021 g. Vyp. 7* [Student community and modern science: materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists, Yelets, April 8, 2021. Issue 7]. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin Publ., 2021, pp. 450–454.
8. Kompaniets V. S., Lyz A. E. [Ergodesign of the user interface: usability research methods]. In: *Inzhenernyj vestnik Dona* [Engineering Bulletin of the Don], 2017, no. 3 (46), pp. 56.
9. Kuzmenko A. A. [Ergonomics and ergodesign in the context of the concept of sustainable development: harmonization of the socio-technological world]. In: *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2024, vol. 13, no. 2 (66), pp. 49–58. Kukushkina V. A., Dvurechenskaya D. I., Gosteeva O. V. [Design of an accessible environment for people with visual impairments]. In: *Tekhnologiya hudozhestvennoj obrabotki materialov: sbornik nauchnyh trudov XIX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii po napravleniyu «Tekhnologiya hudozhestvennoj obrabotki materialov», Lipeck, 25–28 oktyabrya 2016 g. Ch. 1* [Technology of artistic processing of materials: collection of scientific papers of the XIX All-Russian scientific and practical conference in the direction of “Technology of

- artistic processing of materials”, Lipetsk, October 25–28, 2016. Part 1]. Lipetsk, Lipetsk State Technical University Publ., 2016, pp. 279–289.
10. Kukushkina V. A., Dvurechenskaya D. I., Gosteeva O. V. [Design of an accessible environment for people with visual impairments]. In: *Tekhnologiya hudozhestvennoj obrabotki materialov: sbornik nauchnyh trudov XIX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii po napravleniyu «Tekhnologiya hudozhestvennoj obrabotki materialov»*, Lipeck, 25–28 oktyabrya 2016 g. Ch. 1 [Technology of artistic processing of materials: collection of scientific papers of the XIX All-Russian scientific and practical conference in the direction of “Technology of artistic processing of materials”, Lipetsk, October 25–28, 2016. Part 1]. Lipetsk, Lipetsk State Technical University Publ., 2016, pp. 279–289.
 11. Kumanin A. V., Kumanin V. I. *Dialog o dizajne* [Dialogue on design]. Tomsk, STT Publ., 2012. 120 p.
 12. Kumashkova A. A., Terekhova N. Yu., Kolegov A. A. [Ergodesign as a semantically conditioned integration of design and ergonomics]. In: *Budushchee mashinostroeniya Rossii 2022: sbornik dokladov. XV Vserossijskoi konferencii molodyh uchyonyh i specialistov (s mezhdunarodnym uchastiem)*, Moskva, 21–24 sentyabrya 2022 g. T. 1 [The Future of Mechanical Engineering in Russia 2022: collection of reports. XV All-Russian Conference of Young Scientists and Specialists (with international participation), Moscow, September 21–24, 2022. Vol. 1]. Moscow, Bauman Moscow State Technical University Publ., 2023, pp. 284–288.
 13. Munipov V. M. *Teoriya i praktika ergodizajna. Programma speckursa. Psihologiya truda i organizacionnaya psihologiya* [Theory and Practice of Ergodesign. Special Course Program. Labor Psychology and Organizational Psychology]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1977. 200 p.
 14. Nikitina E. K., Kiselev A. M. [Ergodesign is the most important component of the human habitat]. In: *Dizajn. Materialy. Tekhnologiya* [Design. Materials. Technology], 2012, no. 3 (23), pp. 30–32.
 15. Rykova E. S., Lysenko A. A., Konareva Yu. S. [Bionics as an ergodesign tool]. In: *Ergodizajn kak innovacionnaya tekhnologiya proektirovaniya izdelij i predmetno-prostranstvennoj sredy: inklyuzivnyj aspekt: sbornik nauchnyh trudov. Ch. 2* [Ergodesign as an innovative technology for designing products and subject-spatial environment: inclusive aspect: collection of scientific papers. Part 2]. Moscow, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), 2019, pp. 47–52.
 16. Ryabov O. R. [Anti-criminal design of the subject-spatial environment of the city]. In: *Vestnik Vostochnoj ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Eastern Economic, Legal and Humanitarian Academy], 2014, no. 1 (69), pp. 97–100.
 17. Solovieva N. N., Larina E. A. [Ergodesign – an innovative direction in design]. In: *Muzykal'noe i hudozhestvennoe obrazovanie: opyt, tradicii, innovacii: sbornik nauchnyh statej, Cheboksary, 14 oktyabrya 2016 g. Vyp. 1* [Musical and artistic education: experience, traditions, innovations: collection of scientific articles, Cheboksary, October 14, 2016. Iss. 1]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev Publ., 2016, pp. 19–22.
 18. Chaynova L. D., Bogatyreva T. G. [Ergodesign as a modern innovative technology of human-oriented design]. In: *Dizajn-revyu* [Design Review], 2008, no. 1–2, pp. 33–42.
 19. Attaianes E. Ergonomics of Built Environment i. e. How Environmental Design Can Improve Human Performance and Well- Being in a Framework of Sustainability. In: *Ergonomics International Journal*, 2017, no. 1 (1). Available at: <https://medwinpublishers.com/EOIJ/EOIJ16000S1-001.pdf> (accessed: 05.04.2024).
 20. Clark A., Ranlett S., Stiner M. Domestic spaces as crucibles of Paleolithic culture. In: *An archaeological perspective. Journal of human evolution*, 2022, no. 172. Available at: https://scholar.harvard.edu/files/amyclark/files/clark_etal_2022.pdf (accessed: 05.04.2024).
 21. Da Vela R. For the Pottery and for the Potters: An Ergonomic Approach to Pottery Production in Italy (8th–1st Century BC). In: Burkhardt N., Krämer R. P., hrsg. *Organizations of Production and Crafts in Pre-Roman Italy: Panel 3.7, Heidelberg: Propylaeum, 2022 (Archaeology and Economy in the Ancient World: Proceedings of the 19th International Congress of Classical Archaeology, Cologne/Bonn 2018, Band 11)*. Heidelberg, 2022, pp. 31–45.
 22. Fedato A., Silva-Gago M., Terradillos-Bernal M., Alonso-Alcalde R., Bruner E. Hand grasping and finger flexion during Lower Palaeolithic stone tool ergonomic exploration. In: *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2020, no. 12 (254). Available at: <https://cir.cenieh.es> (accessed: 05.04.2024).
 23. Goonatilake S. Ancient Sri Lankan Lumbar-Supported Seats. In: *Ergonomics in Design: The Quarterly of Human Factors Applications*, 2014, no. 22, pp. 27–30. DOI: 10.1177/1064804613509239
 24. Jastrzebowski W. An outline of ergonomics or the science of work based upon the truths drawn from the

- science of nature. Warsaw, Central Institute for Labour Protection Publ., 1857. 31 p.
25. Marmaras N., Poulakakis G. Papakostopoulos V. Ergonomic design in ancient Greece. In: *Appl Ergon*, 1999, no. 30 (4), pp. 361–368. DOI: 10.1016/s0003-6870(98)00050-7. PMID: 10416849
 26. Maurya C., Maurya N. Ancient Indian ergonomics wisdom and its contemporary significance. In: *Theoretical Issues in Ergonomics Science*, 2022, no. 23 (2), pp. 245–258. DOI: 10.1080/1463922X.2021.1898061
 27. Srinivasan T. M. Water Lifting Devices in Ancient India: Their Origin and Mechanisms (from the earliest times to c. A.D. 1000). In: *Indian Journal of History of Science*, 1970, no. 5 (2), pp. 379–389.
 28. Thatcher A. Affect in designing for sustainability in human factors and ergonomics. In: *International Journal of Human Factors and Ergonomics*, 2012, no. 1 (2), pp. 127–147.
 29. Venugopal J. Vastu Purusha Mandala- A Human Ecological Framework for Designing Living Environments. In: *Proceedings of International Conference on Advances in Architecture and Civil Engineering (AARCV 2012)*, 2012, vol. 2, pp. 870–877.
 30. Wynn T. Ergonomic clusters and displaced affordances in early lithic technology. In: *Adaptive Behavior*, 2021, no. 29 (2), pp. 181–195.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузьменко Александр Анатольевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры компьютерных технологий и систем Брянского государственного технического университета, заместитель главного редактора журнала «Эргодизайн»;
e-mail: alex-rf-32@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Kuzmenko – Cand. Sci. (Biological Sciences), Assoc. Prof., Department of Computer Technologies and Systems, Bryansk State Technical University, Deputy Editor-in-Chief of “Ergodesign” magazine;
e-mail: alex-rf-32@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кузьменко А. А. На пути формирования социально-философского подхода к осмыслению эргодизайна // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 111–122.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-111-122

FOR CITATION

Kuzmenko A. A. Formation of a Social-Philosophical Approach to Understanding Ergodesign. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 111–122.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-111-122

УДК 165.74:316.6

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-123-130

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В СВЕТЕ ЭКОФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Рочняк Е. В.*Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова**284626, Донецкая Народная Республика, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть идеи трансгуманизма не как движения, декларирующего возможность и необходимость фундаментальных изменений в природе человека с опорой на научные достижения, а как улучшения человека в рамках экофилософского, жизнесохраняющего и житнетворческого подхода.

Процедуры и методы. Для исследования данной проблемы были использованы общенаучные и частнонаучные методы – дедукция и индукция, анализ, синтез, обобщение, философско-исторический анализ, герменевтический метод.

Результаты. Проведённый анализ позволяет акцентировать мысль, что технологии и научные достижения обладают исключительно инструментальной функцией. Однако достижение желаемого будущего человечества возможно лишь через изменение аксиологических установок рационально-технологической парадигмы современного общества на ценности и регулятивы новой экофилософской парадигмы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования доказывают, что трансгуманизм является сложным мировоззренческим феноменом с богатой идейной составляющей, не терпящий однозначных оценок.

Ключевые слова: будущее человечества, трансгуманизм, трансгуманистические идеи, улучшение человека, экофилософия, экофилософская парадигма, экофилософский подход

TRANSHUMANIST IDEAS IN THE LIGHT OF THE ECO-PHILOSOPHICAL PARADIGM

E. Rochnyak*Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov**ul. Rudakova 25, Gorlovka 284626, Donetsk People's Republic, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the ideas of transhumanism not as a movement declaring the possibility and necessity of fundamental changes in human nature based on scientific achievements, but as ideas for human improvement within the framework of an eco-philosophical, life-preserving and life-creative approach.

Methodology. To study this issue, general and specific scientific methods are used including deduction and induction, analysis, synthesis, generalization, philosophical and historical analysis, and hermeneutics.

Results. The analysis allows us to emphasize the idea that technologies and scientific achievements have an exclusively instrumental function. However, achieving the desired future of humanity is possible only through changing the axiological guidelines of the rational-technological paradigm of modern society to the values and regulations of the new eco-philosophical paradigm.

Research implications. The results of the study prove that transhumanism is a complex worldview phenomenon with a rich ideological component that does not tolerate unambiguous assessments.

Keywords: future of humanity, transhumanism, transhumanist ideas, human enhancement, eco-philosophy, eco-philosophical paradigm, eco-philosophical approach

Введение

Термин «трансгуманизм» в современном смысле впервые был использован биологом-эволюционистом Джулианом Хаксли в сборнике эссе «Религия без откровения» (1927), который начинается с того, что автор, вдохновлённый достижениями науки и техники, считает «космическим долгом» человеческого рода «превзойти самого себя ... во всей своей полноте, как человечество». Он надеется на «новый вид существования», когда достаточное количество людей поверит в «трансгуманизм» [14, с. 17]. По его мнению, проблема заключается в том, что «контроль человека над природой пока распространяется на внешнюю природу: ещё предстоит добиться грандиозного завоевания своей собственной природы» [14, с. 12].

Активное формирование теоретической базы трансгуманистического движения в последние десятилетия прошлого века тесно ассоциируется с такими именами, как Н. Бостром, Н. Вита-Мор, В. Виндж, Э. Дрекслер, Р. Курцвейл, Дж. Лесли, М. Мор, Дж. Хьюз, хотя отдельные идеи трансгуманизма исследователи отмечают ещё в древнешумерских текстах [11]. Согласно данному мировоззрению, современный человек – не венец творения, а лишь очередной этап эволюционного пути вида *Homo Sapiens*. В частности, Ник Бостром, директор Института будущего человечества и профессор Оксфордского университета, пишет: «Трансгуманизм утверждает, что “человеческий вид” – это не конец нашей эволюции, а скорее её начало» [цит. по: 13, с. 57]. Идеи трансгуманизма наиболее популярны среди представителей точных и естественных наук, однако постепенно их начинает разделять всё большее число философов и социальных мыслителей.

На официальном сайте Российского трансгуманистического движения можно найти следующее определение: «Трансгуманизм – это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки мировоззрение, кото-

рое признаёт возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека»¹. Говоря кратко, трансгуманизм декларирует возможность и необходимость фундаментальных изменений в природе человека, опираясь на научные достижения.

Критика идей трансгуманизма

Дебаты об улучшении человека, похоже, так же стары, как и само человечество. Собственно, институты морали и права, культуры и религии, образования и государства ещё на заре цивилизации формировали и продолжают сейчас формировать дискурс, который должен вести к увеличению добра в людях. Первые попытки переосмысления и непосредственного, целенаправленного вмешательства в «дела Божьи» возникают в эпоху Просвещения (достаточно вспомнить одно из самых важных медицинских открытий этого времени – вакцинацию).

Однако сегодня перспективы изменения природы человека уже стали нашей реальностью благодаря научно-техническому прогрессу. В частности, всё чаще раздаются голоса, говорящие, что в эпоху трансплантации и хирургии головного мозга, зрительных и слуховых аппаратов, бионических протезов и экзоскелетов мы уже живём в трансгуманистическую эпоху. Особенно жаркие споры и множество дискуссий вызывают такие феномены, как вспомогательные репродуктивные технологии (экстракорпоральное оплодотворение), киборгизация (замена отдельных человеческих органов приборами и механизмами), клонирование (искусственное создание организмов, генетически идентичных ори-

¹ Российское трансгуманистическое движение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/94> (дата обращения: 08.02.2024).

гинальному донорскому), криостаз (замораживание трупов с целью их оттаивания и оживления в будущем). Собственно, достижения современных технологий служат непосредственным толчком к переосмыслению того, что значит быть человеком, поднимают глубокие эпистемологические и онтологические вопросы и революционизируют принципы морали.

Критика идей трансгуманизма выражается в двух дополняющих друг друга формах:

- возражения против достижимости целей трансгуманизма в принципе (в первую очередь бессмертия);

- возражения против нравственных принципов и мировоззрения трансгуманистов.

Противники часто видят в целях трансгуманистов угрозу общечеловеческим ценностям, государственным социальным программам, распространению гражданских прав и свобод вплоть до антропогенной катастрофы для жизни на Земле, по крайней мере в том виде, в каком мы её знаем. Одним из крайних аргументов является сопоставление целей трансгуманизма и евгеники. Наиболее системная критика трансгуманизма проявляется в концепции расчеловечивания (представлена в работах С. Лема и В. А. Кутырёва), т. е. утраты человеком со временем своей разноуровневой самоидентификации ещё до непосредственного вмешательства в физиологию собственного тела уже в процессе только лишь размышления над самой возможностью радикального преобразования своей природы. Критика программы трансгуманизма содержится в художественных произведениях и фантастических фильмах, которые, однако, больше рисуют воображаемые миры, нежели анализируют проблему. Апелляция трансгуманистов именно к технологическому преобразованию человека, которое зачастую не затрагивает область культуры и этики, вызывает особую неприязнь мыслителей. Так, Ф. Фукуяма назвал трансгуманизм «самой опасной в мире идеей»¹.

¹ Bostrom Responds to Fukuyama's Assertion that Transhumanism is World's Most Dangerous Idea

Трансгуманизм экофилософского характера как современный этап развития гуманистических идеалов

Вместе с тем можно сместить угол зрения и акцентировать момент, согласно которому трансгуманизм стремится к дальнейшему развитию гуманистических идеалов. Соответственно, его целью является достижение человеческого совершенства посредством методов оптимизации – совершенствования человека, причём не только его тела, но и духа. В таком случае различные технологии и научные достижения закономерно отодвигаются на второй план и ограничиваются исключительно инструментальной функцией. На первом же плане остаётся Человек с большой буквы, человек как субъект, активно изменяющий не только среду своего обитания (что особенно активно происходит с начала эпохи индустриализации и результаты чего вызывают обоснованные опасения), не только свой телесный мир (последние достижения в области восстановительной медицины), но и прежде всего интеллектуальный, психический, душевный и духовный миры.

С этой точки зрения несомненным предшественником современного трансгуманизма является философия русского космизма (В. И. Вернадский, В. Ф. Купревич, Л. И. Мечников, В. Н. Муравьев, А. П. Сухово-Кобылин, Н. Ф. Фёдоров, Н. Г. Холодный, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и др.), которая одновременно является идейной базой такого относительного нового направления философии, как экофилософия [6].

В отечественной философской мысли экофилософия рассматривается как «направление современного знания, главные установки которого связаны с жизнесохраняющим освоением мира человека как субъекта Земли, взятым в его всеобщности и универсальности связей с природой, культурой и историей, с бытием, включая бытие кос-

[Электронный ресурс] // World Transhumanist Association (10.09.2004). URL: <https://www.transhumanism.org/index.php/WTa/more/bostrom-responds-to-fukuyama> (дата обращения: 10.02.2024).

моса и безмерности и глубины мира самого человека» [2, с. 40]. А в качестве основных целей экофилософии выдвигаются следующие: «знать и осмыслить происходящие процессы в целом, выявить общие закономерности, понять место человека в мире» [5, с. 23], т. е. осуществить «комплексное социально-философское осмысление коэволюции человека, общества и природы» [7, с. 78].

Экофилософия предлагает уйти от «моносистемного» видения антропоцентризма с его зачастую бинарным видением действительности («человек – общество», «личность – масса», «биологическое – техническое») и провозглашает необходимость перехода к антропной полисистемности, позволяющей рассматривать человека как активный «элемент», который живёт и реципрочно воздействует на другие элементы одновременно многих миров как на микро-, так и макроуровне – физического мира первой, естественной (молекулы и атомы / Космос) и второй, искусственной природы (технические достижения), социального мира общества (семья, этнос, класс), символического, знакового мира культуры (индивидуальная / мировая культура).

«Птолемеевский» эгоцентризм понимания человека в экофилософии сменяется «коперниканским» пониманием взаимосвязей и постоянного непосредственного взаимодействия его различных жизненных миров. В связи с этим актуальными звучат слова классика советской эмпирической психологии А. Н. Леонтьева: «Нужно только при этом подчеркнуть, что включённое в систему вовсе не значит растворяющееся в ней, а, напротив, обретающее и проявляющее в ней силы своего действия» [9, с. 229].

Впервые в наиболее концентрированном выражении эта идея прозвучала в фундаментальных исследованиях В. И. Вернадского. Он последовательно отстаивал представление о необходимости перехода от рассмотрения отдельных замкнутых миров человека, природной сре-

ды, общества к изучению их жизни и взаимного влияния в глобальных масштабах с выходом в итоге на систему ноосферы, т. е. созданной деятельностью разумной, творческой человеческой мыслью сферы, имеющей всепланетарный, а в идеале и вселенский характер.

Системный анализ биосферы, осуществлённый учеником и последователем В. И. Вернадского Н. В. Тимофеевым-Ресовским, способствовал формированию представлений о едином процессе самоорганизации материи во Вселенной и о месте человека в мировой динамике. Жизнь – результат сложного, но согласованного взаимодействия живой и неживой материи, сопряжённой эволюции земных и космических факторов. И любые нарушения в этой сложной системе мега-мира губительны для человека.

Позднее идеи о ноосферном будущем входят в сферу мышления не только философов, но и представителей других областей научного знания и культуры. Так, изучение гармонично взаимообусловленного развития природы и человеческого общества, т. е. коэволюции, как продолжении идей В. И. Вернадского, стало делом жизни Н. Н. Моисеева, основоположника целого ряда новых направлений в общей механике, прикладной математике и математической физике, внёсшего также значительный вклад в развитие теоретической базы экофилософии. Выделение общих закономерностей коэволюции легло в основу его труда «Алгоритмы развития» [10]. А поиск ответов на вопросы о средствах исследования особо сложных и динамичных систем мира привело к разработке понятия «диссипативные системы» бельгийским физиком русского происхождения И. Пригожиным в 1977 г. Данное понятие легло в основу синергетики, представляющей собой одну из составляющих методологической основы экофилософии.

Рассмотрение человека как активного субъекта изменений – фундамент современного трансгуманизма

Согласно Петре Миссомелиус, в последние годы трансгуманистами и биоэтиками всё чаще используется термин «улучшение человеческого потенциала» для обобщения вмешательств, направленных на улучшение характеристик человека и предотвращение или устранение его недостатков [15, с. 122–123]. Причём имеется в виду не только и не столько уровень телесности. Всё активнее среди представителей разнородного трансгуманистического движения звучат голоса о том, что человек обязан выступать не относительно пассивным, лишь воспринимающим объектом своего улучшения, а субъектом этого процесса; не «иметь» (в том числе новейшие здоровьесберегающие и продляющие полноценную жизнь технологии), а «быть». И это «быть» как экзистенциальный вызов в понимании С. Кьеркегора во многом базируется на развитии жизнетворческих идеалов и ценностей, на созидательной, реконструирующей деятельности, приводящей к целенаправленной перестройке мотивационно-смысловых отношений человека к природе, обществу, другим людям и самому себе.

Учёный В. Гейзенберг [5], отмечая всё усиливающуюся тенденцию гуманизации современной науки, констатировал, что чем глубже мы вглядываемся во Вселенную, тем больше видим в ней человека, ибо «каков мир, таков и человек, каков человек, таков и мир». Сегодня перед человечеством стоит задача поистине мировой, космической важности: понять «общие интересы» человека, природы и общества, найти законы, управляющие развитием всей этой системы, и отыскать такие пути, которые позволили бы перевести её в фазу естественной гармонии [4]. Только разумная творческая деятельность человека является решающим фактором развития его жизненных миров и превращения их совокупности в ноосферу, которая будет удовлетворять все материальные, социальные и эстетические потребности человечества.

Экофилософское концептуальное пространство предполагает «субъекто-сохраняющее решение проблемы связей содержания целей и средств» [3, с. 522]. Поэтому в его рамках трансгуманистические идеи и образы ориентированы, прежде всего, не на технологические достижения, а на оздоровление и сохранение богатства мира человека и природы. Усовершенствование анатомии человеческого организма и расширение его функциональных возможностей, «техногенные костыли» более совершенных производств выступают не в качестве цели, а лишь как средство по улучшению качества жизни. По этому поводу, размышляя об основных вызовах современности, очень точно отмечает известный отечественный философ В. В. Миронов, что «чем выше уровень технологии производства и всей человеческой деятельности, тем выше должна быть и ступень развития общества, самого человека в их взаимодействии с природой, новая цивилизация и новая гуманистическая культура, исходящая из того, что человек – самоцель общественного развития»¹.

Солидарные с В. В. Мироновым идеи высказывает и А. В. Толстоухов, который, предпринимая попытку поиска путей будущего человечества, постулирует, что решение глобальных проблем состоит в осознании факта: сохранение и продление жизни как таковой остаётся задачей, которую должен решать именно человек [12, с. 4–5]. В связи с этим главной задачей современной философии предстаёт не рефлексия относительно имеющегося знания, а попытка осознанной ориентации как науки, так и человеческой жизнедеятельности в целом для достижения желаемого человеческим сообществом «эко-будущего» [12, с. 6].

Хорошим примером, иллюстрирующим экофилософский подход к проблеме трансгуманизма, с нашей точки зрения, выступает работа авторитетного испан-

¹ Миронов В. В. Трансформация человека в глобальном мире цифровой культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.msu.ru/transform> (дата обращения: 10.02.2024).

ского мыслителя и исследователя Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», в которой он указывает на существование сложного взаимодействия новейших технологий и социума, имеющего характер конвергенции (от лат. *con* – ‘вместе’ и *vergere* – ‘сближаться’): «Мои наблюдения показывают, что существует сложное взаимодействие между технологией, обществом, экономикой, культурой и политикой, которое преобразует мир, но не обязательно к лучшему. Это целиком и полностью будет зависеть от нас, от того, как мы, люди, используем эти технологии и приспособляем их к нашим нуждам, нашим мечтам, нашим проектам в конкретных жизненных условиях в каждом обществе и для каждого человека» [8, с. 22]. Иначе говоря, главенствующую роль для смыслообразования нового мира имеют не столько знания и технологии, стоящие во главе угла рационально-технологической парадигмы современного общества, сколько и прежде всего сферы жизненного мира человека с его аксиологическими установками, этическими регулятивами и гуманистическими ценностями.

Заключение

В английском языке есть крылатое выражение: «Деньги – хорошие слуги, но плохие хозяева» (“money is a good servant but a bad master”), приписываемое Фрэнсису Бэкону. Подобно деньгам из этой пословицы научные достижения могут дать человечеству огромные возможности для дальнейшего развития и одновременно могут лишить его шанса на выживание как вида. Важно помнить, что «никакие технологические инновации сами по себе, никакие приборы и конструкции не способны реально сделать общество более зрелым: технологии лишь ускоряют темпы распространения информации, расширяют и усложняют сетевые структуры, но не обеспечивают гуманистический аспект освоения информации, не совершенствуют и не развивают мир человека» [1, с. 13]. Из всего сказанного вытекает, что трансгуманистические идеи в свете экофилософской парадигмы выводятся за рамки чисто технико-технологических инноваций.

Статья поступила в редакцию 06.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова Э. В. Медиакультура в антропо-экологических стратегиях эпохи информациологии // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 1. С. 3–14.
2. Баркова Э. В. Человеческий капитал в проекции экофилософии: к анализу «Грядущего хама» Д. С. Мережковского // Человеческий капитал. 2018. № 9 (117). С. 37–47.
3. Баркова Э. В. Концепция банальности зла Ханны Арендт в проблемном поле экофилософии человека // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных: материалы VII Международной научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов и студентов, Грозный, 28–29 мая 2021 г. Грозный: АЛЕФ, 2021. С. 520–527.
4. В поисках равновесия. Экология в системе социальных и политических приоритетов / отв. ред. Б. М. Маклярский. М.: Международные отношения, 1992. 294 с.
5. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1990. 399 с.
6. Горохов С. А. Экофилософия: современные подходы и проблемы // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 22–29.
7. Гурьянова А. В., Жданова В. В. Экофилософия как мировоззренческая основа глобализации и цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 76–84.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / науч. ред. О. И. Шкаратан. М.: Высшая школа экономики, 2000. 608 с.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
10. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 302 с.
11. Рочняк Е. В. Трансгуманизм как один из возможных путей будущего развития человечества: история идеи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия:

Философские науки. 2022. № 2. С. 108–116.

12. Философия природы / отв. ред. А. В. Толстоухов. Киев: ПАРАПААН, 2006. 208 с.
13. Grunwald A., Hartlieb von J. Ist Technik die Zukunft der menschlichen Natur? Hannover: Wehrhahn Verlag, 2012. 271 p.
14. Huxley J. Transhumanism // New bottles for new wine. London: Chatto and Windus, 1957. P. 13–17.
15. Missomelius P. Das digitale Selbst – Data Doubles der Selbstvermessung // Selke S. Lifelogging. Wiesbaden: Springer VS, 2016. P. 257–286. DOI: 10.1007/978-3-658-10416-0_12

REFERENCES

1. Barkova E. V. [Human Capital Asset in the Projection of Ecophilosophy: To the Analysis of the “Gryadushchiy Kham” by D.S. Merezkhovskiy]. In: *Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace], 2012, no. 1, pp. 3–14.
2. Barkova E. V. [Human Capital in the Projection of Ecophilosophy: Towards the Analysis of D. S. Merezkhovskiy’s “The Coming Boor”]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human Capital], 2018, no. 9 (117), pp. 37–47.
3. Barkova E. V. [Hannah Arendt’s Concept of the Banality of Evil in the Problematic Field of Human Ecophilosophy]. In: *Aktual’nye problemy sovremennoj nauki: vzglyad molodyh uchonyh: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchonyh, aspirantov i studentov, Groznyj, 28–29 maya 2021 g.* [Actual Problems of Modern Science: the View of Young Scientists: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Postgraduates and Students, Grozny, May 28–29, 2021]. Grozny, ALEF Publ., 2021, pp. 520–527.
4. Maklyarsky B. M., ed. *V poiskah ravnovesiya. Ekologiya v sisteme social’nyh i politicheskikh prioritetov* [In Search of Balance. Ecology in the System of Social and Political Priorities]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1992. 294 p.
5. Geizenberg V. *Fizika i filosofiya. Chast’ i celoe* [Physics and Philosophy. Part and Whole]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 399 p.
6. Gorokhov S. A. [Ecological Philosophy: Modern Approaches and Issues]. In: *Problemy sovremenno go obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2020, no. 2, pp. 22–29.
7. Guryanova A. V., Zhdanova V. V. [Ecophilosophy as a Worldview Basis of Globalization and Digitalization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2022, no. 1, pp. 76–84.
8. Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture (Rus. ed.: Shkaratan O. I., ed. *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul’tura*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2000. 608 p.).
9. Leontiev A. N. *Deyatel’nost’. Soznanie. Lichnost’* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1977. 304 p.
10. Moiseev N. N. *Algoritmy razvitiya* [Development Algorithms]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 302 p.
11. Rochnyak E. V. [Transhumanism as One of the Possible Ways of the Humanity Future Development: The History of Idea]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2022, no. 2, pp. 108–116.
12. Tolstoukhov A. V., ed. *Filosofiya prirody* [Philosophy of Nature]. Kiev, PARAPAN Publ., 2006. 208 p.
13. Grunwald A., Hartlieb von J. Ist Technik die Zukunft der menschlichen Natur? Hannover, Wehrhahn Verlag, 2012. 271 p.
14. Huxley J. Transhumanism. In: *New bottles for new wine*. London, Chatto and Windus, 1957, pp. 13–17.
15. Missomelius P. Das digitale Selbst – Data Doubles der Selbstvermessung. In: Selke S. *Lifelogging*. Wiesbaden: Springer VS, 2016, pp. 257–286. DOI: 10.1007/978-3-658-10416-0_12

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Владимировна Рочняк – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Донецкого государственного педагогического университета;
e-mail: lero1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena V. Rochnyak – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Philosophy and History, Donetsk State Pedagogical University;
e-mail: rusbat79@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рочняк Е. В. Трансгуманистические идеи в свете экофилософской парадигмы // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 123–130.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-123-130

FOR CITATION

Rochnyak E. V. Transhumanist Ideas in the Light of the Eco-philosophical Paradigm. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 123–130.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-123-130

УДК 1:316: 331

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-131-140

ХАРАКТЕР ТРУДА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ: СВОБОДНЫЙ VS ВЫНУЖДЕННЫЙ

Чернавин Ю. А., Федотов В. В.*Российский университет транспорта**127994, г. Москва ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать сущность и взаимодействие видов труда – свободного и вынужденного – в качестве фактора гуманизации трудовой деятельности в постиндустриальном мире.

Процедура и методы. Посредством реализации деятельностного метода и метода институализации раскрыты трансформации в характере и организации труда, закономерное взаимодействие институтов труда и социальной деятельности в современном обществе.

Результаты. Обоснована тенденция гуманизации труда как характеристики постиндустриального общества. В основе её развития лежит противоречивый конструкт «свободно-вынужденного» труда, выражающий изменения в трудовой деятельности. Сохранение современной цивилизации на позициях трудоцентризма в то же время отличается её сдвигом в сторону собственно социальной деятельности, возникновением обобщающего активность человека феномена «социально-трудовой занятости».

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в утверждении феномена труда в качестве решающего фактора развития постиндустриального мира.

Ключевые слова: вынужденный труд, посттрудовое общество, свободный труд, социальная деятельность, труд, трудоцентризм

THE NATURE OF LABOR IN THE POST-INDUSTRIAL WORLD: FREE VS FORCED

Y. Chernavin, V. Fedotov*Russian University of Transport**ul. Obratsova 9, p. 9, Moscow 127994, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the essence and interaction of types of labor – free and forced – as a factor of humanization of labor activity in the post-industrial world.

Methodology. Through the implementation of the activity method and the method of institutionalization, transformations in the nature and organization of labor, the natural interaction of labor institutions and social activities in modern society are revealed.

Results. The tendency of humanization of labor as a characteristic of post-industrial society is substantiated. Its development is based on the contradictory construct of “free-forced” labor, expressing changes in the labor activity. At the same time, the preservation of modern civilization in the positions of labor-centrism is distinguished by its shift towards proper social activity, the emergence of the phenomenon of “social and labor employment” generalizing human activity.

Research implications. The research asserts the phenomenon of labor as a decisive factor in the development of the post-industrial world.

Keywords: forced labor, post-labor society, free labor, social activity, labor, labor centrism

Введение

Осмысление проблемы труда в постиндустриальном мире приводит к двум наиболее ярким трактовкам развития данного феномена:

1) снятию труда с социальной и научной повестки в современной западной теории и практике, поскольку в постиндустриальном мире его объём и масштабы сокращаются. Автоматизация и роботизация производства создают основу для перехода от работы к социальной деятельности (досу-гу) как способу существования социума и человека, т. е. проблема соотношения вынужденного для человека труда как условия его выживания и труда в качестве свободной деятельности не рассматривается, и в целом речь идёт о переходе западной цивилизации от эпохи трудоцентризма к посттрудовому обществу;

2) сохранению труда в качестве экзистенциальной характеристики человеческого бытия. При этом упор делается на изменение его характера, рост в условиях постиндустриализма свободной трудовой деятельности, творческой и эффективной в отличие от вынужденного труда, труда как условия выживания. Данная – вторая – исследовательская позиция представляется оправданной в научном и практическом отношении. Задачей статьи является анализ её положений в сравнении с западным подходом; обоснование сохранения при постиндустриализме ценностей общества трудоцентризма, развивающего одновременно институты социальной деятельности.

Основные подходы к пониманию труда

Исходной точкой анализа заявленной проблемы выступает понимание труда. В современных исследованиях данный феномен рассматривается преимущественно в рамках узкого (преимущественно экономического) понимания, нежели в категориях личностного развития и широкой (социально-философской) трактовки.

В первом случае осмысление труда осуществляется с позиций стадийного под-

хода к эволюции общества. Данный подход, опирающийся на принцип технологического детерминизма, полагает движущей силой социальной динамики науку и технику, а доминирующей тенденцией глобального развития объявляет технократизм. Труд в этом случае предстаёт как сознательная и целенаправленная деятельность людей, ориентированная на преобразование и приспособление предметов природы для удовлетворения потребностей работников. Этапы развития труда соответствуют стадиям исторической эволюции: ручной труд (традиционное аграрное общество); машинный труд (индустриальное общество); автоматизированный труд (постиндустриальное общество). При этом в рамках постиндустриального общества современная теория и практика выделяют подэтап его развития – общество цифровое. В цифровом обществе наряду с автоматизацией производство приобретает ещё одну характеристику, выступает как роботизированный процесс.

Автоматизация и роботизация труда, использующая искусственный интеллект, аддитивные и цифровые технологии, обеспечивает его высокую производительность, сокращает масштабы и объёмы работы, преобразует рынок труда, основной тенденцией которого становится рост безработицы. Впрочем, в ряде случаев научное сообщество, а порой и правительства развитых стран не видят в безработице той социальной проблемы, которую она создавала в начале XX в. в условиях индустриального производства и его кризисов. С их точки зрения, данный феномен сопровождает закономерные процессы изменения трудовой сферы, связанные с назревшим переходом от труда к социальной деятельности (досу-гу). В этом случае социальная деятельность как способ существования человека посттрудового общества – общества, освобождённого от труда, – рассматривается с позиций личностного развития, самореализации, культурного роста. Первоначально по данному пути пойдут группы, оказавшиеся вне трудовой сферы. Обеспечивать жизнь человека в финансовом отношении при этом предполагается посредством без-

условного базового дохода (ББД). Под таким доходом понимаются выплаты всем гражданам, производимые вне зависимости от каких бы то ни было условий.

Таким образом, технократизм как парадигма, рассматривая основные факторы исторического процесса, оставляет труд на втором плане (в пользу науки и техники). Соответствующее – неглавное – место в деле расцвета страны и счастья человека отводится совершенствованию его характера и организации. Данная позиция «покоится на высокомерной уверенности идеологов-технократов, что праздность и отсутствие усилий есть тайная или явная цель любого человека» [12, с. 51].

Во втором случае – в широком, социально-философском смысле – труд рассматривается как взаимодействие людей, деятельность в интересах преобразования природы и одновременно субъекта труда – человека. При таком подходе меняется – расширяется – предметность трудовой деятельности: не только преобразование природы в интересах удовлетворения жизненных потребностей работника и развития социума, но и развитие личности в процессе данной деятельности. Об этом пишет К. Маркс: «В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия ... но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык» [6, с. 483–484]. Развитие личности работника, безусловно, зависит от характера труда: в одном случае – монотонного, не требующего высокой квалификации, направленного на удовлетворение базовых потребностей; в другом случае – труда сложного, творческого, удовлетворяющего не только базовые, но и высшие потребности и интересы, связанные с мировоззренческими смыслами и ценностями, самореализацией личности. Тем не менее, в любом случае труд рассматривается как способ существования человека и

общества, средство сохранения и развития материальной и духовной культуры.

Социально-философская трактовка труда характерна для цивилизационного подхода к анализу истории, опирающегося на социальный детерминизм. В этом случае определяющим фактором социальной эволюции выступает человек и его культура, а в качестве доминирующей тенденции мирового развития рассматривается гуманизм. В рамках подобного подхода труд и его организация прошли следующие этапы исторического развития: 1) наличие присваивающей деятельности в примитивном обществе как характеристика приспособления человека к природе, отсутствие производительного труда; 2) труд как обязанность низших социальных слоев и свободная трудовая деятельность социальных групп с высоким социальным статусом (в управлении, науке, культуре) в традиционном обществе; 3) всеобщность труда в индустриальном мире; 4) современная трансформация труда, движущаяся к совмещению его вынужденной и свободной формы. При этом основная характеристика происходящих в постиндустриальном мире изменений – гуманизация труда. Осмыслению данных положений уделим особое внимание.

Основы философского понимания рассматриваемых проблем заложил К. Маркс. Его учение в целом в известном смысле можно представить как исследование проблемы труда и свободного времени, проделанное с помощью отчуждения труда в качестве познавательного инструмента. По мысли Маркса, труд – всеобщий закон человеческого бытия; феномен, преобразующий и природу, и человека; фактор возникновения системы производственных отношений, составляющих скелет общественных отношений; основа одного из основополагающих социальных институтов (института труда). При этом функциональная полнота принадлежит «всеобщему труду», не связанному с непосредственной физической потребностью, – труду свободному.

Другое дело – отчуждённый труд. Его формами является отчуждение человека от продуктов своего труда, отчуждение чело-

века от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, наконец, отчуждение человека от человека. Причину отчуждения К. Маркс видит в развитии производительных сил в форме частной собственности. С её помощью закрепляется разделение труда, генерирующее соответствующий – вынужденный – способ деятельности и столь же вынужденный способ объединения людей в процессе производства. Труд выступает не собственной силой человека, а господствующей над ним силой принудительной. Таким образом, по Марксу, снятие отчуждения превращает вынужденный труд в труд свободный. Классики марксизма пишут: «Пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т. е. должны уничтожить труд» [7, с. 78], имея в виду труд отчуждённый, вынужденный.

За прошедшие со времён написания марксистских трудов более чем полтора столетия социальные обстоятельства и соответствующие научные взгляды существенно изменились. Ушло в историю требование уничтожения частной собственности для преодоления феномена отчуждения труда и утверждения таким образом труда свободного. Однако сама проблема осталась. Сегодня она имеет два аспекта: 1) отмеченная ещё Марксом необходимость замены вынужденного труда свободной трудовой деятельностью; 2) по сути, отмена Маркса: уход труда с исторической сцены, основную роль на которой будет играть социальная деятельность.

Характер и организация труда в постиндустриальном мире

Современные признаки вынужденного труда, а также будущее свободного труда осмыслено, в частности, И. Джохадзе, который полагает: «Человек производящий» (*homo faber*), для которого труд – не счастливая *возможность*, а тягостная *необходимость*, который не живёт, чтобы

"трудиться", а трудится – чтобы "жить" – такой человек ... не свободен, не независим» [3, с. 7]. «Наёмный труд является современной – более "технологической", но не менее унижительной и бесчеловечной – формой рабства» [3, с. 9]. «За пределами репрессивного мира наёмного рабства депрофессионализированный индивид, избавившись от экономической и психологической зависимости от конкретной профессиональной деятельности, сможет обрести в свободном труде подлинный смысл своего существования. Вместо того, чтобы трудиться для жизни, он получит возможность жить для труда» [3, с. 17].

В данном случае под вынужденным трудом понимается деятельность наёмного работника, обладающего той или иной профессией, занятого на рабочем месте в интересах удовлетворения своих материальных потребностей. Т. е., освободившись от найма, профессии, не заботясь об удовлетворении базовых потребностей (которые, видимо, будут кем-то удовлетворены), человек окажется в условиях свободного труда, направив все силы на собственное совершенствование. Вообще говоря, связанный со значимостью свободного труда пафос вполне оправдан. Сегодня идеи Маркса, писавшего об уничтожении отчуждения труда, как никогда актуальны. В то же время обозначенные выше характеристики вынужденного труда, в отличие от свободного, вызывают сомнения. В этом отношении, думается, следует анализировать не наём и профессиализацию, а характер и организацию трудовой деятельности современного работника, а также его удовлетворённость трудом, связанную с реализацией базовых и/или высших потребностей и интересов.

Необходимость и вынужденность труда, лежащего в основе трудовой мотивации работника, порождают соответствующий интерес и отношение к нему, связанное лишь с удовлетворением материальных потребностей. Такой труд интересен постольку, поскольку хорошо оплачивается. Т. е. работник получает удовлетворение не от характера и процесса трудовой деятель-

ности, а от её финансовых результатов. Невысокая оплата ведёт к прекращению трудовых отношений, а безысходность, связанная с необходимостью работать за скромное вознаграждение, превращает работу в тягость.

Свободный труд реализует другой интерес, связанный не только с базовыми потребностями, но и с потребностями высшими, духовными, способствует утверждению и развитию личности, её творчеству в процессе трудовой деятельности. В условиях современной экономики знаний развивается процесс интеллектуализации труда, растёт его креативная и инновационная составляющая. Необходимость решения нестандартных задач в условиях использования искусственного интеллекта, робототехники, комплексирования технологий физического, цифрового, биологического мира превращает труд в реализацию личностного творческого потенциала работника. На первый план в современном мире выходит креативный класс, формирующий в процессе инновационной трудовой деятельности не только собственные социальные траектории, но и новые стратегии и модели общественной жизни, цели и ценности [4, с. 958]. По сути, речь идёт не столько о решении производственных задач, сколько о создании новых общественных форм и отношений, развитии личности и социума. Подобные трансформации – проявление и результат свободного труда, дающего о себе знать в постиндустриальном мире.

Помимо собственно характера труда (вынужденного, зачастую монотонного, рутинного или свободного, как правило, инновационного, творческого), для анализа заявленной проблемы важна организация трудовой деятельности. Её развитие противоречиво: с одной стороны, растёт обязательность, принудительность, требовательность к работе, с другой – развиваются новые формы, подвигающие работника к самостоятельному, свободному выбору и организации своей трудовой деятельности. Так, изменениям подвержена базисная модель труда, характеризующая-

ся наймом во имя заработка. Сегодня она усложнилась, выработала применительно к работнику новые вызовы. Современный работодатель ждёт от сотрудника трудовой деятельности не только на протяжении рабочего времени, но и ненормированного рабочего дня, выполнения по его окончании работы на дому, круглосуточного доступа, не рутинного функционала, а постоянной инициативы. При этом желательны процессы систематической специализации, повышения квалификации, приобретения компетенций для решения новых задач и т. д. Всё это, как правило, выходит за рамки рабочих часов [8, с. 77], сворачивается свободное время, растёт напряжённость деятельности, её обязательность, усиливается нагрузка на психику.

В то же время технологии удалённой занятости активно преобразуют производство в гиг-экономику – экономику свободного заработка. Уходит эпоха стабильной занятости, традиционных видов труда, деления на труд умственный и физический, утверждается формат временных контрактов, гибких графиков, дистанционного решения задач. Фокус трудоустройства смещается на перманентный поиск основного или дополнительного заработка, постоянное переобучение, расширение спектра профессиональных навыков и т. д. [10, с. 79–88]. У фрилансера стирается грань между трудом и отдыхом, человек оказывается в ситуации перманентной «вялотекущей» работы. Однако он обладает свободным временем, способствующим творчеству, изобретению, созданию нетривиальных продуктов.

Экономика свободного заработка в применении к человеку, высоко мобильная деятельность малых и средних фирм, особенно выполняющих научно-производственные, конструкторские разработки, создающих программное обеспечение, на наших глазах утверждает новую культуру труда, способствующую реализации инновационного потенциала личности. Поэтому передовые корпорации, реагируя на изменения трудовой сферы, сегодня так структурируют рабочее пространство, что-

бы оно давало работнику возможности для самоорганизации деятельности.

Таким образом, в современном мире в значительной степени размываются критерии вынужденного и свободного труда. Работа выходит за фабричные стены и офисные помещения независимо от найма или предпринимательства. Зачастую совпадает тип труда, которым люди готовы заниматься, способствующего самореализации, проявлению творчества, вызывающего интерес. В большей или меньшей степени одной и той же становится организация трудовой деятельности, а в фокусе современной трудовой сферы оказываются креативный работник.

Продоланный анализ приводит к выводу о появлении новой тенденции, характерной для постиндустриального мира и связанной с уходящей актуальностью былых критериев свободного и вынужденного труда. Современная трудовая деятельность отличается своеобразным «*свободно-вынужденным*» характером, а в качестве основной тенденции происходящей трансформации имеет *гуманизацию труда*. Её содержание связано с усилением социальной ориентации производства, созданием благоприятных для работника условий труда, предоставлением ему широких возможностей для реализации личностных потенций, самовыражения, развития.

В основе гуманизации лежит «труд как самоценность». Данный конструкт имеет как априорную, так и социальную природу, раскрывает значимость труда в качестве мировоззренческой ценности и необходимого способа социального и личностного бытия. Коренящийся в бессознательном, он сродни юнговским архетипам выражает закономерный результат длительного развития мировых цивилизаций. На социальной поверхности данный феномен предстаёт как важнейший компонент ценностных ориентаций личности. Определяя отношение к миру и самому себе, человек с необходимостью включает в собственную мировоззренческую систему и *отношение к труду*. Безусловно, наличие основы такого рода не предполагает автоматиче-

ского возникновения высокой трудовой мотивации, но создаёт её возможность. Реализация определяется совокупностью актуальных социальных условий и факторов, а также политикой общества в отношении человека труда. Касаясь данного аспекта, В. Мирзоян подчёркивает: акцент только на стоимостном вознаграждении умаляет понимание труда как самоценности, в результате «ускользает возможность вознаграждения работника самим трудом, в процессе самого труда» [9, с. 8].

Итак, работник может быть удовлетворён *результатами* трудовых усилий либо самим трудовым *процессом*. Разница между первым и вторым значительна: удовлетворение, скажем, от высокого заработка – одно, удовлетворение, например, от процесса литературного или научного творчества – другое. Но в целом – наличие удовлетворения от труда. Оно в решающей степени связано со смыслом, который человек находит в труде. Всякий труд по призванию, вызывающий удовлетворение, высоко оцениваемый, прежде всего, самим работником, становится самоценностью. В жизни совершенно не обязательно та или иная трудовая деятельность отличается творчеством, требует высокого уровня образования и квалификации. Решающая роль принадлежит самому человеку, который может заниматься рядовой работой, зачастую однообразной и не отличающейся инновационным характером, но видеть в ней смысл, ценность и социальную значимость. Об этом писал Э. Фромм, утверждая: «В жизни нет иного смысла, кроме того, какой человек сам придаёт ей, раскрывая свои силы, живя плодотворно» [13, с. 27]. Люди различны, разнятся их predispositions и потенции, соответствующие тому или иному рабочему месту. Главное – возможность выбора, принятия решения вне давления обстоятельств, наделение собственного выбора и решения смыслом и ценностью.

Контуры будущего: царство труда или пространство социальной деятельности?

Уход института труда в историю и замена его институтами социальной деятельности, обсуждаемая сегодня в качестве варианта развития общества, имеет свою основу, заложенную в своё время опять-таки К. Марксом. Классик трактовал свободное от работы время в качестве возможности собственного развития личности. «Время – это *простор* для развития способностей», – писал он. «Свободное время, время, которым можно располагать, есть самое богатство» [5, с. 264, 265].

Современные апологеты посттрудового социума уверены, что в ближайшем будущем человек на Западе, оказавшись в царстве свободного времени, получит возможности и условия для концентрации не на труде, а на алгоритмах социальной деятельности, способствующей личностному развитию. Первоначально такой деятельностью будут заниматься группы, оказавшиеся вне трудовой сферы вследствие её автоматизации и роботизации производства и живущие на безусловный базовый доход. Помимо спасения от безработицы, БДД создаст возможности для их развития и самосовершенствования. «Самое время готовиться и готовить общество к масштабному преобразованию – к переходу от труда к деятельности», – подчёркивается в публикациях сторонников ухода от ценностей трудоцентризма [8, с. 74].

Если у идеологов современного посткапитализма, посттрудового общества, безусловного базового дохода будущее связано не с трудом, а с «социальной деятельностью», «досугом», то в работах В. Иноземцева место «деятельности» занимает «творчество». Рассматривая проблему на уровне философии истории, автор выделяет в эволюции человечества три масштабные эпохи: доэкономическую, экономическую и постэкономическую. Предлагаемая типология общества соответствует формам деятельности: предтрудова инстинктивная активность – труд

– творчество¹. Т.е. постэкономическая социальная система противостоит всем историческим эпохам, основанным на существовании частного материального интереса и соответствующим трудовой мотивации. В центре социальной системы будет стоять человек с соответствующим мировоззрением и творческим отношением к себе и миру. Эпоха «наёмного рабства» в этом случае остаётся в прошлом. Таким образом, те или иные подходы к обществу будущего, вырабатывая его основную характеристику, различаются в терминах, но совпадают в главном – труд будет стремиться к нулю, а социальное поле займут содержательно совпадающие «социальная деятельность», «творчество», «досуг». Впрочем, справедливо замечает автор теории нооэкономики С. Бодрунов, наличие «этих возможностей само по себе вовсе не гарантирует, что свободное время станет пространством человеческого развития, а не временем праздности и безудержного потребления» [1, с. 25]. «Когда у человека много свободного времени – он немногого достигнет», – утверждает в широко известном высказывании Сюнь-цзы.

Цель построения идеального государства и общества путём освобождения от труда – и вынужденного, и свободного – ошибочна. «Вне труда как необходимого условия человеку трудно найти смысл жизни ... Не стоит ли расставить всё по своим местам, вернув человеку работающему его место у руля истории?» [11, с. 53, 57]. В то же время, думается, в современных условиях будет неверной позиция неприятия феномена социальной деятельности. Проблема осложняется отсутствием прозрачности в её понимании в рассматриваемом контексте. Трактовка социальной деятельности в соответствующих публикациях аморфна. В целом это возможность «жить своей осмысленной жизнью». «Человеку, избавленному от труда, ничто не мешает заполнить имеющийся у него досуг осмысленной и активной деятельно-

¹ См.: Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учебное пособие. М.: Логос, 2000. С. 35–37.

стью» [3, с. 14]. Тем не менее, сам подход в условиях нивелирования в постиндустриальном социуме работы и не-работы представляется в научном отношении необходимым и перспективным.

Суть и содержание социальной деятельности, существующей параллельно с деятельностью трудовой, – тема специального исследования. В то же время возможно определить содержательные компоненты социальной деятельности, которыми, в частности, могут быть: воспитание детей и укрепление института семьи; освоение ценностей духовной культуры в рамках соответствующих проектов, конкурсов, фестивалей, выставок, туристических поездок; реализация просветительских, образовательных, научно-популярных проектов, программ патриотического воспитания; выполнение социальных проектов, направленных на поддержку нуждающихся, престарелых, многодетных семей, молодых талантов и т. д.; участие в движениях по развитию физкультуры, спорта, здорового образа жизни. Особого исследовательского внимания заслуживает движение волонтеров, становящееся институтом современного российского общества. В целом речь идёт о самостоятельном поведении различных социальных групп, результатом которого становится как реализация их интересов, так и изменения в социуме, усложнение коммуникаций и социальной структуры.

Таким образом, если результатом труда выступает развитие личных качеств работника в ходе создания соответствующих материальных и духовных продуктов, то социальная деятельность, способствуя совершенствованию личности, в то же время нацелена на изменение социальных отношений. Причём трудовую деятельность и деятельность социальную в постиндустриальном обществе зачастую невозможно отделить друг от друга. С одной стороны, они сохраняют собственную природу и смысл, с другой, – «свободно-вынужденный» труд и социальная активность в период досуга (свободное время) сливаются в единое временное и деятельностное поле, составляя жизнь человека. Ранее невидан-

ный социальный конструкт, обозначающий способ бытия в современном мире, можно определить как *«социальную и трудовую занятость»*. Этот термин отражает взаимозависимые процессы, характерные для постиндустриального общества, вступившего в очередной – цифровой – этап развития, которые неизбежно затрагивают трудовую сферу, определённым образом сказываются на изменении содержания труда и его организации, но не ведут к исчезновению традиционных институтов трудовой деятельности, а развивают их и сопрягают с институтами собственно социальной деятельности.

Помимо социальной и трудовой занятости в структуре деятельности членов современного общества выделяется аспект, исследованием которого занимался в конце XIX в. американский экономист Т. Веблен. Главной идеей его книги «Теория праздного класса» стало расточительство и паразитизм богатых слоёв [2]. «Праздная» жизнь, по мысли автора, – это образ бытия знати и их окружения, призванный быть свидетельством и демонстрацией больших доходов, своеобразным критерием высокого социального статуса и престижа. Один из главных признаков такого образа жизни – демонстративное потребление, призванное вызвать у окружающих восхищение и поклонение. К личностному совершенствованию и прогрессу общества «праздная» жизнь отношения не имеет, однако, как видим, сохраняется на протяжении столетий в качестве спутника цивилизации.

Видение Вебленом данной проблемы остаётся актуальным в условиях современной трансформации общественной жизни и трудовой сферы, выделения социальной деятельности как самостоятельного и массового явления, понимания его сути, роли и предназначения.

Заключение

Исследовательская позиция, состоящая в безоглядном утверждении посттрудового будущего человечества, вряд ли состоятельна. Труд как способ бытия человека

и общества, источник жизненного смысла личности сохраняет и, по-видимому, сохранит в дальнейшем свою значимость. В то же время характеристики трудоемкости постиндустриального мира кардинально отличаются от предыдущих этапов развития цивилизации. Прежде всего, речь идёт о *гуманизации труда*, основным свидетельством которой выступают явное движение от вынужденной трудовой деятельности к росту значимости и масштабов свободного труда, появление в центре производства и общественной жизни его субъекта – креативного работника.

В то же время в основе современной трудовой сферы лежит специфический *«свободно-вынужденный» труд*, выступающий продуктом и способом функционирования информационного общества. Его генерируют, с одной стороны, остающиеся объёмы рутинного труда, необходимость заработка, с другой стороны, – возникшие в циф-

ровом социуме новые формы личностного и общественного бытия, общения, коммуникаций, самоорганизации трудовой деятельности. Несмотря на противоречивость данного конструкта, он поддерживает тенденцию гуманизации трудовой деятельности, опираясь на «труд как самоценность», коренящийся в глубине индивидуального и общественного сознания.

Развивающаяся структура отношений позволяет сделать вывод о взаимосвязи в постиндустриальном мире института труда и института собственно социальной деятельности, результатом взаимодействия которых выступает нетривиальный феномен *«социально-трудовой занятости»*. Однако он оставляет за скобками «праздную» жизнь, существующую в истории с момента возникновения в обществе иерархических социальных структур.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрунов С. В. От хомо экономикус – к хомо сапиенс // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 18–31.
2. Веблен Т. Теория праздного класса / вступ. ст. С. Г. Сорокиной; под ред. В. В. Мотылева. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
3. Джохадзе И. Homo faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6 (45). С. 3–17.
4. Zubov B. A. Труд в XXI столетии: особенности развития // Молодой учёный. 2016. № 6 (110). С. 957–961.
5. Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. Т. 26. Ч. III: Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). М.: Издательство политической литературы, 1964. 681 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. М.: Издательство политической литературы, 1968. 559 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.
8. Маяцкий М. Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 72–87.
9. Мирзоян В. А. Кризис трудовой мотивации: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 3–13.
10. Нестеров О. Г. Посттрудовое общество: синтетическая свобода и трудовая этика // Вопросы философии. 2023. № 2. С. 79–88.
11. Сидорина Т. Ю. Homo irrentitus & homo faber: человек трудящийся в зоне риска // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 50–59.
12. Фортунатов А. Ю. Цифровая толпа и цифровой гедонизм: постбытийность информационного общества // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 4 (26). С. 44–52.
13. Фромм Э. Человек для себя: исследование психологических проблем этики / пер. Л. А. Чернышевой. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.

REFERENCES

1. Bodrunov S. V. [From Homo Economicus to Homo Sapiens]. In: *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 2021, no. 12, pp. 18–31.

2. Veblen T. The Theory of the Leisure Class (Rus. ed.: Motylev V. V., ed. *Teoriya prazdnogo klassa*. Moscow, Progress Publ., 1984. 367 p.).
3. Dzhohadze I. [Homo faber and the Future of Labor]. In: *Logos*, 2004, no. 6 (45), pp. 3–17.
4. Zubov V. A. [Labor in the 21st Century: Features of Development]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young Scientist], 2016, no. 6 (110), pp. 957–961.
5. Marx K., Engels F. Works (Rus. ed.: *Sochineniya*. T. 26. Ch. III: Marks K. *Teorii pribavochnoj stoimosti (IV tom "Kapitala")* [Works. Vol. 6. Pt. III: Marx K. Theories of Surplus Value (Volume IV of Capital)]. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1964. 681 p.).
6. Marx K., Engels F. Works (Rus. ed.: *Sochineniya*. T. 46. Ch. I: Marks K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Works. Vol. 46. Pt. I: Marx K. Economic Manuscripts of 1857–1859]. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1968. 559 p.).
7. Marx K., Engels F. German Ideology (Rus. ed.: *Nemeckaya ideologiya*. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 3 [Works. Vol. 3], Moscow, Publishing House of Political Literature, 1955, pp. 7–544.
8. Maiatsky M. [Liberation from Work, Unconditional Income and Foolish Will]. In: *Logos*, 2015, vol. 25, no. 3, pp. 72–87.
9. Mirzoyan V. A. [Crisis of Labor Motivation: An Experience of Philosophical Analysis]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2011, no. 11, pp. 3–13.
10. Nesterov O. G. [Post-labor society: Synthetic freedom and work ethics]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2023, no. 2, pp. 79–88.
11. Sidorina T. Yu. [Homo Irretitus & Homo Faber: a Worker at Risk]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2023, no. 9, pp. 50–59.
12. Fortunatov A. Yu. [Digital crowd and digital hedonism: the post-being of the information society]. In: *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve* [Philosophy and Humanities in the Information Society], 2019, no. 4 (26), pp. 44–52.
13. Fromm E. Man for himself: a study of psychological problems of ethics (Rus. ed.: Chernysheva L. A., transl. *Chelovek dlya sebya: issledovanie psihologicheskikh problem etiki*. Minsk, Kollegium Publ., 1992. 253 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернавин Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта;
e-mail: uchernavin@yandex.ru

Федотов Владимир Владимирович – доцент кафедры экономической теории и менеджмента Российского университета транспорта;
e-mail: vladimirfedotov1@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuriy A. Chernavin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport;
e-mail: uchernavin@yandex.ru

Vladimir V. Fedotov – Assoc. Prof., Department of Economic Theory and Management, Russian University of Transport;
e-mail: vladimirfedotov1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чернавин Ю. А., Федотов В. В. Характер труда в постиндустриальном мире: свободный vs вынужденный // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 131–140.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-131-140

FOR CITATION

Chernavin Yu. A., Fedotov V. V. The Nature of Labor in the Post-Industrial World: Free vs Forced. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 4, pp. 131–140.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-4-131-140

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2024. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Ю. А. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9, уч.-изд. л. 12.

Подписано в печать: 12.12.2024 г. Дата выхода в свет: 16.12.2024 г. Заказ № 2024/12-02.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А